УЛУКБЕК ЧИНАЛИЕВ

От кетменя до мундира посла.

Страницы жизни семьи, республики, страны.

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга Улукбека Чиналиева – интересный эксперимент, рисующий так называемые «равные возможности», существование которых давало возможность при Советской власти получать достойное образование в лучших вузах страны, занимать престижные должности тем, кто относился к классам рабочих и крестьян, т. е. к большинству населения. Семья Чиналиевых подобно лакмусу, представляла глубокую реализацию способностей детей в различных областях знаний. Книга позволяет обратиться к истории второй половины XX века и первых десятилетий нынешнего века. Людям, событиям (порой драматичным), стране… Старшее и среднее поколение вспомнит молодость, юноши смогут убедиться, что разные поколения не такие разные. Их, эти поколения, объединяют схожие чувства, устремления, сомнения. Осталось открыть книгу и страницу за страницей её прочитать…

- Улукбек Чиналиев
  - ○
  - ○
  - ○
  - ○ Предисловие
  - ○ Благодарность
  - ○ I
  - ○ II
  - ○ III
  - ○ IV
  - ○ V
  - ○ VI
  - ○ VII
  - ○ VIII
  - ○ IX
  - ○ X
  - ○ XI
  - ○ XII
  - ○ XIII
  - ○ XIV
  - ○ XV
  - ○ XVI
  - ○ XVII
  - ○ XVIII
  - ○ XIX

- ○ XX
- ○ XXI

Улукбек Чиналиев
От кетменя до мундира посла. Страницы жизни семьи, республики, страны

© Улукбек Чиналиев, 2018

Чиналиев Улукбек Кожомжарович – политик, дипломат, ученый и общественный деятель. Был в разные годы членом бюро ЦК Компартии Киргизии, руководителем столичной партийной организации, Чрезвычайным и полномочным Послом Кыргызстана в Украине, Узбекистане, Российской Федерации, депутатом Верховного Совета Киргизской ССР двух созывов. Доктор политических наук, профессор, член-корреспондент Международной кадровой академии (Киев, Украина), член Международной академии (штат Калифорния, США), почетный профессор Ошского технического университета. Автор монографий: «Кыргызстан на пути к демократии», «Кыргызстан и Украина: сравнительный анализ политических структур», «Реализация принципа разделения властей в современном Кыргызстане», «Политические партии Кыргызстана», «Горть земли берут в дорогу люди, памятью о доме дорожа…», «Становление Кыргызской государственности в переходный период», «Особенности формирования гражданского общества в Кыргызской Республике». Имеет дипломатический ранг: «Чрезвычайный и Полномочный Посол Кыргызской Республики».

Награжден орденом «Знак Почета», орденом «За заслуги» II степени, медалью «Данк», медалью «За освоение целинных земель», двумя почетными грамотами Верховного Совета Киргизской ССР.

С внучкой Габриэлой. *Фото Диана Чиналиева*

Книга посвящается жене Светлане

Предисловие

Книга Улукбека Чиналиева – интересный эксперимент, рисующий так называемые «равные возможности», существование которых давало возможность при советской власти получать достойное образование в лучших вузах страны, занимать престижные должности тем, кто относился к классам рабочих и крестьян, т. е. к большинству населения.

Семья Чиналиевых, подобно лакмусу, представляла глубокую реализацию способностей детей в различных областях знаний.

Книга позволяет обратиться к истории второй половины XX века и первых десятилетий нынешнего века. Людям, событиям (порой драматичным), стране…

Старшее и среднее поколение вспомнит молодость, юноши смогут убедиться, что разные поколения не такие разные. Их, эти поколения, объединяют схожие чувства, устремления, сомнения.

Осталось открыть книгу и страница за страницей ее прочитать.

Профессор А. С. Кацев

Благодарность

В книге, которую я задумал, мне хотелось написать о своей семье, некоторых людях, которых я встретил в жизни, о некоторых событиях, участником или свидетелем которых был. Но не так-то просто было взяться за работу, мешали обстоятельства и брало сомнение – удастся ли мне воссоздать образ человека, картину, с годами потускневшую, стоит ли довериться своей памяти?

Написание книги превратилось в трудное дело, когда истекшие истории превращались в слова, замысел рассыпался на бумаге, идеи и образы тускнели. Как вдохнуть в них жизнь? К счастью, рядом всегда были мастера, наставники, примеры для подражания: классики кыргызской, русской, западной, восточной литературы. Из их книг я понял, что и в самых худших ситуациях всегда есть надежда.

Многим из тех, кто ознакомился с предварительным вариантом книги, я благодарен за советы, касающиеся того, как ее можно улучшить. Так, профессор Александр Кацев, редактор книги слал мне письмо за письмом с замечаниями и вопросами, по тем местам, которые, по его мнению, были плохо освещены. Признаться, я был обескуражен, получив огромный список рекомендуемых исправлений, но Александр Самуилович оказался совершенно прав. Я уверен: книга стала лучше благодаря твердой руке, здравому суждению и редакторскому опыту профессора Кацева.

Помощь, поддержка, которые мне оказали моя жена Светлана и дети Владимир, Ирина, мой брат Олег, создали мне условия и обеспечили возможность вести нормальный образ жизни и добиться успехов в работе.

Мои любимые внучки Евгения, Диана и Габриэла убеждали меня в том, что им и их близким интересны опубликованные фрагменты будущей книги. Большое спасибо моим друзьям в социальных сетях, которые обращались ко мне с пожеланиями поделиться воспоминаниями о своей жизни.

I

«Я по свету немало хаживал…»

Оказавшись в Джалал-Абаде, я с легкостью могу восстановить те места, с которыми меня связывают воспоминания.

Прохожу по тем же улицам, переулкам, паркам, вглядываюсь в прохожих и соседей, живущих напротив родительского дома, но никого из той прошлой жизни не нахожу. Истекшие времена всегда связаны с нашим настоящим. Ничего в жизни не происходит просто так и не уходит в пустоту навсегда. Через полвека захожу во двор своего дома, на топчане сидит аксакал, как весточка из моего детства. Вспоминаем те годы, когда город был бедным и печальным, оторванным от мира. Вспоминаем общих знакомых, родственников. Он рассказывает о своих детях, один из которых живет с ним. Обо мне он знает по газетам. Его жена показала двор, сад. От старого дома сохранился лишь забор, построенный более полувека назад, неповторимый в своей неказистости, но все же уникальный, он – как своеобразный памятник тем далеким временам. Годы, они определены судьбой каждому из нас. Попасть бы, в те 1960-е, когда мама еще молодая и отец жив. Вдруг становится холодно и тоскливо потому, что ищу то, чего давно уже нет. Нет тех людей – они уехали, просто изменились до неузнаваемости. Но это не главное. Ищу на этих улицах себя, свою молодость, свои детские мечты и надежды. Каждая улица, каждый переулок напоминают о прежних переживаниях, словно мелодия, рождающая в памяти воспоминания о юношеской любви. Испытываю ностальгию по местам детства просто потому, что я там жил, хорошо ли, плохо ли. Прошлое всегда прекрасно, будущее, кстати, тоже; причиняет боль только настоящее.

Вспоминаются пятидесятые годы прошлого века. Город самобытен. В древние времена здесь проходила одна из ветвей Великого шелкового пути на Бухару и Самарканд.

Он возник как кишлак возле целебных источников. С течение времени появились мастеровые: гончары, ремесленники, кустарные мастерские. Одно производство требовало другого, спрос порождал промышленность, промышленность – торговлю, торговля – прибыль, прибыль – благосостояние, а благосостояние-полезные замыслы. Таким образом создавалось множество мелких промысловых хозяйств. Вначале они преуспевали медленно, но из года в год преуспевание их все возрастало. Кто работает, тот ест, а кто ест – мыслит. Поселок пробуждался к жизни. Местные

жители собирали урожай, привечали паломников, которые появлялись здесь из-за минеральных вод. В XIX веке на месте кишлака появилась Кокандская крепость, ставшая частью России, названная вскоре городом.

В середине XX века окраина застраивалась, чтобы сегодня превратиться в центр. Окна нашего дома выходили на колхозные поля, простирающиеся до горизонта, что придавало дому одновременно уединение и простор. Одна из комнат, с тремя окнами, смотрящими на деревья фруктового сада, предназначалась для детей. Ранней весной семья перемещалась в летнюю кухню. Первоначально она служила сараем для домашней скотины, затем превратилась в баню, со временем, обустроенная, служила летней кухней и столовой. Тут же, в одном шаге, просторный топчан, укрытый виноградником и марлей от комаров, вмещал всю семью на ночлег.

Городским населением нас можно было назвать с натяжкой, так как у жителей были коровы, овцы, куры, утки и т. п. У каждого хозяина был ухоженный огород: морковка соседствовали со свеклой, капуста с картошкой… Мои родители держали корову, кур и другую живность. Слушая рассказы родителей, мы, дети, чувствовали, что это совсем непохоже на то, что написано в учебниках. Не совсем понимали подлинную суть событий, которые они пережили. Любая человеческая жизнь – это капля в океане. Она исключительна и типична одновременно, состоит из автобиографии и общественных событий, переплетающихся друг с другом. Связь с ушедшими поколениями – память, подобная старым пожелтевшим фотографиям, хранящимся в семейных альбомах…

Мои предки не оставили записок о своей жизни, поэтому мы, дети и внуки, плохо знаем свои корни, весьма вольно трактуем обычаи, не сохранив прерванную связь времен. Может, главная трудность, которой люди учатся у Истории, сформулирована в горьком вопросе: «Кто же тогда мог знать, что все так обернется?»

Передо мной фотография с резными краями, сейчас таких нет. Семь человек внимательно смотрят в объектив. Мама в цветном джемпере, волосы вьющиеся, покрыты платком, черты лица правильные, взгляд голубых глаз сосредоточенный и доброжелательный. Руки бережно и надежно держат ухоженного ребенка. Мама была стройная, невысокого роста. Отец болен, он никогда не говорил о своей болезни. Лицо серьезно, твердо, почти печально. На нем белая рубашка, свитер, сверху темный плащ. На младших детях одинаковые серые хлопчатобумажные рубашки, пуговицы застегнуты под горлышко. Подстрижены под бокс, волосы не топорщатся. Старшие одеты в вельветовые кофты

на молнии, разной расцветки. Стрижка у них полубокс, чубчики набок. У малыша мягкие длинные волосы до плеч, его не стригли до исполнения года. Хилый, бледный заморыш требовал, разумеется, усиленных забот, а значит, он был дороже других, был любимчиком. Лица детей свежие, озорные, взгляды любознательные. Ушедшие в мир иной глядят на нас живыми глазами.

Биография нашей семьи мне известна со слов отца: наш дед Бикеев Чыналы, 1855 года рождения, жил в эпоху присоединения Киргизии к России, длившуюся два десятилетия, с 1855 по 1876 год. Вхождение было не только продолжительным, но и трудным, противоречивым – как мирным, так и насильственным, военным. Это было вызвано стратегически важным геополитическим положением Киргизии, находящейся между Кокандским ханством, Цинской империей и Россией.

Российские (или имперские) власти прилагали немалые усилия для мирного вовлечения киргизов в состав Российского государства. В мае 1864 года начальник Зачуйского отряда полковник М. Черняев рассылает кыргызским манапам письма с предложением установить дружественные отношения. В этом же году, 24 декабря, кыргызское племя саяков подало прошение о принятии племени в российское подданство:

«Прошение манапа о принятии саяк в состав Российской империи. Прошение манапа племени саяк Рыскулбека Начальнику Зачуйского отряда М. Г. Черняеву с просьбой о принятии саяков в российское подданство. Начальнику Ак-Мечети, Туркестана, Чимкента, Пишпека и Токмока.

Свидетельствую свой поклон и прошу следующую просьбу: „Я, Рыскулбек, кочующий между Андижаном и Кетмень-Тюбе и управляющий девятью тысячами кибиток саяковского рода, изъявляю настоящим письмом свое желание вступить в верноподданство Белого царя с управляемым мною народом.

Если просьба эта будет принята, Вы сообщите мне о том, что я, оставаясь на местах прежних своих кочевок, буду служить государю и вам. Место на Кетмень-Тюбе с давних времен принадлежит мне, и я оттуда никуда не кочую. Сарыбагыши и солто уже (племена кыргызов. – У. Ч.) два года делают мне притеснение, и если Вы пришлете мне письмо, то они не посмеют больше притеснять меня. С подлинным верно, обер-квартирмейстер полковник Бабков“».

С вхождением в состав России на территории Кетмень-Тюбе была образована одноименная волость, в которой то и дело вспыхивали народные волнения, жестоко подавляемые властями, и потому беспокойная волость передавалась из одного уезда в

другой. Сюда неоднократно направлялись карательные экспедиции, но даже в 1916 году кетмень-тюбинские повстанцы дольше других оказывали сопротивление царским властям, скрываясь в лесах до зимних холодов, угоняли скот, убивали волостных управителей и айыльных старшин.

Кыргызы вступили в двадцатый век разрозненными, разобщенными, без собственной государственности. Приобретенный опыт в Средние века был утрачен. Кардинальные изменения в судьбе кыргызов произошли после установления советской власти. Она изменила не только вековой уклад жизни людей, оторванных от всего мира, но и хозяйственно-экономический облик долины. Вьючной тропой завезли оборудование для хлопкоочистительного завода, машины, телеги и даже первый автомобиль доставили сюда в разобранном виде.

Мой отец – Чиналиев Кожомжар – родился десятым ребенком из тринадцати, в семье бия Бикеева Чыналы, рода сарттар, в 1905 году в аиле Мазар-Суу Кетмень-Тюбинского района, ныне Токтогульского, Джалал-Абадской области. У кыргызов титул бий был не столько наследственным или жалуемым, сколько заслуженным почетным званием, он не назначался и не избирался.

К началу 1930-х годов происходит отход просветительского подхода к классовому. «Выстраивание» исторического процесса происходит в согласии с идеями большевиков и свертывания дискуссий.

Чыналы репрессируют. Он обладал небольшим земельным наделом. Владение землей порождало фамильный дух.

Она является свидетелем прошлого и ценным залогом будущего существования семьи, рода. То, что называется чувством рода, на самом деле не что иное, как тщеславие. Каждый стремится продлить свой род, чтобы достичь в некотором смысле бессмертия, воплотившись в своих потомках. Когда чувство рода пропадает, с особой силой проявляется эгоизм человека. Род воспринимается как нечто весьма размытое, неопределенное и неясное, каждый человек думает лишь о собственном благополучии в повседневной жизни и о том, чтобы просто обзавестись потомством.

Когда отцу исполнилось семь лет, родители отдали его на воспитание в семью русского учителя, переселенца из России периода столыпинской реформы.

В Кетмень-Тюбинской котловине переселенцы селились у слияния рек Нарын, Узун-Акмат и Чычкан, основав село, которое назвали именем Тараса Шевченко.

Проучившись четыре года и получив начальное образование,

овладев русским языком, научившись читать и писать, мальчик, по настоянию родителей, был отправлен в школу народного образования в Наманган. Он в те годы был ведущим экономическим и культурным центром благодатной Ферганской долины. По рассказам отца, это были пять лет напряженных занятий и детства вдали от родных и близких. Ученики изучали арабский язык, Коран и его толкования, начальные догмы ислама, алгебру. Особое внимание уделялось овладению арабской письменностью, основам психологии и анатомии человека, трудовому воспитанию.

Становление мусульманской интеллигенции начала XX века проходило в условиях строгой дисциплины, почитания и уважительного отношения к старшим, физического труда. Все это в сочетании с многочасовой самоподготовкой и ежедневным пятиразовым намазом воспитывало волю, самодисциплину, чувство ответственности.

В те годы в медресе применялась палочная система воспитания. Мулла длинной линейкой наказывал нерадивых и непоседливых учеников. Чтобы сдержать себя, надо было иметь большое терпение. Поэтому не следует слишком сильно винить бедного, не очень проницательного наставника за то, что он иногда выходил из себя и бывал несправедлив. Насмотревшись в отрочестве на жесткие методы воздействия, отец воспитывал своих детей добротой, лаской и любовью.

В пятнадцать лет отец вернулся в родной аил, где новоиспеченного учителя односельчане стали уважительно называть Кожош-Молдо. С укреплением в Киргизии советской власти усилилось давление на религиозных деятелей, они подвергались гонениям.

Отец продолжил образование во Фрунзенском педагогическом техникуме, созданном в 1928 году на базе киргизского института народного просвещения. Среди первых его выпускников были Абдылас Малдыбаев, Гапар Айтиев, Касымалы Джантошев, Мукай Элебаев, Кубанычбек Маликов, Джоомарт Боконбаев, Алыкул Осмонов. Все они сыграли наиважнейшую роль в культурной жизни республики.

В техникуме было немало педагогов из Татарстана, до конца своих дней Кожомжар-ата часто вспоминал о профессоре Абзалове. Глубокий знаток истории российского государства, тот был очень интересным лектором. Еще в начале учебы, узнав, что студент Чиналиев родом из Кетмень-Тюбинской долины, Абзалов предсказал: наступит время, когда у слияния трех рек Нарын, Узун-Акмат и Чычкан – построят плотину и гидростанцию, и вся плодородная долина будет затоплена.

Старший из братьев, Автандил, вспоминал, что впервые об этом услышал от отца в 1956 году, еще до начала сооружения Токтогульской ГЭС, когда ему было 14 лет.

Знание киргизского, русского, арабского, узбекского языков, доброта и бескорыстие в общении с людьми снискали отцу уважение всех тех, с кем ему довелось жить и работать в Токтогуле, Джалал-Абаде или Сузакском районе. Местные жители, получавшие почтовые сообщения из Мекки на арабском языке, неизменно обращались за помощью с переводом и ответом на письма к отцу, да и почерк у отца был каллиграфический, безупречный. Не случайно, его стали уважительно называть Ходжа-ака.

Некоторое время он учился и работал в Узбекистане. Отец хорошо знал не только язык, но и культуру, обычаи и традиции соседнего народа. На всю жизнь отец сохранял уважительное отношение к узбекам, отмечал их трудолюбие, любовь к земле, почитание старости и нежность к детям.

Знаток нескольких языков, человек, которому довелось с ранних лет учиться и тесно общаться с кыргызскими, русскими, узбекскими, татарскими педагогами, отец с раннего возраста впитал в себя искреннее уважение к различным этническим группам и другим верованиям. Видимо, это сыграло немалую роль в том, что после смерти первой жены он вторично женился на русской девушке Марии Дятловой.

II

Дед ее, Василий Иоаникович, был владельцем красильной мануфактуры в Москве, о чем свидетельствует запись в книге учета жителей города Москвы за 1905 год, имел собственный дом. Один из его сыновей, Никита, будущий отец моей мамы, участвовал в Русско-японской войне 1904–1905 годов, защищал Порт-Артур. Имя его занесено в Книгу Почета. После войны он служил в Московской жандармерии. В книге записей за 1913 год значится, что сотрудник 3-го полицейского участка мещанского околотка Дятлов Никита Васильевич неоднократно награждался денежными поощрениями.

После Октябрьской революции, опасаясь преследований большевиков, он затерялся на бескрайних просторах России. Осел он с женой Анастасией Ивановной в селе Котел, Керенского района, Пензенской губернии, где в феврале 1922 года родилась дочь, которую нарекли при крещении Марией. К тому времени у них уже было три сына: Петр, Николай и Михаил.

Опасаясь за жизнь мужа, Анастасия уничтожила все фотографии, где Никита был снят в жандармской форме с царскими наградами. Боялся за жизнь близких и сам глава семьи, поэтому выбрал дом для проживания, из окна которого была хорошо видна проселочная дорога, связывающая село с уездным центром. Постоянно ожидая ареста, он наблюдал за дорогой, и, едва заметив что-либо подозрительное, покидал дом. Когда стали создаваться колхозы, семье Дятловых в приеме отказали. Так они стали единоличниками. Братья Марии росли крепкими, трудолюбивыми, умеющими постоять за себя. В те годы одной из распространенных забав молодежи были кулачные бои – стенка на стенку, село на село. Физически очень сильного и отчаянного Петра побаивались многие. В труде братья также не уступали никому. Семья была дружная, крепкая, и потому жили они зажиточнее других. За крепкое хозяйство односельчане окрестили их Купцовыми. Под этим именем и были они известны на всю округу, а еще они прославились тем, что в доме была единственная в селе и его окрестностях ручная швейная машинка «Зингер», привезенная из Москвы. Ее приходилось оберегать зорче глаза, перепрятывать во время обысков, даже опускать на дно ближайшего водоема. Продукция американской компании Zinger была известна во всем мире, в том числе в России. Подольский механический завод наладил их производство еще до революции. Машинка эта, сколько себя помню, всегда была в нашей семье. Не могу себе представить, как мама могла ее

привезти из села Пензенской губернии. Мы с интересом рассматривали замысловатые цветные узоры на черном лакированном корпусе, ажурный орнамент, которым были щедро украшены металлические детали. Дотрагиваться к ней нам было запрещено, это была большая ценность, ею мама обшивала детей, чинила одежду.

Представители комитета бедноты, созданные декретами ВЦИК и Совнаркома во второй половине 1918 года, с целью практической реализации политики «военного коммунизма» в сельской местности, постоянно наведывались в ненавистную семью единоличников. А когда в стране началась кампания борьбы с кулачеством, сформулированная Сталиным «ликвидация кулачества как класса», начали отбирать у них имущество и инвентарь. Братья не подчинились Советской власти и во время экспроприации оказали ожесточенное сопротивление новому строю.

В Пензенской области в 1920-е годы почти все хутора были уничтожены крестьянами – сторонниками общего землепользования. С 1930 года начался процесс массового бегства жителей сельской местности.

Семья моей матери покинула село Котел, и братья скрывались чуть ли не до начала Великой Отечественной войны. Правда, самый старший, Петр, успел прихватить и финскую кампанию. Средний, Николай, служил в артиллерийском полку Прибалтийского фронта, дважды был ранен, награжден медалью «За отвагу». Младший, Михаил, воевал в войсках второго Белорусского фронта, был тоже награжден. С фронта он вернулся тяжело больным, разыскал младшую сестру Марию в Джалал-Абаде и благодаря ей 8 месяцев лечился в противотуберкулезном диспансере у известного доктора Рейнгольда Бауэра. Врач давал больному необходимые лекарства, соседние бабушки приносили собачий жир, заставляли его есть алоэ, сваренное с медом, однако ничего не помогло. Он вскоре умер.

Несколько десятилетий спустя, когда вырастут дети Марии и Кожомжара, когда жизнь войдет в нормальное русло, самый младший из пяти сыновей, Сергей, отправится на родину матери, чтобы разыскать кого-нибудь из ее родных или хотя бы тех, кто их помнил.

Провожая его в дорогу, мать напутствовала: «Запомни, сынок, нас в селе знали больше как Купцовых, а в 1938 году, когда я уехала, председателем колхоза был Шачников, и у него была дочь Надя. Она была моей подругой».

Вот с такими сведениями и оказался Сергей на полустанке «Пачелма». Это была самая близкая железнодорожная станция от

села Залесская ферма. Однако на месте, где некогда была деревня, сохранились лишь остовы печных труб бывших строений, трухлявые пни некогда цветущих садов да покосившиеся могильные кресты. Решением Пензенского облисполкома от мая 1988 года деревня была исключена из учета данных, как населенный пункт, из которого выехали все жители.

Сергею удалось разыскать бывших сельчан, кто знал и помнил мать и ее родственников, но где искать Надежду Шачникову, они не знали. Помог случай. Попутная машина, на которой он возвращался к железнодорожной станции, проезжала мимо картофельного поля, на котором работала женщина средних лет.

Попросил водителя остановиться, подошел к ней и спросил, не знакомо ли ей имя Надежды Шачниковой?

– Как же не знать, – ответила она.

– Ведь я ее внучка.

Оказалось, что Надя живет в селе Ломово, райцентре одноименного района. Именно она проводила в последний путь Михаила. Сводила гостя на кладбище, показала могилу его дяди.

Прощаясь, сын выполнил наказ матери, передал ее подруге достаточную сумму денег.

Она наотрез отказалась их брать, но он пояснил, что его мать хоть таким образом желает отблагодарить свою давнюю землячку за то, что она ухаживала за ее больным братом, похоронила его, устроила поминки.

К тому времени от большой, зажиточной семьи никого уже не осталось.

Пора было возвращаться обратно, когда на полустанке «Пачелма», где пришлось ожидать поезд «Пенза-Москва», к нему подошел старик. Как выяснилось, его привлекла азиатская внешность ожидающего.

Сам он когда-то жил в Казахстане, вот и захотелось узнать, уж не из тех ли мест этот молодой человек? Пришлось рассказать, что приехал он навестить места, где родилась и жила его мама, назвал имя и фамилию.

– Что-то не припомню такую, – засомневался старик.

– А Купцовых помните?

– Как же не помнить? Ведь с Петром мы воевали вместе в финскую, хорошо знал и других братьев, лихие были ребята.

Случайно встреченный старик рассказал о трагическом периоде раскулачивания родителей нашей матери.

Вот ведь как бывает: братья числились «врагами народа», годами скрывались от Советской власти, а пришло время, они геройски погибли, положили свои жизни на алтарь Отечества.

Воспоминания о родителях, их близких заставило вновь вернуться к военному лихолетью, к тем, кто считался навсегда потерянным. Они были возвращены из небытия моим сыном Владимиром, племянниками Алексеем и Рыскулбеком, которые приложили изрядные усилия, чтобы документально восстановить военную судьбу Николая, считавшегося без вести пропавшим. Благодаря настойчивости наших детей были восстановлены скупые строки судьбы их прадеда Бикеева Чыналы, арестованного в 1930 году и позже реабилитированного.

Наши родители прожили в любви и согласии сорок шесть лет, вырастили пятерых сыновей. Всем дали блестящее образование. От своего отца унаследовал наш родитель убеждение, что человеческий капитал – это имеющийся у каждого запас знаний. Отправным пунктом для отца служило представление, что при вкладывании средств в образование детей он ведет себя рационально, взвешивая соответствующие выгоды и издержки. Причем образование по самым высоким международным стандартам. И потому основным смыслом своей жизни он видел, чтобы его сыновья учились в престижных вузах, непременно в технических.

Начало сороковых годов. Отец главный бухгалтер двух колхозов в Сузакском районе Джалал-Абадской области. Во время Великой Отечественной войны его, как и всех мужчин, призвали, чтобы отправить на фронт. Однако вскоре вернули по брони на прежнее место работы. Кто-то должен был кормить фронт и тыл. Вот только поработать долго главным специалистом сельхозартелей ему не довелось. Разгул истерии по выявлению врагов народа накрыл и его. Хотя и не было у отца агрономического образования, но из литературы и опыта других земледельцев знал о преимуществах озимого сева. В теплую и влажную осень мобилизовал колхозников засеять обширный клин поливной пашни. Появились дружные крепкие всходы. Когда выпал первый снег, зеленка поднялась на 10–15 сантиметров. Селяне, позже, получили хороший урожай пшеницы, а это позволило выполнить и плановые поставки на фронт, и обеспечить колхозников хлебом.

Однако то ли по доносу недоброжелателей, то ли из-за неосведомленности руководителей районного НКВД зимой отца обвинили во вредительстве. Тут же в ход пошло все.

Припомнили бдительные сотрудники компетентных органов и бай-манапское происхождение и репрессии деда Бикеева Чыналы, и учебу в медресе, и короткий период его просветительской деятельности в бытность молдо.

О камерах следственного изолятора НКВД отец вспоминать

не любил, однако и забыть об этом не мог. Для того чтобы добиться нужных показаний, применялись жестокие пытки. Сильно били по голени ног, поэтому кожи на ногах не было, но глянец остался на всю жизнь. Бывало в детстве, мы спрашивали: «Ата, почему у тебя такие ноги?» Он пояснял, что его волки покусали. Нам было интересно, как это могло произойти, но по некоторым признакам мы догадывались, что ему это досадно вспоминать. И расспросы прекращались.

Много позже, будучи взрослыми, мы узнали отдельные подробности того жизненного периода отца. Особой изощренностью отличалась пытка в карцере: отца ставили под капающую на голову воду и не давали спать. Как правило, после трех суток экзекуции подследственные подписывали любые документы.

Но все знали, что приговор, как правило, – это высшая мера наказания. Отец выдержал неделю и не подписал признательных показаний во вредительстве.

Будучи грамотным и хорошо владеющим русским языком, он написал жалобу на применение пыток, грубых нарушений закона в отношении его и других подследственных, в адрес Н. М. Шверника, председателя ВЦСПС, для передачи ее в руки Сталина. Жалоба, возможно, дошла до адресата, и по распоряжению центра была создана комиссия. Итогом работы ее стало освобождение нескольких десятков человек. Много лет спустя, работая послом, я приехал в Джалал-Абад и встретился с первым заместителем губернатора области. Не урегулированные пограничные вопросы, торгово-экономические, бытовые проблемы обсуждались с администрацией региона.

После напряженной работы приятно было посидеть за пиалой кок-чая, располагавшего к воспоминаниям. У кыргызов принято расспрашивать, где родился собеседник, кто его родители, какого он рода. Это не является нарушением личного пространства и вписывается в норму. Мой собеседник, с горечью, поведал о том, что наши родители вместе находились под следствием, перенеся все тяготы, выпавшие на их долю. Он, встретив меня, просил передать признательность моему отцу, продлившему годы жизни его отца, своим поступком.

Освободившись из-под следствия, ему пришлось перебраться подальше от областного центра, в Джанги-Джольский район. Впрочем, и там клеймо бай-манапского отпрыска не исчезло.

Не всегда и не везде удавалось найти подходящую работу. Отец по-своему реагировал на абсурдность происходящего, осознавая вседозволенность власти, полную непредсказуемость собственной судьбы и невозможность повлиять на нее. О том

невеселом периоде жизни родителей выросшие сыновья много позже узнали из скупых рассказов матери.

Этот семейный снимок датирован 1948 годом. Разместились мы во дворе дома под густой кроной дерева, темный кустарник и деревья раскинулись во всю ширину и глубину фотоснимка, что там дальше, уже не установить. Слева мама, перед ней сидит Автандил, я на руках отца чем-то недоволен, моя правая приподнятая ножка выражает крайнее нетерпение, сейчас она топнет, Тариэл прислонился к бабе Шуре. На детях одинаковые белые рубашки, накрест перехваченные, поясками поддерживающие темные штанишки, ноги босые. Отец в светлой рубашке, брюки заправлены в изношенные хромовые сапоги, он был человеком прилежным и трудолюбивым, как пчела, заботящаяся о благе своего улья. Любимое его обращение на протяжении всей жизни к детям было «айналайын» Олжас Сулейменов в своем стихотворении об этом слове сказал так:

Айналайын-чудесное слово.
Жаль, что русский его не поймет.
Объяснить я готов ему снова,
Только бедно звучит перевод…

Мама и бабушка разодеты в свои лучшие «городские» платья. Родители молодые, их лики светлые, открытые, у мамы благородный овал лица, даже дефект фотографии не умаляет

тонкие ее черты, по которым легко распознать девушку из хорошей семьи, выражение лица спокойное, она сама не знала, как украшали ее пышные волосы, скромно заплетенные в косы. Вглядываюсь в сюжет семейного отдыха, пытаюсь увидеть или вспомнить сказанные фразы о том промежутке времени. Фантазию мою, от природы умеренную, сдерживает мысль о жизненной достоверности. Перечеркиваю ранее написанное предложение и тем не менее возвращаюсь и начинаю сызнова рассматривать и домысливать ткань повествования. В ту пору мы проживали в поселке городского типа Нефтепром, впоследствии переименованного в село Кара-Дарья, вскоре мы переселились в областной центр Джалал-Абад.

III

К 1950 году в семье было уже четверо детей, и отец решает обосноваться в Джалал-Абаде. Разумеется, своего жилья у большой семьи не было. Пришлось снимать квартиру. Нужно ли говорить, что желающих пустить семью с четырьмя маленькими детьми было не так уж и много. Немало пришлось намаяться, пока нашли родители более-менее сносную крышу над головой. Скитаться всю жизнь по углам – не дело, справедливо рассудил глава семьи, надо строить собственный дом. Летом 1950 года семья получает земельный участок размером 5 соток на северной окраине Джалал-Абада. Соседями по земельному наделу оказались довольно заслуженные и очень интересные люди. С одной стороны, Герой Советского Союза летчик-штурман Евдоким Мазков, с другой выпускник Львовской художественной академии художник и скульптор Василий Владимиров. С третьей – главный архитектор города Щербинин. Со всеми отец быстро подружился. Кстати, Щербинин помог разработать подходящий проект дома для большой семьи, сделал нивелирную привязку будущего строения к участку с учетом геологических условий местности. Между нашими соседями не существовало заборов, окна комнаты художника, человека с достатком, смотрели в огородик и фруктовый сад, дома была большая библиотека. Среди его книг было много интересных. Тополя, клен, хвойные деревья придавали уют дому и улице, на которой он стоял. Беленные известью дома без украшений вытянулись вдоль главной улицы. Отсыпанная мелким гравием, за поворотом она пересекала железнодорожную магистраль ведущую к станции Кок-Янгак. К зиме готовились основательно, утепляли двери, окна, обновляли отдельный склад для угля и дров, солили овощи, фрукты хранили до весны. В каждом доме – чердак, а во дворе – погреб. Упоминание о погребе и чердаке вызывает щемящую тоску в сердце каждого, кто родился в тех местах, где в домах были кладовка, сундук, настенные часы, темный погреб, полутемный чердак. С чердаком у меня связано воспоминание о том, как младший брат Сергей приобщался к табаку. Отец где-то купил несколько пачек папирос «Гвардейские», с давно истекшим сроком употребления: в ту пору с прилавков исчезли товары повседневного спроса. Первоклассник обнаружил табачные припасы, взобрался на чердак, где хранилась солома, другие легко воспламеняющиеся предметы. Я находился дома за изучением наук, слышу топот детских ножек по потолку, поднимаюсь по лестнице на крышу, а там малыш прикуривает

длинную папиросу. Мы тогда условились не расстраивать маму и договорились, что не будем курить и не допустим пожара в доме. Олег приучался курить в возрасте четырех лет, соорудил самокрутку из газеты и поджег ее, она воспламенилась и обожгла ему щеки, огонь погасил едва ли не я, но щеки поджарились. Расскажу и о своей проказе: рогатка была непременным атрибутом настоящего пацана, и стреляли мы во все, что движется и летает. Как-то, проходя по улице, заметил бегущую курицу, и моя праща сразила ее наповал.

Соседка, хозяйка семьи Тонконоженко, с курицей в руках немедленно явилась в наш двор, назревал конфликт, разумеется, я наблюдал за развитием событий из своего убежища. Позиция была удобная, из каморки я мог видеть и слышать нелестные слова в свой адрес. Каково было мое удивление и в не меньшей степени удивление соседки, когда баба Шура поймала одну из наших кур и без лишних слов возместила убыток. Зимой можно было видеть много детей, катающихся на санках и коньках, по улице редко проезжали машины. Чистоту и порядок поддерживали жители, при активном участии квартальной, которая по темпераменту и складу характера вызывала доверие у соседей. С ее дочерью Майей я учился в одном классе. Энергии ее мамы хватало и на организацию питания младших школьников за счет государственных средств. Завтрак, на одной из перемен, состоял из стакана молока или чая с булочкой. Напротив нашего участка жила семья субботников. Единственное, что мы знали – они не работали по субботам. Рядом с квартальной жила многодетная семья баптистов. Старшие из них учились в одной школе с нами, ничем не отличались от нас, за исключением того, что не были пионерами. Образ жизни этой семьи можно определить как умеренно-религиозный (не возбранялось посещение кинотеатра). Официальные органы проявляли нетерпимость к духовной практике. На страницах местной прессы иногда публиковали критические очерки о наших соседях. Но это не мешало окружающим относиться к ним доброжелательно. Население праздновало Пасху с крашением яиц и поеданием куличей. Эта готовность отмечать религиозные праздники по форме, но не по содержанию относилось и к мусульманским праздникам. К Новому году и Рождеству добавился Нооруз, отмечаемый в День весеннего равноденствия. Ворота дворов во время торжеств или печальных событий были открыты для любого желающего: разделить радость или горе. К государственным праздникам родители нам покупали обновку. У местной спортивной знаменитости Светки Сорокиной мама работала парикмахером и раз в месяц она стригла нас всех

четверых, под модную по тем временам прическу бокс или полубокс. О жизни города, республики, страны мы узнавали из газет и радио. Газеты и радио – это более чем подручные средства кинематографа, влияние которого просто невозможно измерить. Джалал-Абадские зрители бурно реагировали на происходящее на экране кинотеатра. Зал в ликовании, кричит: «Наши! Ура!!!». Индийские фильмы пользовались особой популярностью. Их смотрели по многу раз. «Одинок всегда, бесприютен я, мир – пустыня для меня…» – запел с экрана вместе со зрителями в нашем единственном кинотеатре «Ударник» Радж Капур. Когда Джина Лоллобриджида появлялась в глубоком декольте в кадре из «Фанфана-Тюльпана», старики закрывали лицо ладонями, оставляя просвет между пальцами. Зал выкрикивал постоянно, стонал от каждого удара в кинодраке, ревел от восторга, когда изгнанный герой возвращается богатым и безупречно одетым, чтобы отомстить своему гонителю. Зал бурно сопереживал происходящему на киноэкране.

К концу 1950-х годов начался неприметный исход русскоязычного населения. По завершению строительства отчего дома стала обустраиваться улица Шопокова, названная в честь героя Советского Союза-панфиловца. Центр общения нашей семьи переместился к тем, кого сейчас называют «понаехали». Социальный статус, мироощущение жителей разных национальностей особо не отличались. Здесь и душевная жизнь каждого у всех на виду точно так же, как и все события, происходящие в этих домах. Жизнь обывателей почти вся проходила на вольном воздухе. Каждая семья усаживалась у своего крыльца, тут и завтракала, и обедала, и ссорилась. Всякого, кто пройдет по улице, оглядывали с головы до ног. Все жили одинаково бедно. Наиболее острый вопрос, который мог привести к разногласию, скудность поливной воды. Огороды орошались только по ночам, очередность контролировалась мирабом (поливальщиком). Это был, как правило, уважаемый, авторитетный, справедливый и знающий тонкости своего дела управляющий. Жизнь постепенно налаживалась, в городе многие строились, тема строительства на вечерних посиделках являлась основной. Один из соседей во время обсуждения «Где взять деньги?» публично заявил: «Без трусов останусь, но дом построю!» Уличное прозвище «без трусов» прилипло к нему надолго. Глава этой многодетной семьи отличался трудолюбием и настырностью, новоселье он отпраздновал одним из первых. Продукции местного маломощного кирпичного завода не хватало даже на промышленные, социальные государственные объекты. Да и дорого было строить жилье из жженого кирпича.

Большинству, в том числе и нам, это было не по карману.

По найму небольшая семейная артель на месте заказчика лепила из глины и соломы при помощи 3-4-секционных форм саманный кирпич-сырец. Подсушенные на южном жарком солнце, эти кирпичи служили основным строительным материалом. Строение из самана отличалось высокой теплоизоляцией в зимнее время и задерживало прохладу в летний зной.

До наступления холодов успели поднять стены. Дом венчала черепичная крыша. На это ушла вся государственная беспроцентная ссуда. К зиме мы въехали в свой дом без оконных рам, дверей и полов. На скорую руку обустроили одну комнату, поставили буржуйку, закрыли двери и проемы порогами из толя и мешковины. В ту пору зимы на юге Кыргызстана были холодные и снежные, время было голодное, продуктов мало, денег еще меньше. Чтобы купить буханку хлеба, люди занимали очередь с глубокой ночи. Каждый жилой участок был закреплен за определенной торговой точкой, мы покупали хлеб в десятом магазине, расположенном на улице Советской. Мать каждый день в 3–4 утра с грудным Олегом на руках уходила занимать очередь за хлебом, ребенок тоже считался одним из очередников. Тогда в одни руки строго давали по одной буханке.

Стояли ждали 8:00 утра, подъезжала будка с хлебом, запряженная лошадкой. Толпа приходила в движение, возникала толчея, гвалт, младенец просыпался и начинал плакать.

На правах полноправного члена семьи с нами проживала баба Шура. В трудные послевоенные годы родители ее приютили. Она была родом из Запорожья. Вдова погибшего офицера Красной армии, Александра Дмитриевна Зинько так и не вышла второй раз замуж, стала, по сути, родным человеком. И любила она нас, детей, как своих собственных. Она работала санитаркой в больнице, часто уходила на ночные дежурства. Во время отсутствия мамы мы оставались без присмотра, проснувшись, полураздетые выбегали во двор и босиком бегали по снегу. Замерзнув до посинения, забегали в комнату и с нетерпением ждали возвращения мамы с хлебом. Но вот она приносила свежие печеные буханки, растапливала печь, кипятила чай и садилась с детьми за скудный завтрак.

И без того небольшие деньги приходилось всячески экономить. Строительство дома – дело затратное, требовало немало средств, поэтому шло медленно и затянулось на годы. Пережив в собственном доме первую трудную зиму, по весне родители на приусадебном участке разбили огород, завели кур, уток, позже появилась корова. Стало сытнее, разнообразнее. Родители не могли еще покупать сыновьям спортинвентарь. Видя,

как его сыновья с завистью смотрят на сверстников, лихо катающихся на коньках по укатанным заледенелым дорогам, отец принялся по вечерам мастерить коньки сам. Из деревянного бруска кухонным ножом вырезал некое подобие полозьев саней, затем каленым гвоздем прожигал отверстия для крепления обуви, брал по размеру деревянных заготовок металлическую ленту, прибивал ее к бруску, и конек готов. До сих пор огненная обработка дерева вызывает у меня счастливое предвкушение: вот сейчас наступит момент, когда я смогу надеть коньки и съехать с горки.

IV

В детстве первый снег ждешь с нетерпением, порой просыпаешься ночью и первым делом бежишь к окну: выпал ли первый снег? Все им укрыто: деревья, которые еще вчера казались темными и унылыми, преобразились, теперь у них вместо листьев белый пушистый снег. Ждешь снега, чтобы воспользоваться санями или коньками. Город преображался, становился более нарядным. Грязь и слякоть подмерзали, на дорогах образовывался снежный накат. Во всех городах, где мне приходилось жить, снег каждый раз заставал горожан врасплох. На дорогах происходил затор, городской ритм жизни нарушался, временами напоминал стихийное бедствие. Создавалось впечатление, что ответственные за подготовку к зиме настойчиво внушали себе, что на этот раз: «Зимы не будет!» Это крылатые слова одного из общественных деятелей Кыргызстана, сказанные в декабре 2011 года. Однако стужа в наступившем году достигала до минус 25 градусов.

Зимой прилетали снегири изумительной красоты, с оперением коричного цвета. Головка у них сверху, вокруг клюва и глаз – черная, шейка красная, а на грудке у них что-то вроде изысканной красноватой манишки. Даже в мороз снегири сидели на заснеженных деревьях почти неподвижно. Птица доверчивая и общительная. Нам не составляло особого труда осторожно взобраться на дерево, приблизиться вплотную и рассматривать ее. Но стоило потянуть руку, снегирь падал камнем в снег.

Когда отец принимался за коньки, дети садились вокруг, с замиранием сердца наблюдая за таинством превращения простой деревяшки и металлической ленты в вожделенные коньки. А тем временем, орудуя ножом, ножницами по металлу или молотком, отец рассказывал истории, сказки, легенды, которых знал множество. Слушая его рассказы, извлеченные из исторических трудов, которыми он увлекался, он рассказывал о своем детстве, роде и несправедливости баев и манапов. Причем даже рассказывая известную историю или сказку, Кожомжар-ата всякий раз импровизировал, добавлял, присочинял что-нибудь свое, неназойливо воспитывая в сыновьях верность, благородство, доброту.

Эту же незабываемую школу воспитания позже прошли и внуки. Став дедом, он постоянно мастерил им шпаги и сабли, вырезал деревянные пистолеты и автоматы и даже шил им солдатскую форму. Так случилось, что старшим внуком стал мой сын Владимир. Пока мы учились в московских вузах, он с девятимесячного возраста до 4 лет оставался под присмотром

дедушки и бабушки. Больше всего ему нравилось, когда дед читал «Дон Кихота» Сервантеса. Он часто просил чон-ата почитать ему эту книгу. Кожомжар-ата доставал с полки книгу, не спеша надевал очки, удобно устраивался за столом и начинал с расстановкой читать. При этом внук спрашивал у деда: «Ата, а как Дон Кихот мог с копьем воевать с большой ветряной мельницей?» И дед подробно и терпеливо объяснял внуку, что часто в борьбе силы бывают неравные. Но если у человека, как у Дон Кихота, большое и неравнодушное сердце, если его возмущают зло и несправедливость, он смело вступает с ними в бой, даже если силы неравны. Проходило некоторое время, и внук снова просил деда почитать про Дон Кихота.

Лишь через несколько лет, когда в семье заметно улучшилось материальное положение, родители через службу «товары почтой» первым делом заказали всем троим старшим сыновьям настоящие коньки. Мальчишки их называли дутышами, за их дутую форму. Они считались самыми, говоря современным языком, крутыми коньками. Мы их крепили тонкими веревками к кирзовым сапогам или валенкам, задники валенок прорезались, и нам задавали трепку, иногда неизвестными путями к нам попадали парашютные стропы – это была лучшая крепежная ткань.

Занятость на работе в колхозе, где одна сезонная пора сменяла другую (расплодная кампания овец, жатва хлеба, сбор хлопчатника, зимовка скота) и никогда не было нормированного рабочего дня, отец не имел возможности жестко контролировать учебу детей. Текущий контроль осуществляла мама. Она же вела все хозяйство в доме. Мама стала настоящей киргизской женой, выучила киргизский и узбекский языки, соседи ее ласково звали Марья-апа. В тонкостях научилась готовить еду, привычную для отца и наших родственников. Что ели в нашей семье в пятидесятые годы? У нас ели черный хлеб с кружочками лука, а иногда с повидлом, потребление сахара было ограничено, он был комковой, его заворачивали в плотную ткань, а затем молотком комки дробили на мелкие кусочки. Чай пили в прикуску с колотым сахаром, по утрам чаще всего ели манную кашу. Летом в достатке были овощи и фрукты со своего огорода. В преддверии праздников мама готовила плов из узгенского риса и домашней курицы. Желтую морковь резала соломкой, пиалой отмеряла рис, высыпала на стол, и мы помогали ей очистить его от мелких камушек и курмака. Плов мама готовила в казане на хлопковом масле, клала зиру, чеснок, острый перец. Когда отец приходил в хорошем настроении, он говорил: «Мурка приготовь гюльчатай». Мама хорошо разогревала масло в казане, затем в масло

выкладывала маринованную баранину, обжаривала ее и тушила под закрытой крышкой. По ходу добавляла нарезанный лук с морковью, все смешивала и продолжала тушить. Тонко раскатанное тесто нарезалось ромбиками, и они отваривались в отдельной кастрюле в обычной присоленной воде, затем выкладывались на большое блюдо. Баранина с овощами раскладывалась поверх теста, Дегустируя пищу, отец не переставал расхваливать кулинарные способности мамы. Особенно вкусно она пекла круглый ароматный хлеб, а когда выпекала лепешки в тандыре, мы, дети, с нетерпением сидели и ждали, когда придет очередь каждого попробовать лепешку из маминых рук. Во дворе нашего дома был погреб. Здесь всегда стоял особенный густой запах сушеных фруктов, варенья, всяких специй. Стояли там бочки, наполненные квашеной капустой с мочеными яблоками и солеными огурцами, помидорами. На стенах развешаны были венки из сушеных овощей и фруктов, нанизанных на шпагат. Ко всему этому примешивались запахи картофеля, моркови, сырости и плесени. С улицы боковая дорожка вела к входу в дом, слева от дорожки росли персиковые деревья, сливовые, черешня и два вишневых дерева. В пору цветения они походили на невест в белоснежных свадебных платьях, а их плоды использовали для варенья и наливки.

Росло также в саду не менее десяти сортов винограда, одна из многолетних лиан нависала над топчаном. Он манил нас под сень этой беседки, хотелось расположиться поудобнее в тени виноградных лоз и наслаждаться жужжанием летних пчел, пением птиц в саду. И был у нас особый позднеосенний сорт яблок, такие зеленые твердые яблоки, которые сносили на чердак, переслоив их опилками, и они медленно-медленно дозревали там, доходя до кондиции только зимой. Бабушка готовила замечательные вареники из вишни, картошки и капусты. Она была родом из Украины и навсегда сохранила память о ней и верность языку, он был нам привычен с детства.

Мама была строга с детьми, пошедшими в школу. Содержание четырех школьников требовало большой самоотдачи, их надо было одеть, обуть, накормить, оградить от дурного влияния улицы. Всем лучшим стремилась наделить детей, о себе родители заботу оставляли на потом, и даже когда было очевидно, что лучшее уже в прошлом, все равно – потом. В девять лет я тяжело заболел. Горячка. Время не имело ни начала, ни конца. Через это я прошел во время болезни тифом. Палата была инфекционной, но мама наотрез отказалась ее покидать. Когда самые тяжелые дни миновали, я стал замечать, что в то время как все другие странности постепенно исчезают, я открывал глаза

среди ночи и у изголовья видел маму. Я просил пить, и заботливая рука, подававшая мне прохладительную влагу, была рука мамы. Напившись, я опрокидывался на подушку, и лицо, склонявшееся ко мне с надеждой и лаской, было лицо мамы. Я вновь учился ходить и только через два месяца с трудом добирался до школы.

В нашем городе была четыре общеобразовательные школы, одну из них все братья окончили в шестидесятые годы. 60 лет назад дети учились 10 лет, мне выпало 11. После 8 класса из школы уходили те, кто не имел желания учиться. Часть учащихся нашего класса предпочитали учиться в строительном профтехучилище или сразу шла на завод ремонтно-механический, учениками слесаря или токаря. Провинциальный городок со своим укладом находился в стороне от культурных и образовательных центров, жил своей размеренной неторопливой жизнью. Те, кто дождался повестки из военкомата, уходили служить с охотой. Без всяких душещипательных прощаний, без битья в грудь, без слез по поводу трех-четырех пропавших лет. От службы не уклонялись. Во-первых, налажен был строгий учет военнообязанных, во-вторых, это позволяло насытиться новыми впечатлениями, увидеть иные края. Призывников южных широт отправляли на север, и наоборот. На улицах, вне родительского контроля, насаждалась тюремная романтика. Это, как правило, озвучивалось репертуаром песен или рассказами бывалых. Случалось, юнцы становились наркоманами. Перспектива продолжить образование в вузе воспринималась окружающими сдержанно по многим причинам: низкий достаток в семьях, слабые знания, полученные в средней школе, высокая заработная плата квалифицированного рабочего превышала оклад инженера, врача или педагога.

Жизнь в условиях однообразия, отсутствие новизны угнетала. Наш юношеский возраст наступил в разгар холодной войны, о которой мы не подозревали, но ощущение ее проявлялось в пугающей перспективе ядерной войны. Что-то слышали о Карибском ракетном кризисе, но толком никто ничего объяснить не мог. Периодически проводились учения гражданской обороны, обучали пользоваться противогазом, выпускались различные пропагандистские листки о том, как уберечься от ядерного взрыва и его последствий. Осознание своей отстраненности от центра никогда не обсуждалась в нашей семье, у нас всегда присутствовала уверенность, что дальше мы вырвемся из обыденности, в которой завязли. Мы грезили о Москве. Но это была мечта не столько по какому-то реальному городу-центру политической и экономической власти, сколько по какому-то

несуществующему идеальному месту всего лучшего, о чем мы читали в книгах. И вот это четкое разделение мира на «просвещенный центр» и «забитую пассивную периферию» навсегда определило систему наших координат.

Через много лет, уже студентами мы поинтересовались у отца, почему он, придавая большое значение образованию, при каждом удобном случае внушал детям необходимость упорно и настойчиво учиться. Внешне он был не очень озабочен их школьными делами и питал стойкую неприязнь к родительским собраниям. То, что ответил отец, достаточно хорошо и убедительно характеризует как его самого, так и отношение к людям. Такого чувства горечи и досады, как на том первом родительском собрании, на которое я тогда попал, мне доводилось испытывать очень редко. Почему-то школьные учителя превратили родительское собрание не в совет единомышленников, на котором договариваются, как лучше воспитывать детей, а в сборище обвинителей, доносчиков и провинившихся. На протяжении всего собрания учителя только и делали, что доносили родителям на их детей и обвиняли взрослых в неумении воспитывать своих чад. Дети же в глазах учителей были непослушными оболтусами, неуправляемыми, злостными хулиганами.

Родителей настраивают против собственных детей. Дело не только в том, чтобы обучить школьника наукам, но и в том, чтобы развить в нем любовь к ним, дать ему повод для учения. Большое воздействие на младших детей оказывал старший брат. Он хорошо рисовал, интересовался искусством и точными науками. Сосед по дому, художник и скульптор Василий Владимиров, подметил творческую жилку и сделал его своим помощником. Работать предстояло в Майлуу-Суу, закрытом городе для свободного посещения, в связи с добычей урановой руды, который снабжался продуктами по особому режиму. Брат купил чемодан конфет. Дома он открыл чемодан, мы чуть не задохнулись от восторга. Конфет самых разных сортов, с ликером, шоколадных, обернутых в цветные станиолевые бумажки. Нас покорил их сказочный вид и вкус.

Его трудолюбие проявлялось и при сборе хлопка. В седьмом классе он за сезон собрал две тонны хлопка-сырца, за что был удостоен награды – поездки на ВДНХ в Москву. Однако для путешествия не оказалось подходящей одежды и купить ее было не на что. Поездка так и не состоялась.

Дети с 5 по 11 класс полтора-два месяца в году собирали хлопок. О комфортных условиях невозможно было и мечтать. Что не могло не сказаться на их будущем здоровье. О качестве

школьного образования никто не думал. Жили, как правило, в колхозном доме культуры или актовом зале школы, спали на полу. У одной стены мальчики, у противоположной – девочки, на сцене – учителя. Завтракали и ужинали тем, что захватили из дома, обед готовил повар, один из школьников. Дети постарше отнимали еду у тех, кто послабее, а тех, кто жаловался, били.

По ночам обстановка была близка к условиям жизни малолетних правонарушителей. Преподаватели мало влияли на подростков. Во время сбора урожая устанавливалась дневная норма, которая менялась в зависимости от созревания хлопка. Негласные правила строго исполнялись, их устанавливали неформальные лидеры; так мы приобщались к взрослой жизни. Пришлось нам наблюдать опрыскивание хлопчатника с самолета. Через несколько дней листья становились сухими, опадали. Так происходила подготовка к механизированному сбору хлопка. Сортность машинного сбора уступала ручному, но превосходило в производительности труда. Поле после такого сбора производило безрадостное впечатление, особенно для нас, школьников. Оно было сплошь усеяно крошечными остатками хлопка, ощипками, которые предстояло собирать нам.

К середине октября коробочки с хлопком высыхали, верхние ее части заострялись, подушечки пальцев детей травмировались, трещины засорялись, начинали гноиться, приобретая желтый цвет, их заклеивали лейкопластырем. Это не являлось причиной освобождения от работы. Особенно страдали девочки, у которых к тому же наступал критический период, и санитарные условия не позволяли выполнять процедуры, необходимые в таких случаях, отсутствие нормальных туалетов дополняли страдания – освобождали кишечник в поле. Раз в десять дней детей автобусами возвращали домой для мытья в бане и пополнения запасов еды.

Впервые публично осудил принудительный сбор хлопка детьми в конце 1960-х годов секретарь ЦК комсомола республики Виктор Лобусов; вскоре он был переведен на другую работу.

В ту же пору нам, подросткам, была по нутру атмосфера, царившая среди школьников: первые симпатии, песни, танцы вечером под аккордеон или граммофон; мы с нетерпением ждали вечерних развлечений. Прерывалась стерильная строгость школы: ей на смену приходила относительно вольная, без присмотра родителей, при отсутствии тотального контроля учителей жизнь.

В одиннадцатом классе мы работали на хлопковых полях колхоза «Коммунизм» Сузакского района. Председателем колхоза был Юнусов Олимжан, строгий и рачительный хозяин. Он носил гимнастерку защитного цвета из дорогого сукна, галифе и

хромовые сапоги, из голенища выглядывала камча (плетка). С раннего утра до поздней ночи его можно было видеть верхом на лошади, объезжающим хлопковые поля. За внешней суровостью скрывалось доброе сердце хлебосольного хозяина.

На фотографии учащиеся 11-го класса средней школы № 4 города Джалал-Абада (слева направо): Олег Каюпов, я, Володя Крыков, Борис Аверков, Виктор Романов, Володя Кунченко. Сузакский район, колхоз «Коммунизм», октябрь 1964 года. Мы стоим на веранде дома, в одной из его комнат проживали девочки, в другой – мальчики. Учитель труда Федор Михайлович, фронтовик-танкист, у которого мы таскали папиросы «Беломорканал», обосновался на веранде. Кадр сделан ранним утром. Нам предстоит вскоре выйти в поле; на голове Олега армейская панама, слегка надвинутая на глаза; через год он станет студентом московского института. Борис и Виктор после окончания Бакинского высшего военно-морского училища им. С. М. Кирова в звании капитанов первого ранга закончат службу один во Владивостоке, другой на Сахалине, Володя Кунченко станет заслуженным артистом России, после завершении Московской консерватории. Рабочая одежда у некоторых подпоясана скрученными фартуками, они при сборе хлопка быстро изнашивались, а при сборе курака едва ли выдерживали три-четыре дня. Нам выдавали новые, мы их туго скатывали и вращали вокруг себя, а потом резко прерывали вращение в воздухе, раздавался сухой звук, похожий на револьверный выстрел. Нечто подобное мне приходилось видеть через полвека в Юберлингене, в немецкой Ницце, на праздновании фастнахта. Переодетые в пестрые костюмы шутов, демонов, чертей, трубочистов своими шествиями по городским улочкам старались произвести как можно больше шума – звеня бубенцами, щелкая кучерскими бичами. На главной площади города, у церкви Св. Николая устраивали смотр владеющих кучерскими кнутами. Вот и мы, не подозревая о существовании такой традиции, состязались в мастерстве. Такая забава ткани урон не наносила, однако развивала ловкость и сноровку. Одежда и обувь, цепляясь за стебли хлопковых растений, неровности почвы, приходила в негодность, поэтому ее шили и покупали из прочной ткани, как мы ее называли «драп-дерюга». Она придавала нам такой неловкий вид, что совершенство пропорций наших тел можно было увидеть только в бане. По мокрой и холодной погоде надевали кирзовые сапоги, по сухой – китайские кеды «Два мяча».

После трудового дня мы иногда приобщались к куреву, дегустировали спиртное, а затем жевали заварку чая, чтобы унять ее запах. Вздыхали, танцевали и прохаживались с одноклассницами, они пели нам под звездным небом песни, берущие за душу, песни, от которых щемило сердце. Опираясь спинами друг о дружку, голоса их наполняли все вокруг дыханием чувственности, невинной и влекущей. Спорили с молодой учительницей истории о причинах прихода к власти национал-социалистов в Германии. Рассуждали о жизни в Америке, где роют золото, где грабят почтовые поезда, пасут стада на бескрайних просторах прерий. Сочувствовали Китаю и его бедствующим жителям. Не предполагая, что еще при нашей жизни Китай станет крупнейшим инвестиционным финансовым центром мира, центром роботостроения, искусственного интеллекта и цифровизации, будет осуществлять мегапроекты планетарного масштаба. У нас даже находилось время на решение математических задач под редакцией Антонова и др., а через полгода мы приобщились к чтению Фейнмановских лекций по физике, только что изданные на русском языке. Как ни парадоксально, но хлопковая пора вовсе, не вызывала у нас уныния, а слова – первый сбор, подбор, хирман, курак, ощипки, гузапая, убегающие поля, пересекаемые арыками – переплетались с чувством уверенности в предстоящей насыщенной, продолжительной жизни.

V

Между тем нашу семью постигло очередное испытание. Отец серьезно заболел, и местные врачи не смогли установить диагноз, только рекомендовали пройти курс лечения в бальнеогрязевом курорте Ессентуки. Поездка на курорт в 1954 году заметного улучшения не принесла. Для излечения отца семья перебралась на его малую родину, в Токтогул. Он жаждал привычной атмосферы, хотел познакомить нас с тяжелым трудом животноводов, бытом сельских жителей. Самым благословенным и благодатным временем и местом для аильчан издавна летом было жайлоо Арым-высокогорное пастбище, куда пригоняли колхозные отары овец. Пережив суровую холодную зиму, люди всем аилом покидали сухое и жаркое предгорье и перебирались в прохладу и зелень высокогорий. Дорога до угодий занимала световой день. Непосредственно за селом нас встречали одичавшие абрикосовые деревья, кустарники шиповника и дикого винограда. Тропа проходила по живописному ущелью, вдоль небольшой речки с водой хрустальной прозрачности, иногда она ограничивалась с одной стороны скальной стеной, с другой – отвесной пропастью в несколько десятков метров. Лошади привыкли к таким переходам. Как правило, ими не управляют на горных тропах. Всадники, отпустив поводья, доверяют им. Местная горная порода лошадей происходит от тех, разведением которых занимались древние кыргызы 4 тысячи лет назад. У нее крепкие копыта, не требующие ковки. На лошадь и яка (незаменимое вьючное животное, живущее на высоте 3–4 тысячи метров) увязывались с особой старательностью разнообразные грузы. На пути к жайлоо протекала горная речка, которая при переходе доставляла много хлопот. Изо всех сил мы старались противостоять ее стремительному течению. Долгий, изнурительный путь завершался в просторной долине, ограниченной со всех сторон горными хребтами. Рассвет приходил сюда с опозданием, а сумерки, наоборот, раньше времени. Прямо перед глазами – желтые шапки одуванчиков и зрелые колоски трав, в чащобе стеблей которой копошатся всякие букашки, а там за крутым оврагом, далеко вдали, в дымке, сияющие белизной вершины гор. Не желая, чтобы мы пускались в опасное путешествие, взрослые упреждали рассказами о медведях, любящих лакомиться ягодой. На изумрудных коврах, украшенных альпийскими цветами, привольно располагаются юрты, и всюду виднеется пасущийся скот. Размещались мы в одной из юрт всей семьей. Самое забавное было ходить в

близлежащие горы на охоту с мелкокалиберной винтовкой, патроны были строго ограничены. Однажды младшему из братьев, Олегу, улыбнулась удача: ему удалось подстрелить улара, редчайший случай для охотника.

На жайлоо мы ежедневно общались с родственниками, семьей старшего чабана совхоза имени Токтогула Мамбета Абдылдаева, Героя Социалистического Труда, депутата Верховного Совета СССР, его отцом, Абдылдой. Мамбет неутомимый труженик, тонкий знаток своей профессии, он принадлежал к тем людям, кто хорошо разбирался в общественной жизни страны, имел широкий кругозор, от природы был наделен острым умом. В памяти моей он сохранился веселым, щедрым и мудрым человеком. Мы много говорили о нем с его сыном Таши, об открытии дома-музея его имени во время вынужденного путешествия по Токтогульскому водохранилищу. Об этом я расскажу позже. Среди его лошадей были резвые жеребята (тай). Я попросил отца, чтобы одного из них поймали и разрешили мне проскакать на нем. Взрослые отговаривали Кожомжара от этой затеи, говорили, что такое общение с дикими животными опасно даже для детей чабанов, привыкших к лошадям с рождения. Они необъезженные и непредсказуемые для наездника, при отсутствии седла и уздечки, если испугаются, могут устроить скачки во весь опор, и тогда сдержать их и успокоить будет очень трудно.

Отец не устоял и уступил мне, жеребенка заарканили, накинули на шею веревку, усадили меня на него и отпустили. Стремительный бег скакуна позволил мне почувствовать просторы долины, в ушах свистел ветер, густой ельник мелькал в стороне, травяное поле без оврагов и камней не создало дополнительных трудностей, и я уверено держался на жеребенке. Первый приобретенный опыт стал отправным, позже последовали скачки на взрослых лошадях в многочисленных спортивных турнирах с детьми чабанов и братьями в аламан байге.

Старшему брату Мамбет доверил лучшего жеребца (айгыра) во время игры улак тартыш. Помимо лошади, селяне содержали почти всегда ослика или ишака. Его мощное тело может перевозить грузы больше собственного веса, и мы верхом на них ездили достаточно далеко. Возвращалось умное животное к привычному месту галопом, упасть с него не составляло труда, повредиться ощутимее, чем упав с лошади. У нашего родственника Аджи, веселого и доброжелательного, был осел, крупный, черный, злобного нрава, он признавал только своего хозяина. Желающим усидеть на нем он не оставлял выбора, брыкался, становился свечой и не успокаивался, пока не сбросит

смельчака. Старший брат отца, Шабдан, чон-ата (дедушка), вызывал у нас чувство большого почтения. Его окладистая белая борода, степенный шаг и неторопливый рассказ вечерами о делах и заботах или о давно минувших днях мы слушали с большим интересом. Мне всегда казалось, что он похож на важного вельможу, который сошел с киноленты, повествующей о бухарском эмирате. Породистые черты его лица подтверждали мое воображение. Его сын, ровесник нашей мамы, Тюльбаши, построив дом в районном центре, уступил его нашей семье на долгих три года, пока не выздоровел отец. Младший брат Кожомжар-ата, Кулаш-ака, был водителем грузовика. В прежние годы, когда о мостах через Нарын мечтать не приходилось и ничего не оставалось, как все же пробивать дорогу вдоль реки, через теснину, по ней и ездили водители из Джалал-Абада в Токтогул, о ней он рассказывал всякие страшные истории, и каждый поворот реки в памяти оставался сорвавшимися в Нарын автомашинами.

Дядя был высокого роста, необыкновенной физической силы, балагур и шутник, курсируя по старой дороге, сберегся, а на новой, после аварии, не выжил.

Младшая сестра отца, Мейлихан-апа, с мужем и двумя детьми жила близ Оша, в Жапалаке. Мы часто гостили друг у друга. Из всех родственников наиболее тесно общались. Она была хозяйственной доброй женщиной. При нехватке денег всегда обращались к ним. Поколение, к которому относились наши родители, жило в военное лихолетье, в годы восстановления хозяйства… Потери и невзгоды сформировали в них достойные восхищения качества: смелость, готовность к самопожертвованию, солидарность. Многих из тех, кто был участником или свидетелем этих событий, уже нет в живых. Дети военных и послевоенных лет успели услышать их воспоминания. Лишения конца 1950-х годов усугубились, когда правительством Хрущева было введено налогообложение на плодовые деревья и запрет на разведение скота и домашней птицы в городах и рабочих поселках. Эти мероприятия закончились плачевно: деревья массово вырубались, скот резали. Мы остались без помощи маленького хозяйства. То, что не подлежало забою, выгоняли с подворья. Ослики сбивались в табуны и бродили по улицам и близлежащим полям, создавая ощущение уныния, утраты и печали. Первоначально они возвращались к своим дворам и, к горечи хозяев и своему недоумению, скотину не принимали в привычные стойла; покорно понурив головы они стояли у ворот, рождая всеобщее впечатление тщетности, заброшенности и сожаления.

В общении с животноводами, окружающими нас родственниками мы глубже узнали национальные традиции, в том числе влияние на нас скверного опыта и негативной практики власти.

Дни на пастбище становились короче, близился отъезд, все чаще солнце скрывалось из-за горных вершин, потянулись темные тучи, и по долине промчался ветер. Ветер положил начало новому режиму погоды, бывало так – повалит снег, пики хребтов тонут в белой мгле. Память о времени, проведенном на жайлоо, греет сердце до сегодняшнего дня. Кумыс, молоко, бешбармак, боорсок, каймак и айран отличались особым вкусом. Нам бы еще озаботиться приготовлением сыра, по традициям и четырехсотлетнему опыту Швейцарии, имеющему во многом сходство с нерукотворными нашими пейзажами. Высоко в горах мы приобщились к благородному чувству любви к земле, где мы родились, где жили наши предки, где возникли наши первые мечты, к знакомому ландшафту природы.

Истекло более шестидесяти лет, а в памяти сохранились образы десятков родственников, ушедших от нас, помнятся характеры многих из них.

Прошло много времени, пока я не взялся писать о своих родителях Кожомжаре и Марии (по свидетельству, знавшими ее в молодости, мама отличалась красотой). Мать моя была невысокого роста, с большими голубыми глазами, русыми волосами и выражением лица твердым и доброжелательным. Я окончательно убедился в правильности запечатлеть их черты. Сейчас я еще более утверждаюсь в дальновидности моего отца. Не увидев всего национального многообразия жизни, мы были бы лишены возможности впитать в себя дух предков. Мало какая страна мира может гордиться тем, что почти половина ее территории находится в высокогорье, что почти сорок процентов, – это роскошные летние пастбища. Причем значительная их часть в сыртовой зоне, на высокогорных плато. Время, проведенное отцом в кругу семьи, в условиях, напоминающих детские годы, среди родственников, чистого воздуха и лечебного питания, полностью восстановило его силы. Он устраивается помощником бухгалтера в местный колхоз имени Карла Маркса. Даже по тем в общем-то скромным меркам это хозяйство было бедным. Трудодни были скудными. Чтобы как-то прокормиться, отец взял в аренду участок земли, неиспользуемое неудобье. Из-за предгорного рельефа пашня трудно поддавалась поливам. К тому же требовалось очистить ее от многочисленных камней. Вот на таком поле надо было вырастить по арендному договору кукурузу для колхоза и

подсолнечник для себя. Чтобы уберечь поля от набегов любителей попользоваться кукурузными початками молочно-восковой спелости и семечками подсолнуха (а таких было немало среди как четвероногих, так и двуногих существ), пришлось на краю делянки построить шалаш. В нем и жили. Старшие дети, шестнадцатилетней Автандил и тринадцатилетний Тариэл, названные отцом в честь героев эпической поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре», трудились на близлежащих адырах (предгорьях). В самые жаркие дни июля и августа, на жгучем солнцепеке заготавливали стебли черной полыни (по местному наречию «карашвак») – топливо для тандыра, в котором пекли душистые лепешки. Рубили кустарник кетменем, иногда замечали осиные гнезда, старались обходить их стороной, но хуже было, если встречали каракурта, заметить его было труднее, он обустраивал свое жилье среди сухих веток полыни, в верхних слоях почвы.

Лучшим временем после изнурительной работы были теплые южные ночи, когда под неумолчный звон цикад можно было приятно растянуться всем ноющим от усталости телом на жесткой войлочной кошме под бархатно-черным звездным небом. Войлок, изготовленный из овечьей шерсти, надежно предохранял от змей и ядовитых насекомых. Мне приходилось наблюдать в горах, как овца необъяснимым чутьем обнаруживала скорпиона, сдвинув в сторону небольшой камень, за которым он прятался, и тут же съедала его. Наблюдая за звездами, дети замечали серебристую полосу над головой, в седой древности ее называли Саманчынын жолу (дорога соломщика). На ней была видна каждая серебристая пылинка светящейся туманности, видимые звезды рассыпаны по всему ночному небу, но особенно густо в той полосе, которую мы называем Млечным Путем. Незаметно засыпали под убаюкивающие рассказы отца о вековой истории благодатной Кетмень-Тюбинской долины, о походах легендарного героя кыргызов непобедимого Манаса и истинных происшествиях, которые мягко убаюкивали. Эти сказки, басни, мифы, легенды, звучавшие словно новая музыка для нас, где все было неизведанное и опасное, будоражили наше воображение. До сих пор не знаем, замолкал ли отец, увидев, что сон сморил детей, или продолжал говорить, чтобы не оставить без ответа наше неизбежное: «А дальше?», звучавшее тогда, когда он намеренно прерывал рассказ в самом интересном месте. Может быть, он повторял эти истории для себя, чтобы не забыть или дополнить их новыми подробностями. Излишне говорить, что нам, как невероятное, и каждому в этом возрасте отец представлялся всеведущим хранителем мировой муд рости. Когда же на заре

братья просыпались от птичьего гомона, отца уже не было рядом, не будя нас, он уходил в поле. И мы вслед за ним принимались за изматывающую работу земледельца. И в этих, можно сказать, нечеловеческих условиях, благодаря родителям и старшим братьям, семья не сломалась, выстояла, с достоинством вышла из этих испытаний еще более сплоченной и стойкой. Долина Токтогульского района до затопления водохранилищем была оазисом: источники и луга, зеленые пастбища и тенистые рощи, фруктовые сады. Под многолетними деревьями в чайхане пили кок-чай (зеленый чай), наслаждались местными фруктами и закупали ведрами огурцы и помидоры. Люди, покинувшие эти места не по своей воле, имели сельское хозяйство, свои традиции, культурный досуг. Мир всегда в движении. У людей везде и во все времена отбирали землю. Наш дом состоял из двух комнат и небольшой прихожей с печью, земляные полы утепляли кошмой. Внутренний дворик ограничивался хозяйственной пристройкой, за ним был разбит фруктовый сад. Летнюю открытую веранду, продуваемую со всех сторон, пристроенную к дому, облюбовали осы, устроив там свое гнездо. Особого беспокойства оно не вызывало, но угроза в ее постепенном росте присутствовала. Моя попытка сбить осинник привела их в ярость, и они остервенело набросились на меня, мне пришлось спасаться бегством. Летали они быстрее, чем я бегал, затылок горел от укуса ос, будто бы огнем обожгли…

VI

Дом наш не был религиозным, но во время торжеств или печальных событий у родственников совершалось множество церемоний и чтений молитв. Но никто ничего не переводил и не объяснял нам, а мы уже не поспевали за языком.

Так пропитываясь русским, мы стали терять свой язык. Вера предков отступала, сделалась таинственной, не связанной с повседневной жизнью. Школа ничего не проясняла, уроки кыргызского языка в программе обучения отсутствовали. Абстрактные формулы и факты приходилось учить наизусть. Я не думаю, что в придании нашим учебным курсам подобной формы был какой-то умысел. Мы получали обычное школьное образование. В районном центре было две школы, одна из них с русским языком обучения. Каждый день во время учебного года, – я посещал четвертый класс, – я шел от дома мимо молочного заводика, где мы покупали за копейки пропущенное через сепаратор молоко, мимо парка культуры с вековыми деревьями, с летним кинотеатром и библиотекой.

В районном центре был один клуб с кинозалом, зрительный зал не вмещал всех желающих. Этим пользовались всякого рода ловкачи, те, кто умел растолкать других локтями, перепродавая билеты в три дорого. В те годы это называлось спекуляцией, а сейчас бизнесом. Киномеханик работал с одним кинопроектором. Во время порыва ленты или смены бобины в зале стоял свист, топот ног и крики: «Сапожники». Посещать летний кинотеатр было проще, входные билеты не покупали, взбирались на деревья и устраивались на ветках.

Выше нашего районного центра река Нарын образовывала бесчисленные изгибы, петляя среди каменистых, поросших кустарниками островов, и лишь зажатая скалами горы Кетмень-Тюбе текла единым потоком. Местная легенда говорила о дехканине, который хотел в этом месте перекрыть Нарын, чтобы направить на поля его воды, но не осилил и бросил свой кетмень, который превратился в эту гору. Протекавшая через районный центр река Чычкан обеспечивала поливной и питьевой водой сады и огороды, спасая жителей от зноя и жажды. Зимы были снежные и морозные, арычные каналы перемерзали, единственным источником влаги было основное русло реки. Водопроводные и канализационные сети отсутствовали, и жители ежедневно терпели лишения, преодолевая испытания по доставке влаги. Вода была чистая, прозрачная, истоки ее терялись в ледниках. Через реку был перекинут мост, соединяющий окраину с центром.

С моста население наблюдало весенний паводок, вызванный обильным таянием льда и снега. Это пугающее своей необычностью, удивительное и незабываемое зрелище – того и гляди снесет опоры моста – вызывало оживление и долго потом вспоминалось. Люди привыкли в эту пору видеть, как мчится Чычкан, вздыбив над собой белопенные крылья, несет вывороченные с корнями деревья, ворочает огромные камни и злобно рычит, хотя знающие верят и предугадывают, как только растают в горах снега, стихия уймется, утолив талой водой земную жажду. И так происходило весной из века в век, из года в год. Обилие рек – предполагает увлечение рыбалкой, на которую мы ходили детьми с ночевкой. Место, где объединялись три реки, именовалось сливом. Нарын, окрашенный в кирпично-бурый цвет, из-за наличия ила, вблизи от скальных вершин смешивался с изумрудной водой Чычкана. Чуть ниже светлым Узун-Акматом, цветовая, разделительная граница просматривалась до крутого поворота слива. Ночью, когда все звуки стихали, слышен был могучий рокот широченной воды, сдвигающей огромные валуны, издающие приглушенный звук. Бурлящий поток в скальных теснинах здесь приобретал видимость неторопливого течения, чтобы вскоре оказаться в каменном коридоре. Течение стремилось к скальному исполину, от того создавалась иллюзия его грозного приближения. Ночной воздух был полон влаги, гора, и так крутая, казалась мрачной, неприступной стеной; она подступала почти вплотную к нам, за ней выселись другие горы. Густой кустарник, растущий вдоль берега, привычный в дневном свете, обретал таинственность и опасность, неуловимую угрозу, то зловещее, что затаилось и сейчас выползет из темноты? Внутри от страха холодеет, только рассудок и боязнь быть посмешищем у сверстников не позволяют поддаваться панике. Неужели они тоже испытывают надвигающиеся ужасы ночи? Сомнения терзали меня: оступись или неудачно споткнись, и течение может захлестнуть за три секунды и отнять у тебя все твои двенадцать лет и… Чувствуешь, как уходит из-под ног почва, испытываешь внезапное головокружение, опасное и в то же время такое сладостное. Так и тянет ринуться вниз, и содрогаешься от этого чувства, в котором радость и боль раскалены до бела, так что их почти невозможно различить друг от друга. Чувство у меня было такое, какое испытываешь, когда мчишься на лыжах по отвесному снежному скату, когда смертельный страх как-то сладострастно сочетается с опьянением от быстроты и когда, вместо того чтобы тормозить, отдаешься падению с хмельным и в то же время сознательным безволием. В преддверии рассвета тьма сгущается, вставать боязно, какой-никакой, но шалаш, скроенный из

наломанных веток, и замкнутое пространство придает успокоение, но нетерпение проверить снасти пересиливает. На одном из переметов видим, что поймали крупную рыбу. Вытаскиваем с трудом – возгласами, советами мешая друг другу. Рыба блестит в лунном свете серебристой чешуей. Новый день встречаем приподнятым настроением, утро мерцает росою. Ночные тени рассеиваются, темнота отхлынула, точно волна во время отлива, а с ними и от страха следа не осталось. Делим добычу испытанным способом. Один из нас отворачивается, двое других спрашивают: «Кому?» Сидящий за спиной называет имя. Так распределяется улов. Возвращаемся с рыбалки вдоль берега, поросшего цветами, густой сорной травой. В ней неумолчно трещали сверчки. С левой стороны от нас поселок Шевченко, впереди крутые склоны – падалки, названные так местными жителями из-за частых падений детей, скользящих по ним в зимнюю стужу. На санях дети и взрослые катались с вершины обрыва, откинувшись назад, вытянув ноги, с громким «поберегись». Едва скатившись, вновь тащили наверх свои салазки. В доме легкое волнение в связи с моим отсутствием. С порога показываю половину рыбы, ее голова впечатляет, каковы же истинные ее размеры, рассказов хватает надолго.

Страсть к рыбной ловле у меня не сохранилась, но она передалась младшему брату, Олегу. Среди любителей ловли форели в горных реках он виртуоз, многие из пойманных рыб превосходят ту, которая когда-то впечатлила меня и всех домашних. Я как-то поинтересовался, в чем секрет его успеха, он пояснил, что форель пугливая, осторожная рыба и клюет на приманку в труднодоступных местах, в тех, где не ступала нога человека. Но думаю, что есть еще что-то необъяснимое. Когда сидишь рядом с ним с удочкой, ему везет, а тебе нет. Много десятилетий спустя мы с сыном Мамбета, Таши, и местным умельцем на сооруженном плоту и закрепленным к нему движком от моторной лодки приблизились к месту бывшего слияния трех рек. Испытав гидрокостюм и ружье для подводной охоты, побродив по берегу, вернулись. Пора было возвращаться к месту причала, от которого мы находились в 30 километрах. Двигатель наотрез отказывался заводиться. Проверили свечи, наличие топлива и поступление его в карбюратор. Связаться с теми, кто мог нам помочь, было невозможно. Начало темнеть, к тому же на плоту был сын лодочника. Укрытие для малолетнего путешественника нашлось, взрослые разместились на досках плота. На один из бортов закрепили полотно, оно выполняло роль паруса. Постепенно стали дрейфовать к северу Токтогульского водохранилища. Далеко за полночь ветер сменил направление,

плот стало гнать к югу, в сторону города Кара-Куль, а это значит ближе к плотине. В летний сезон, когда идет активное таяние снега и льда, приток воды свыше 1000 кубометров в секунду, расход в пределах 200–300. Идет накопление влаги на зимний и весенний периоды. Тревога нарастала по мере нашего приближения к створу. В крайнем случае, решили прибиться к ближайшему безлюдному берегу. Продрейфовав почти сутки, дозвонились до одного из друзей Таши, который на своей моторной лодке спас нас. Когда возводилась плотина, отважными усилиями поколения 1960-х годов, дехкане Ферганской долины с надеждой смотрели на строителей и надеялись, что когда-нибудь будет собрано за плотиной хоть немного воды и для полей. Степь представляет собой сожженную солнцем равнину, птицы улетают, черепахи прячутся по норам, разбросанные кости верблюдов усиливают гнетущее впечатление.

Прошло более полувека после завершения строительства Токтогульского гидроузла, переселение жителей и перенос строений из зоны затопления, но проблемы и трудности по-прежнему актуальны и сегодня.

Пребывание нашей семьи в Токтогуле к началу 1960 года завершилось, мы вновь возвратились в Джалал-Абад. После окончания школы старший брат поступал в один из московских вузов, но не прошел по конкурсу, далее служба в армии вблизи от Фрунзе. После демобилизации поступил в Московский энергетический институт на радиотехнический факультет. Все мы учились в одной средней школе № 4, в разных классах. Младший брат Олег уже в раннем детстве проявил способности к точным наукам, в школе он активно участвовал в математических, химических и физических олимпиадах. На всесоюзной олимпиаде по химии был отмечен бронзовой медалью и правом зачисления без экзаменов в Днепропетровский химико-технологический университет. Школу он закончил с золотой медалью и подал документы на механико-математический факультет МГУ.

Однако на Республику пришла разнарядка из центра для зачисления одного студента в МГУ, Олег оказался нежелательным претендентом. Экзаменатор на вступительных экзаменах по химии оценил его знания неудовлетворительно. Узнав об этом, отец прилетел во Фрунзе, записался на прием к министру народного образования республики Абдылде Каниметову. После состоявшегося разговора министр распорядился образовать комиссию, которая оценила знание брата на «хорошо». В результате ему было предложено выбрать любой вуз кроме МГУ, он выбрал МВТУ им. Н.Э. Баумана, конструкторско-механический факультет. Студент, которому были отданы предпочтения, по

результатам зимней сессии был отчислен. Закончив Бауманское училище, Олег защитил кандидатскую диссертацию и долгие годы заведовал кафедрой во Фрунзенском политехническом институте. Завершение им докторской диссертации совпало с распадом Советского Союза. С большим сожалением он вынужден был прекратить свое преподавание и создал предприятие по обработке природного камня. Благодаря его изобретениям и внедрению их в производстве, его коллектив более двадцати лет занимает ведущие позиции в отрасли.

Тариэл, второй старший брат, поступил в Таганрогский радиотехнический институт. Стал высококвалифицированным радиоинженером. До выхода на пенсию трудился на высокогорной радиорелейной станции «Ала-Мышык» в Нарынской области.

Самый младший с детства готовился стать врачом. Родители, старшие братья часто шутили: «Сергей, станешь доктором, будешь нас лечить». Так и произошло. Он закончил Киргизский мединститут, защитил кандидатскую и докторскую диссертации в Московском центре сердечно-сосудистой хирургии института им. А. Н. Бакулева.

Спустя многие годы, когда сыновья выросли, кое-что повидали и познали в жизни, встречались со многими людьми, в том числе и занимающими разные высокие посты, должности, они нередко задавались вопросом: «Как же так получилось, что их мудрый, образованный, знающий столько языков, прошедший через такие жизненные перипетии и испытания отец, которого так уважали, ценили простые люди за честность, порядочность, бескорыстие, нетерпимость к хамству и чванству, не достиг больших чинов и званий, не поднялся по карьерной лестнице, не стал видным хозяйственным руководителем?!»

Как обычно, ответ на этот вопрос мы нашли в одном из назидательных рассказов отца. В конце 1960-х годов в Ташкенте на узбекском языке была издана ограниченным тиражом биографическая книжка об Усмане Юсупове. Этот человек прожил не очень долгую, но чрезвычайно яркую, насыщенную жизнь. В 29 лет стал секретарем ВКП(б) Узбекистана, был председателем среднеазиатского бюро ВЦСПС, первым секретарем Компартии Узбекистана, министром хлопководства СССР, председателем Совета Министров Узбекской ССР, депутатом Верховного Совета СССР пяти созывов. Но как бы высоко и ни заносила его судьба, Юсупов оставался скромным, доступным и открытым человеком, неутомимым тружеником. Кожомжар-ата неоднократно видел его, хотя познакомиться с ним так и не довелось. В бытность работы председателем Совета министров Узбекистана Юсупов осмелился

открыто выразить несогласие с председателем Совета Министров СССР Хрущевым по проблемам развития хлопководства в Узбекистане. Это вызвало недовольство последнего. Вскоре Юсупов с поста председателя был отправлен директором вновь организованного целинного совхоза в голодную степь. Этот уже немолодой человек, занимавший самые высокие посты в республике не сник, не растерялся, не стал роптать на судьбу, «хладнокровно засучив рукава, взял в руки кетмень» и принялся за тяжкий труд по развитию целинного совхоза. Нередко отец в общении с детьми повторял: «Будьте человеками!»

Людская молва гласит, когда сын Усмана Юсупова спросил опального отца, почему он, отправленный в отставку с поста Председателя правительства Республики, согласился на унизительную для него должность директора целинного совхоза, Юсупов ответил: «На земле-кормилице нет и не может быть унизительных должностей и занятий, в любом труде человек может достойно проявить себя и получить удовлетворение. Главное, не сосредотачиваться на своих обидах и не думать, что с тобой обошлись несправедливо».

VII

Было время, когда в семье Чиналиевых одновременно учились четыре студента, каждый из нас по своим способностям и знаниям поступил в престижные вузы. Несмотря на большие материальные трудности, это были счастливые годы, наполненные радостью за сыновей. Таких семей, чьи дети учились в лучших вузах страны, в провинциальном Джалал-Абаде тех лет были считаные единицы, да и сегодня картина аналогичная. Нашим родителям откровенно завидовали многие.

Моя учеба в школе складывалась не совсем успешно, особенно в начальных и средних классах. Мама часто говорила мне: «Будешь плохо учиться, пойдешь в строительное профтехучилище, придется рыть землю и таскать кирпичи». Такая перспектива меня не устраивала, я недолюбливал домашнюю работу, уход за огородом или за птицей. Мне было больше по нраву участие в спортивных состязаниях или чтение книг, которые открывали мир Шерлока Холмса и Алана Пинкертона.

Чрезмерное увлечение внешкольным досугом вызывало недовольство мною старших братьев и родителей, особенно мамы. Старший брат особо не церемонился, иногда поколачивал меня, я, конечно, возмущался. Наши ссоры перерастали в драки. Чем старше мы становились, тем более серьезные взбучки я от него получал. Причины противостояния были разные: отказ выполнить какое-нибудь поручение или желание увязаться за старшим братом, который со сверстниками отправлялся купаться на речку Кугарт. Игры носили сезонный характер, весной, как правило, увлекались лянгой (волан, изготовленный из лоскутка овечьей или козьей шкуры, прикрепленный к нему пластинкой свинца), дворовые мастера этой игры могли часами демонстрировать цирковые номера, выполняя игру ногами внутренней и внешней стороны стопы и не позволяя ей упасть на землю. В мои увлечения входили дворовые пристрастия, в том числе игры на деньги. Призовые деньги я хранил в копилке в виде кошки. Когда мамино терпение иссякло, она со свойственной решительностью разбила мое сокровище, и перед глазами предстали черепки с горой монет. В другой раз ее озабоченность коснулась коньков, которые мы не могли поделить с Тариэлем. Она их просто сломала. Чуть выше нашего дома размещался яблоневый сад хлопкоочистительного завода. Ранним утром летнее солнце ярко освещало его, но, как только на улицах становилось жарко, там сохранялась тень. Место было прохладное, тихое, но веселое, приспособленное детьми для

спортивных игр. Дворовые футбольные команды играли кожаным мячом, неудобство доставляла шнуровка: если удар мяча приходился этим местом, боль становилась ощутимой. Впоследствии мячи стали выпускать ниппельные. Обувь берегли, играли босиком, ссадины присыпали пылью. Нередко футбольные состязания в пылу страстей перерастали в кулачные, особенно если это касалось выяснения первенства между школами или городами. Фруктовые деревья, отживающие свой срок, служили для нас развлечением. Подпрыгнув, я повисал на нижней ветке, обхватывал двумя босыми ногами суховатый ствол, подтягивался и взбирался от первого разветвления – к тому, что над ним, и далее выше, до самых высоких веток. Разыгрывая приключения Тарзана, я перебирался с одной ветки на другую, упражняясь в силе и ловкости, синяков и кровавых ссадин прибавлялось на моем теле, но я пренебрегал всеми этими трудностями и мучениями. Описываемый мной образ жизни был несовместим с дальнейшим совершенствованием в науках, и чем больше я предавался забавам, тем больше отставал от занятий.

Вспоминается: долгими зимними вечерами мы садились в кружок, старший брат раздавал нам карточки, на одной из сторон красовались репродукции художников эпохи Возрождения, а на другой было описание картины ее творца. Мы пользовались ими на постоянной основе, и это помогло нам надежно упаковать информацию в долговременную память. Почему я стал запоминать, потому что включил метод: ответы на вопросы. Этот принцип я в дальнейшем переложили на изучение предметов школьной программы. На одну из сторон записывал слово или определение, после этого самостоятельно пытался сформулировать ответ и, если не справлялся, открывал обратную сторону и проверял себя. Лидерство было за тем, кто красочно и образно опишет полотно и ее автора. Так я познакомился с загадочной «Джокондой» Леонардо да Винчи, «Святым семейством» Микеланджело, «Сикстинской Мадонной» Рафаэля, «Вознесением Марии» Тициана, «Ночным дозором» Рембрандта, Ван Гогом и его несравненным «Цветущим миндалем». Выйдя во двор нашего дома ранней весной, можно было видеть на близлежащих невысоких горных склонах, покрытых зеленым травяным ковром, цветущий миндаль, окутанный нежной розовой дымкой на фоне лазурного неба. Я часто взбирался на холмы, возвышающиеся над моим родным городком, пахло влажным ветром, нежным благоуханием алых цветов боярышника, внизу, правее городка, сверкала река Кугарт, видна была черепичная крыша моего отчего дома, ветер шевелил мои волосы. Вдруг я неожиданно понял: все вернулось опять. Я заново переживал один

час из моего позднего отрочества, один воскресный день ранней весны, на этом самом месте мы стояли вдвоем, и я робко взял ее за руку. Мы встречались то здесь, на холмах, у садовых оград всю весну. И когда зацветала сирень, у нее был такой головокружительный запах, что мы нарочно останавливались и дышали глубоко-глубоко, полными легкими, так что иногда казалось, будто от этого запаха мы куда-то возносимся. Она увлекалась живописью, шедевры гениальных художников побудили нас узнать их биографии и историю создания полотен. Через много лет, пребывая в городах мира, посещая картинные галереи, мы с женой и внучками с удовольствием лицезрели оригиналы этих творений. Это совершенно не те ощущения испытываешь, когда видишь копии. Мог ли я себе представить, посещая Сикстинскую капеллу в Ватикане, как Микеланджело, лежа на строительных лесах, изо дня в день на протяжении четырех лет, дыша ядовитыми красками, разъедающими глаза, в одиночку, обладая характером, тверже самого гранита, расписывал потолок сюжетами, взятыми из Ветхого Завета. От момента Сотворения мира до Всемирного потопа. «Сделав более чем 400 фигур в натуральную величину, – говорил мастер, – я чувствовал себя настолько старым и уставшим. Мне было только 37 лет, а все друзья уже не узнавали старика, которым я стал». Когда нам предложили посетить галерею Боргезе в Риме, я подумал: очередной музей, к тому времени мы посмотрели довольно много – собор Святого Петра в Ватикане, Пантеон, Колизей. Мы поклонились Великим мастерам в церкви Санта-Кроче, Микеланджело Буонаротти, астроному Галилео Галилею, мыслителю Никколо Макиавелли, композитору Джоаккино Россини, спящим среди шедевров и неувядаемой вечности столетий, съездили во Флоренцию и Венецию. Но от увиденного в Музее Боргезе мы скорее растерлись от многообразия выбора произведений, которые соотносились бы с определением «шедевр». Мы открыли для себя Джана Лоренцо Бернини – одного из величайших архитекторов и скульпторов всех времен, знаменитого скульптора Европы Антонио Канова, изобразившего одну из красивейших и знаменитых женщин той эпохи в сиянии ее двадцати пяти лет, обнаженную, в блеске императорского триумфа, сестру Наполеона Паолетту Бонапарт. Галерея славится большим собранием полотен Караваджо, выдающегося и неоднозначного художника, работы которого потрясали, восхищали и даже приводили в ужас.

Моя жизнь могла сложиться по иному узору, если бы после окончания восьмого класса родители пристроили меня в какой-нибудь техникум. Как раз такой случай подвернулся: в нашем

городе намечались приемные экзамены во Фрунзенский политехнический техникум. «Надежды, что ты сдашь вступительные экзамены, у меня нет, но попытайся», – обратилась ко мне мама. Мы условились с Тариэлем, что он пойдет на экзамен вместо меня, однако в последний момент сдрейфили. Пришлось продолжать учебу в школе. В эти годы появились первые признаки хрущевской оттепели. Старший брат где-то раздобыл опубликованный рассказ «Один день Ивана Денисовича» Солженицына, мы читали его взахлеб. Непривычно было читать то, что многое из жизни заключенного рассказывали взрослые, те, кто был знаком с бытом тюрьмы, расположенной в центре нашего города. Под влиянием зарубежных журналов, французских и итальянских фильмов стали происходить изменения и во внешнем облике людей. Один из признаков этих перемен был плащ «болонья». В нем было что-то западное, киношное, просто-таки невыразимо современное. Плащ предполагалось носить с туго затянутым поясом и конечно же с поднятым воротником. Да, еще обязательно с непокрытой головой. Это сразу создавало романтический образ: одинокая личность, вечерний город, дождь и неоновые рекламы отражаются в мокром асфальте. Этот «джентльменский набор» поймет только тот, кому тогда было 16–20 лет, кто насмотрелся западных фильмов, начитался современной прозы. Позже, уже в семидесятые, в одной из песен Высоцкого промелькнуло: «Мои друзья, хоть не в болоньи, зато не тащат из семьи…» То есть имелось в виду, что «болонья» – это одежда для обеспеченных. В эти же годы появились нейлоновые рубашки. Их носили в 40-градусную жару. Типичный портрет молодого человека тех лет: темные брюки-дудочки, остроносые туфли, белая нейлоновая рубашка, аккуратно причесанные черные волосы, со взбитым коком, сверкающим от бриллиантина, и вперед на танцплощадку в парк. А там парни с гитарами, ударными установками, синтезаторами ублажали слух. Мы знакомились, влюблялись, дружили, страдали, ревновали. Под музыку кружилась голова от счастья. Мы танцевали танго, вальс, шейк и рок-н-ролл.

Запах сирени вызывает воспоминания о тихом чувстве к девушке. Учились мы с ней в разных школах. Ожидания возможной встречи, которая могла произойти только на спортивных занятиях. Будет ли она сегодня, пройдет ли вблизи и, может быть, взглянет на меня? Десятилетия спустя я пришел к дому, где она жила с родителями, но на месте дома построили ресторан. Хотел найти ее могилу на кладбище, узнать было не у кого. Зашел в школу, намерение посетить класс, в котором мы учились, не исполнилось, через него проходит коридор и далее

стены новой пристройки. Красный уголок, спортивный зал в ту пору казался нам просторным, ныне совсем тесный, сохранились. Протекавший через территорию школы арык высох и завален грунтом. Молодое поколение учителей не помнит наших педагогов. Только старая техническая сотрудница вспоминает ушедших наставников, нашу классную руководительницу Ангелину Андреевну Шарову. Когда она входила в класс, – это заставляло ребят прекращать веселый хаос, вытягиваться в струнку. Широкие светлые глаза оглядывали всех, безошибочно – по наклону головы, опущенным плечам, нервным пальцам определяя жертву урока. Она находила подход к каждому, знала бесчисленное множество способов вернуть витающих в облаках и фантазиях.

В моем семейном архиве сохранилась фотография, на которой запечатлены выпускники школы на встрече с преподавателями. Первый ряд вторая слева Ангелина Андреевна Шарова, рядом с ней и директором школы Анной Семеновной Моисеевой Борис Аверков, крайняя справа Валя Фиш, мы с ней сидели за одной партой. Вторая слева стоит Майя Ванюкова, дочь нашей квартальной, о которой я рассказывал ранее, четвертая слева стоит бессменная староста класса Нина Чеснокова, я и Виктор Романов стоим через одну из девушек от Нины. Спустя много лет, работая руководителем столицы Кыргызстана, я принимал граждан по личным вопросам, очередным посетителем оказалась Анна Семеновна. Они с мужем, участником войны, инвалидом, проживали в одном из многоэтажных домов без

лифта. Наша встреча вышла далеко за рамки официальной беседы, вспоминали школьные годы, уроки литературы, патриотизма, нравственности, которые она преподавала нам. Пришло время сдавать экзамен, и я оказал, как и многим другим, поддержку этим скромным, заслуженным людям.

Как прав был Жан Жак Руссо, говоря, что есть срок жизни, перейдя который начинаешь пятиться, идя вперед. Я чувствую, что уже пережил этот срок и начинаю другой период. Пустота преклонного возраста, ощущаемая мною, возвращает в сладкую пору первых лет жизни. Старея, я опять становлюсь ребенком и охотнее вспоминаю о том, что делал двенадцатилетним, нежели о том, что делал тридцатилетним. То, что уже позади, увеличивается, а то, что еще впереди, становится короче. И уже мало возможностей совершить что-либо.

Неумолимо приближались выпускные экзамены, до которых оставался год. Я размышлял, какой выбрать путь, если продолжить учебу, то в каком вузе? Не без влияния старшего брата, который почти ежедневно писал письма с места срочной службы, к сожалению, утраченные. Выбрал подготовку к продолжению учебы в институте. Эти планы могли осуществиться только после того, как я наверстаю упущенную учебную программу по литературе, математике, физике и химии. Оставалось определить план ежедневной работы. Именно в этот период я прочитал автобиографический роман Джека Лондона «Мартин Иден». Едва ли нашлось нечто иное, способное оказать влияние на меня, как эта книга. Слова с книжных страниц превращались в образы, обогащая мою жизнь и ломая барьеры времени и пространства. Эта мотивационная книга, говорящая простым, понятным языком о том, что на какой бы точке отсчета ты не находился, какие бы карты не сдала тебе судьба при рождении, ты можешь подняться. Улица меня научила, что бывают игроки, хорошо играющие и при не слишком хороших картах, а бывают и те, у кого все наоборот. Даже если карты выпали замечательные, можно все потратить, все проиграть. Это и есть наша свобода, которая зависит от нашего терпения, разума, трудолюбия и смелости. Когда наступали минуты сомнений, я вновь перечитывал роман, и каждый раз как в первый. Он укреплял мою веру в том, что преграды преодолимы и мои возможности соизмеримы с желаниями.

Я установил для себя твердый распорядок суток. Подъем в 4:00 утра, повторение предметов предстоящих уроков, зарядка, школа. После занятий обед и вновь учебники, отдых через каждый час 10 минут и так до полуночи. На сон отводилось 4 часа. Один день в неделю – безделье, такой режим сохранялся

весь год. Чтобы избежать наставлений матери, которой такие упорные занятия казались опасными, я делал вид, что своевременно ложусь спать. Инстинкт матери всегда безошибочен. С этого времени чтение учебников для меня стало чем-то вроде жажды, которую ничто не могло утолить; я поглощал книги и в равной степени питался сочинениями философскими, историческими, физико-математическими. Устраняя пробелы понимания предметов, я нашел ответы на сложные вопросы, изложенные простым и понятным языком. Размышления над прочитанным дали мне возможность впитывать их в себя, чтобы затем исследовать их сущность. Постоянные умственные упражнения приучали к углубленному мышлению, в 1965 году я окончил школу с отличными результатами. Моему отцу исполнилось 60 лет. Он мог уйти на пенсию. Однако в семье было три студента: к тому времени я поступил в МВТУ имени Н.Э. Баумана на факультет «Автоматизация и механизация производства» и два школьника. Тогда мы не задумывались о том, как могли родители с доходом ниже среднего, из глубокой национальной окраины, одновременно обучать пятерых детей в высшей и средней школах. И только сейчас, прожив более четверти века в условиях либеральной демократии, мы осознаем, что это могло произойти только при советской власти, при наличии социальных стандартов, которые она обеспечивала для своих граждан, независимо от места проживания и национальной принадлежности. К тому же отец придерживался принципа: никакая бедность, никакая занятость, никакое человеческое величие не избавляют его от обязанности кормить и самому воспитывать и учить своих детей.

VIII

Разумеется, заработной платы родителей явно не хватало, чтобы содержать семью и давать образование детям. Выручить могло только подсобное хозяйство. Будучи бухгалтером Кара-Дарьинского заготовительного хлопкового пункта Джалал-Абадского хлопкоочистительного завода, отец добился в сельсовете выделения земли для работников предприятия. Она оказалась на участках жесткой багары (неорошаемая подгорная равнина) и неиспользуемых галечников в пойме реки Кара-Дарьи. Пойму освоили успешно, образовали рисовые чеки, отгороженные земляными валиками, для удержания воды и водоспусками. А для освоения багары требовались: трансформаторная подстанция, линия электропередач, насосная станция, необходимо было протянуть трубопровод для подачи воды на засушливые земли. Предстоящие работы требовали значительных финансовых и материальных затрат. В те годы директором Джалал-Абадского хлопкоочистительного завода был опытный руководитель Григорий Пискунов. Он поддержал начинание и выделил необходимые финансы и технику. У начальника, расположенного по соседству с багарными землями, нефтепромыслового предприятия «Чангыр-Таш» получили разрешение извлечь трубы, вышедшие из эксплуатации с заброшенных нефтяных скважин. Испытанным в народе методом ашара, когда все работали дружно и безвозмездно, сумели освоить бросовые поливные участки. Разбили сад, посеяли дыни, арбузы, высадили овощи.

Труд и затраты окупились сторицей, урожай уродился щедрым. Но тут возникло новое испытание: куда девать излишки. Возникла классическая ситуация, проявилась психология советских людей. Никто из работников заготпункта не соглашался продавать на рынке выращенное. Каждый считал это занятием зазорным и постыдным. Как ни убеждал их отец, что ничего в этом предосудительного нет, ведь не украли же они в конце концов эти арбузы и дыни, а вырастили своим трудом, что это излишки их собственного производства, работники были непреклонны. Пришлось обратиться к перекупщикам. Старшие братья вспоминали, как, возвращаясь домой на летние каникулы, выезжали с отцом на прополку рисовых чеков. Труд был адский. Весь день по колено в воде, под безжалостными лучами июльского солнца, согнувшись в три погибели, вручную выпалывали сорняки, причем сорную траву отличить от риса было весьма непросто. Казалось бы, одних этих мучений достаточно, а тут еще донимают полчища жалящих и

кровососущих оводов, комаров, москитов и кусают так, что место укуса опухает на несколько дней, в трещинах под ногами кишат личинки и черви. Но все же основным делом отца была работа бухгалтера: ведение учета, составление отчетности, формирование учетной политики на пункте хлопкоочистительного завода. В нашей и в соседней республиках было допущено немало преступлений, связанных с многомиллионными аферами по продаже хлопка-сырца и хлопкового волокна. Зная, как легко можно прокручивать хлопковые сделки и как элементарно можно оказаться втянутым в противоправную практику, отец дотошно и скрупулезно вел анализ отчетных данных. Он постоянно предупреждал председателей колхозов ни под каким предлогом не заниматься приписками. Требовал от заготовителей, чтобы они принимали согласно установленным стандартам по показателю влажности и содержанию пороков и сорных примесей. Если влажность хлопка-сырца, принимаемого с хозяйств, оказывалась больше нормированной влажности, указанной в стандарте, этот хлопок-сырец на заготовительном пункте подвергался сушильно-очистительным процессам. В сезон, когда на заготпункт поступают тысячи тонн «белого золота», завышения или занижения всех этих параметров приводят к излишкам многих десятков, а то и сотен тонн неучтенного дорогостоящего сырья, которое потом без особого труда можно продать колхозам, срывающим государственный план хлопкозаготовок.

Кожомжар-ата убеждал счетных работников, заготовителей, весовщиков, рядовых бухгалтеров в том, что, обманывая сдатчиков хлопка-сырца, они тем самым преступным путем обогащают руководителей заготпунктов, которые в случае чего легко откупятся, уйдут от наказания, а «стрелочниками» окажутся они, рядовые исполнители. Уж лучше жить бедно, но честно, нередко повторял он собственное правило, которому и следовал всю жизнь.

Надо сказать, через несколько лет, когда начали проверять деятельность хлопкозаводов и заготовительных пунктов во многих хлопкосеющих регионах, назидания отца уберегли немало работников от скамьи подсудимых и бесчестия. Со временем некоторые из них с благодарностью говорили ему об этом. Посетив как-то родительское собрание, отец отозвался негативно о педагогах, его проводивших. И все же наши учителя оказали на нас значительное влияние, и атмосфера в нашем классе была творческая: учителя умело создавали дух соперничества, без зависти, корысти. Каждый из нас сознавал в полной мере, что после завершения школы нам предстоит выбрать собственную

дорогу во взрослую жизнь, а может, и судьбу. Одиннадцатый класс совпал с взрослением. В эти годы кончилось мое детство: я понял, что мир гораздо сложнее, чем я думал, и ужасающе безграничен. Детские забавы и родительская опека позади, наступило время выбора.

Мое дальнейшее видение сформировалось под влиянием старшего брата Автандила, к тому времени прослужившего в армии и ставшего студентом МЭИ. Телеграмма с текстом приказа ректората Бауманского училища, лучшего высшего инженерного технического заведения Советского Союза, о моем зачислении на первый курс, направленное в адрес родителей, было воспринято радостно. В ней говорилось и о том, что я должен приехать к 1 сентября 1965 года, чтобы участвовать в посвящении в первокурсники.

По приезду я временно поселился в общежитие на Лефортовском валу, рядом с энергетическим институтом и училищем. Бывшее Императорское техническое училище своим внешним видом, монументальностью и архитектурным решением зданий произвело на меня большое впечатление, так же как история вуза, повествующая о судьбах исторических личностей, стоящих у истоков индустриализации страны, ее достижений в укреплении оборонной и космической мощи. Среди выпускников училища были такие выдающиеся ученые, как Владимир Шухов – инженер-конструктор, изобретатель первой в мире промышленной установки крекинга нефти, первых в мире стальных гиперболоидных и сетчатых оболочек; авиаконструкторы Андрей Туполев, Павел Сухой; Сергей Королев – конструктор и организатор производства советской ракетно-космической техники и ракетного оружия. Воспитанниками вуза были и 10 летчиков- космонавтов. Мне предстояло учиться там, где учились все эти легендарные личности.

Став первокурсником, пришлось переехать в общежитие в 47 километрах от Москвы, в поселок Ильинское. Оно располагалось в щитовых домах, в комнатах по четыре студента, общая кухня, душевая, санузел. Добираться приходилось на электричке полтора часа в один конец, условия прямо сказать спартанские. С первого дня учебы я попал в режим жестокого напряженного прессинга, требующего умственных и физических усилий. Лекции и практические занятия чередовались со сдачей контрольных. В случае несвоевременной сдачи практических заданий студенты не допускались к зачетной сессии, а задолженность по зачетам влекла недопуск к экзаменам, пропуск двух экзаменов без уважительных причин, и ты отчислен.

Здесь работали более 3000 преподавателей, среди них 340

профессоров докторов наук, свыше 1700 доцентов кандидатов наук.

В училище преподавали Николай Жуковский – выдающийся русский ученый, создатель аэродинамики как науки, Сергей Вавилов – советский физик, основатель научной школы физической оптики в СССР, президент Академии наук СССР и многие другие.

Нам, студентам-сварщикам преподавал ректор училища, герой Социалистического Труда академик Георгий Николаев. Преподаватели спрашивали строго. Вскоре наши головы были набиты всякими сведениями по дифференциальному и интегральному исчислению, механике, начертательной геометрии. Возможно, мои сокурсники иначе вспоминают годы учебы. Моя память сохранила эти ощущения. Пусть они таковыми и останутся.

Оценивая реальную ситуацию и свои возможности, я пришел к выводу: в первую очередь менять место жительства, в чем, как нельзя кстати, мне помог старший брат. Он жил в общежитии на Лефортовском вале, вблизи от технического училища. Задействовав талант переговорщика, он легализовал мой переезд к нему в комнату общежития. Меня особенно донимала начертательная геометрия, требующая пространственного воображения, логического мышления, без которых немыслимо никакое инженерное творчество. Усилия брата втолковать мне простые истины натыкались на полное непонимание. Исчерпав все свое терпение, он брал картошку, как в известном кинофильме «Чапаев», которую мы собирались пожарить, разрезал ее и показывал, где должна находиться точка в трех координатах. Затем он устраивал тестирование, просил найти линию пересечения плоскостей, заданных следами, подробно излагал методику поиска искомой линии. На одном из первых практических занятий по математике преподавательница задала коварный вопрос: кто из студентов вступительные экзамены сдал на «отлично»? Я с дуру сознался в этом. Она обратилась ко мне с предложением решить математическую задачу. Я, конечно, не смог. Моя самонадеянность была основана на том, что вступительные экзамены я сдал по четырем из пяти предметов на «отлично». Я не учел качество преподавания в Москве и в Джалал-Абаде. В то время я общался с группой молодых людей, казавшихся более одаренными, чем я сам. Я завидовал легкости, с какой они учились. Их умение оценивать культурную жизнь столицы, критиковать произведения искусства казалось мне недосягаемым. Позже некоторые из них умерли, не реализовавшись, другие прожили ничем не приметную жизнь.

Теперь-то я понимаю, что у них не было ничего, кроме цепкой памяти и творческого инстинкта молодости. Такая легкость, свойственная столь многим, является трагедией любой профессий. Множество людей обманывается приходящей легкостью, перестают совершенствоваться.

Миновала зимняя сессия и последующая весенняя первого курса. Еще вчера я был поглощен мыслями об экзаменах, но уже сегодня с однокурсниками мы обсуждали участие в работе студенческих отрядов, понимая, что оно потребует всестороннего внимания. Пик популярности патриотического движения студенчества пришелся на годы нашей учебы. В комитете комсомола училища был образован штаб отрядов.

Важнейшие объекты отечественной промышленности, строительство электростанций, железнодорожных путей и мостов, ударные комсомольские стройки Севера, Сибири, Дальнего Востока, Казахстана, Кыргызстана привлекали юношей и девушек, в том числе студенчество не только своей романтикой, но и возможностью заработать. Студенческие отряды имели определенные преференции. Решением правительства было введено 20 процентное снижение нормы выработки, к тому же в условиях Крайнего Севера, Красноярского, Приморского краев и других регионах; из-за суровости климата существовали районные коэффициенты и денежные надбавки. Заработная плата составляла от 500 до 800 рублей в сезон, продолжительность рабочего дня – десять часов с тремя выходными в месяц. Это была существенная прибавка к стипендии, для некоторых она была основным источником, позволяющим продолжать учебу, у других – содержать только что образованные семьи.

В июне 1969 года по поручению командира отряда, после досрочной сдачи экзаменов, мы с однокурсниками, квартирьерами добирались из Москвы до Владивостока, а дальше поездом и на автомобилях до села Камень-Рыболов Ханкайского района. Надо было подготовить места проживания студенческого отряда из 100 человек, построить столовую, установить умывальники и туалеты. Строительный отряд, в состав которого входили студенты со второго курса до аспирантов, разместился в оборудованном щитовом общежитии. В таком же щитовом доме, в 50 метрах от нас проживали заключенные отбывающие наказание в колонии поселении. Вероятно, у читателя возникнут догадки о несомненных конфликтах или драках между студентами и заключенными. Спешу успокоить: не возникало даже словесных перепалок.

Одну из бригад поручили возглавить мне, в ее состав вошли десять юношей и четыре девушки. Навыки, сноровка и

аккуратность в работе приобретались ежедневно. Через три недели бригада работала, как слаженный механизм. Строительство домов велось на берегу озера Ханка, вид его не имел ничего привлекательного, огромная площадь мутной воды. На заболоченных берегах озера гнус донимал нас. У нас установилось полное взаимопонимание с местными жителями, один из них, Николай, работал на тракторе, по своим габаритам он ненамного уступал трактору, балагур и весельчак. В связи с Николаем, его ростом и силой, мне вспомнился анекдот: «Трактор Беларусь случайно слегка задел мерин-600, разгневанный водитель решительно направился к трактористу, по ходу произнося: „Всю жизнь будешь горбатиться, отдавая долг“. Открывает кабину и говорит: „У вас ключ на 12 есть?“ Из кабины раздается голос: „Я до 42 откручиваю вручную“». Николай, зная, что моя жена осталась дома с ребенком, рассказал притчу о печке и ревнивом супруге. Молодожены только-только начали обустраивать свой домашний очаг, как в их отношениях появились проблемы. Все бы ничего, да только муж имел ревнивый характер, а красавица-жена была к тому же общественница и ее на собраниях часто избирали в президиум. При этом муж сидел в зале, как правило, на первом ряду и не сводил глаз с жены. Ее это смущало, она просила не терзать ее своими подозрениями. Она предупредила мужа, если он не уймется, она изменит ему, при этом он будет держать свечку. Посчитав это бредом и не угадав степень женского коварства, он «попался на крючок». Вечером, когда молодые легли спать, жена вдруг вспомнила, что на утро не приготовила дрова для печки. «Твое упущение, тебе и идти за дровами, а я посвечу в окно свечкой», – распорядился муж. Кум был неравнодушен к красавице, заблаговременно предупрежден и с нетерпение ждал ее. Свеча осветила ужасную сцену измены жены, ревнивец с топором в руках выбежал из дому, а кума уже и след простыл. Женщина природой наделена особой ловкостью, компенсируя силу, которой у нее нет. Иначе она была бы не подругой мужчины, а его рабою, с ее помощью она удерживается на равной с ним ноге и управляет им, повинуясь ему. История, рассказанная Николаем, искрилась народным, через слово, матерным фольклором. Наше общение ему было важнее производственных отношений.

Жизнь студенчества не ограничивалась работой. У нас установились шефские связи с пограничной заставой. Экскурсия в бухту Золотой рог. 150 лет назад начал закладываться небольшой военный пост, в будущем ставший крупным восточным городом. Если идти от Морского вокзала по виадуку на север, то за 10

минут можно дойти до самого популярного места города – корабельной набережной.

Во всей красе суда и подводные лодки Тихоокеанского флота мы увидели и на праздновании Дня Военно-морского флота. Через два месяца отряд с доброй памятью о Дальнем Востоке отбыл в Москву.

Запечатленные на фотографии мои друзья и я – на фоне морского пейзажа, раскинувшись во всю ширину и глубину кадра. Там вдалеке просматриваются контуры боевых кораблей. Мы в форме студенческих отрядов, она слегка помята, накануне нам пришлось преодолеть поездом свыше пятисот километров. Снимок вполне четкий, лица спокойные и рассудительные, прямодушные и сдержанные. Я на этой фотографии ровесник старшей дочери моего сына. В руке у Геннадия портфель, в нем документация на выполненные строительно-монтажные работы, они с Александром – мастера отряда. От их умения и квалификации зависел результат труда всего студенческого отряда. Володя Скопин отвечал за материально-техническое обеспечение. Ему не было равных в переговорных процессах, так же как и не было неисполнимых поручений.

Пишу эти строки и задумался, как эти три студента, без дополнительных штатных единиц обеспечивали инженерную, снабженческую, организационно-техническую службу крупного производственного подразделения. Такой уникальной практики мне не приходилось встречать впоследствии ни в одном коллективе. Холеные усы Володи не в силах были затушевать следы озорной песни, он мог от нее перейти к песням, полным дерзкой страсти и ужасающей откровенности. Он знал множество анекдотов и забавных историй, стоило ему открыть записную книжку, в которой значилось одно ключевое слово. К примеру, слово кочерга. И начинал рассказ: «Однажды в одном горном ауле собрались все мужчины, старейшина, решив узнать, уважают они своих жен, спросил:

– Кто из вас недоволен своими женами, пусть встанет!

С однокурсниками во Владивостоке. Володя Куманев с гитарой, стоят (слева направо): я, Володя Скопин, Геннадий Давыдкин, Александр Хомутский. Июль 1969 года.

Все встали, только один продолжал сидеть. Старейшина обрадовался, что хоть один мужчина в ауле уважает свою жену, он сказал:

– Слава богу, я впервые вижу человека, довольного своей женой!

На это сидевший джигит ответил:

– Ты ошибаешься, ата. Я не встал потому, что жена перебила мне ногу кочергой».

Нас не пугала жизнь в помещении, построенном прямо в поле, и никакая тяжелая работа, людей серьезных, молчаливых и скрытных, в то же время сохраняющих душевную тонкость и нерастраченное богатство чувств. На предстоящий год мы готовились к поездке на остров Шикотан, а оказались в Подмосковье Волоколамского района. Многолетнее пребывание в студенческих отрядах – уникальный опыт. Мы развили свои физические и психологические возможности, проверили собственную приспосабливаемость к иным условиям жизни.

Это наше прошлое, и нам с ним жить не забывая и не осуждая. Я мечтал, что будущее будет светлым и радостным. Оглядываясь назад, я вижу, что не все в жизни шло так, как

хотелось, но многим с полным правом могу гордиться.

IX

Начало второго курса я встретил в студенческом общежитии вблизи от метро «Измайловское». Стоимость проживания была символической. В комнате четыре железные кровати стояли вдоль стен. У изголовья каждой из кроватей-близняшек располагалась небольшая тумбочка и на ней несколько книг научного содержания, за кроватью чертежные доски. На полках почти во всех комнатах чайники, сахар, кастрюли, сковородки, обычная столовая посуда. Питались все примерно одинаково, на первом этаже столовая и буфет. Зачастую жарили картошку на маргарине в толстых чугунных сковородках. Общежитие было смешанное: девочки – мальчики вместе. Была любовь, были романы и свадьбы. В особых случаях администрация общежития проявляла милосердие и выделяла для семейных комнату. А вот чего не помню: криминал, драки, воровство, да и воровать у студентов было нечего. Пили широко известный портвейн «Три семерки» стоимостью менее рубля. Расписывали пульку (преферанс), по-крупному не играли, все по мелочи. Среди соседей по общежитию всегда находился затейник, который устраивал проверку молодым студентам, предлагая им встать на плоскость чертежной доски с повязкой на глазах, руками опереться для устойчивости на голову двух добровольцев, поднимающих доску. Чуть приподняв опору, они приседали, создавая иллюзию подъема, роли распределены, другие кричат прыгай, не то те двое не удержат, дичь загнана. Стоящий на доске, предполагая, что его подняли по крайней мере на метр, прыгал, встретив пол всего на высоте 5 сантиметров. Другой заводила устраивал спор, с физически сильным претендентом, что тот не разобьет пустую бутылку о ребро оцинкованного ведра, ставка пол-литра водки. Этого никому не удавалось сделать: скорость кристаллизации цинка смягчает удар и не допускает боя стекла. Жизнь студентов из одной группы в комнате была удобна не только тем, что чертежи, лабораторные задания, курсовые проекты выполнялись вместе, но и тем, что на старших курсах мы подрабатывали на заводе «Прожектор». Помимо основных изделий оборонного назначения, он производил стиральные машинки. Наша задача заключалась в доставке бытовой техники с конвейера до склада готовой продукции. Работа требовала значительных сил. Это нас устраивало, как и то, что к стипендии добавлялись сто рублей.

Праздники, дни рождения или сдача экзаменационной сессии отмечали весело и забавно. Один из нас, старший по возрасту, был лекарем от головной боли по понедельникам, после

застолий. Он же организовывал посещение театра оперетты (его тетя работала администратором театра, и это позволяло нам иногда ходить в театр на спектакли бесплатно). Другой наш сосед обладал способностью покидать комнату с пустой сковородкой, возвращаться с полноценным ужином, обладая талантом приобретать друзей. Рядом с нашим четырехэтажным кирпичным зданием располагались еще два корпуса общежитий других факультетов. Когда становилось тепло на улице, из открытых окон звучал магнитофонный голос Высоцкого.

С будущей женой я познакомился на вечере дружбы в Московском областном педагогическом институте им. Н. К. Крупской. Светлана Попова осваивала редкую профессию – преподаватель физики на английском языке. Специалистов-предметников готовили как для работы в школах, так и для учебных центров в зарубежных странах. Студенты-юмористы аббревиатуру МОПИ озвучивали как Московское общество подруг инженеров. Когда наши дети подросли, они не могли понять и спрашивали: «Как вы могли познакомиться: мама из Каунаса, папа из Джалал-Абада?» «На вечере в институте, мама пригласила меня на белый танец», – объяснял я, шутя, а мама говорила совершенно противоположное, и она была права. Наши свидания нередко превращались в походы в театры. Спектакль-оперу Дмитрия Клебанова «Коммунист» мы слушали в Кремлевском театре. Его зрительный зал в 1200 мест, со вкусом выполненные интерьеры. Вскоре он был закрыт, но не в 1961 году, как пишут Интернет-источники, чтобы не создавать конкуренцию Дворцу съездов, построенному к тому времени, а гораздо позже. Многочисленные театры, спектакли разных направлений. До сих пор помню «Традиционный сбор» по пьесе Виктора Розова. Главный герой пьесы рассуждал о ценности личности, не зависящей от должностей. Важны первоосновы человеческой духовности. Фрагменты этого спектакля случались у многих в жизни, у меня произошла встреча с одноклассницей, работавшей начальником отдела госбанка в городе моей юности. Мы вспоминали, как вместе смотрели фильм в кинотеатре «Мир», испытывали взаимную симпатию, щемящее чувство сожаления о безвозвратно ушедшей молодости…

Много лет спустя мы с дочкой и внучкой посетили город детства и позднего отрочества Светланы. Далее приводится рассказ от первого лица:

– Неман совсем обмелел, в годы моего детства по этим вот местам еще бегали большие и малые катера, сейчас этого нет. Мост, что ведет к моему дому на проспект Йозапавичуса, построили новый. Мы проходим мимо бара «Апинелис», он здесь

же находился и пятьдесят лет назад, иногда здесь нас угощали вкусными цеппелинами (большие картофельные клецки). Вот мы и добрались до костела Святого Сердца Иисусова, а за углом, мы уже повернули туда, мой дом. Я долго смотрела на окна своей квартиры, точно хотела увидеть маму и рано ушедшего папу. Это были те окна, с которых раздавался голос родителей: «Света, уже поздно, пора домой!», а с игры дворовые не отпускали, я отвечала, ну еще полчасика. Как я была тогда счастлива! Сейчас за окнами моими не лежат снега (на дворе – май) и видны лишь уголок двора, газон с пустой скамейкой, липа, рябина да голубое небо. У этой скамейки мы пристраивали стулья и с учительницей по астрономии, имя ее не припомню, изучали созвездия на темном фоне небосвода. Мы познавали мир планет и звезд, окутанный мифами и легендами, загадками и тайнами. Родителей давно уж нет, со дня смерти папы, Попова Владимира Ильича, миновало почти полвека, а память и горечь потерь о них, прошедших Великую Отечественную войну (а отец прихватил и финскую кампанию), не отпускает. С фронта он вернулся в двадцать семь лет капитаном. О войне он не любил рассказывать и говорил: «Дочь, было очень страшно!» Единожды он обмолвился, как зенитной артиллерией прямой наводкой громили немецкие танки. Только сама, прикоснувшись к трагическим событиям в Кыргызстане во время двух «революций» и на Украине во время «революции достоинства», я стала понимать, почему он не хотел об этом вспоминать и тем более рассказывать мне, ребенку… О чем? О боли, холоде и голоде? О тысячах километров по грязи и потерянных в боях друзьях? Нет, время не лечит. Выше этажом живет семья тех лет. Татьяна лет на семь младше меня. Заметила нас у парадного подъезда, пригласила в копию моей квартиры, и опять я оказалась в плену своего детства и своей юности. Слез не удержать. Взгляд скользит по кухне, напротив санузла просторная кладовка, с ней у меня связано забавное воспоминание. Папа принес домой огромную гроздь зеленых бананов, доставленных военно-транспортным судном из субтропиков Африки. Что делать с этим экзотическим лакомством? Открываем Большую Советскую Энциклопедию, читаем: «Отдельные виды бананов в пищу употребляются в жареном и вареном виде». Пожарили, он оказался совершенно безвкусным. Мама отложила серповидный плод в кладовку и совершенно забыла о нем. Через несколько дней по какой-то необходимости открыла кладовку, и ее взору явились бананы ярко-желтого цвета. Их просто нельзя было не попробовать, вкус мучнистой мякоти деликатеса был превосходный. Я съела много, с тех пор я их употребляю ограниченно. Коридор ведет в спальню

родителей, в такой же умер папа. Напротив моя комната. Здесь я уединялась с Чингизом Айтматовым и его прелестной Джамилей и стройной, как тополек, Асель. А тут, в темном пространстве за своей кроватью, я плакала, скрываясь от глаз родителей. С войны папа привез трофейную опасную бритву с богато разукрашенной перламутровой ручкой. Однажды я пыталась ею поточить карандаши, и он меня наказал, слегка шлепнул, опасаясь, что я порежу себе пальцы. В коридоре и на противоположной стене от моей кровати красовались копии картин: лирическая, печальная «Аленушка» Василия Сурикова и яростный «Девятый вал» Ивана Айвазовского, рядом сервант, пианино, книжный шкаф. У окна стоял письменный стол, за которым я готовилась к урокам и читала увлекательную литературу. Вместе с капитаном Немо я преодолевала двадцать тысяч лье под водой. Разочаровавшийся во всем роде человеческом и уединившийся в глубинах своего таинственного, простирающегося под океанами царства. Противостояла интригам, замышлявшим недоброе против королевы во времена хитроумного Ришелье, плечом к плечу помогала Тимуру и его команде. У папы было два увлечения, одно из них зимняя рыбалка. Для этих целей у него было все необходимое снаряжение. Снасти, льдобур, комплект теплой одежды, унты, стульчик. Он приносил с рыбалки мелкую рыбешку, а мама намеревалась скормить ее кошке. Вторая его страсть связана с фотографией. В начале 1960-х годов любительские снимки были черно-белые. Папа постоянно экспериментировал и добился цветного изображения. Он устанавливал штатив с камерой, определял ей нужные параметры, и фотографировались мы втроем. Один из этих снимков стоял у меня на письменном столе.

На нем папа с мамой, позади них сервант с чайным сервизом, слева пианино, украшенное инкрустированным металлом. Отец в модной безрукавке, пальцы рук свободно сцеплены. На ремне металлическая цепочка от механических карманных часов, они придавали владельцу солидность и нотку старины. Волосы с едва заметной проседью, аккуратно причесаны. Лицо сухощавое, взгляд ясный, задумчивый, спокойный и добрый. Левой рукой облокотился на спинку стула, слегка наклонившись в сторону мамы. Мама в белой блузке, бежевой шерстяной кофте, правой рукой едва касается подлокотника кресла оранжевого цвета и полунаклоном приблизилась к папе. У нее милое, открытое лицо, взгляд мечтательный, устремленный в объектив. Волосы, хорошо уложенные в модную прическу. Взор родителей одинаково счастливый. На фотографии они ровесники моей дочери. После родителей в память о них остались медали и ордена – свидетели

их доблести и бесстрашия. Они были людьми из плоти и крови, личностями с сильными характерами и с незапятнанной репутацией. Сколько себя помню, у нас в доме были старинные часы с механическим заводом. К тому, о чем я рассказываю, нет возврата, только мелодичный бой часов сопровождает прошлое и живет в настоящем. В этом доме я выросла, а теперь привела познакомить с ним свою дочь и внучку. Посетили военное кладбище, ухоженную могилу отца, как водится, помянули, вспомнили проникновенно его бережное отношение к маме, ко мне, военную службу и частые военные сборы. Когда я просыпалась и ощущала запах кожи портупеи, я вскакивала и бежала в комнату родителей с криком: «Папа приехал!» В моей памяти этот запах добротной кожи соседствует с прикосновением его руки моего ушка, из-за которого он как фокусник извлекал шоколадную конфету. Это было такое волшебство, он весь сиял какой-то светлой радостью от того, что создал мне праздничное настроение. Папа был командиром зенитно-артиллерийского дивизиона в составе воздушно-десантного полка, и его готовили к отправке в группу советских войск в Германию. Но командировка не состоялась: на этот период пришлось реформирование вооруженных сил СССР и их значительное сокращение, урон был нанесен огромный, причем не только материальный, когда с «радостью» уничтожали новую военную технику, но и моральный. С каким возмущением отец и его сослуживцы воспринимали погром армии. Вскоре он покинул воинскую службу и продолжил работу, по настоянию мамы, технологом танкового завода. Мама, Попова Любовь Алексеевна, будучи директором вечерней школы, заслуженным учителем Литовской ССР, пользовалась большим уважением и доверием взыскательной общественности города Каунас. Последние годы она жила во Фрунзе и в октябре 2004 года была похоронена на юго-западном кладбище Бишкека.

X

Прошла целая эпоха с тех лет, о которых рассказывает Светлана. Уже нет прежней страны, сменилось два поколения, но жизнь продолжается, и память вновь возвращает меня к временам студенческой поры. Москва предоставила нам возможность посещать не только академические аудитории, но и лицезреть на театральных подмостках сцены Большого театра балеты «Лебединое озеро» Юрия Григоровича, «Щелкунчик» Мариуса Петипа. В театре «Ленкома» рок-оперу «Юнона и Авось» Алексея Рыбникова и Андрея Вознесенского с Николаем Караченцовым в главной роли смотрели уже с сыном студентом-первокурсником. Вход на территорию Кремля в те годы был свободен, так же как и на Новодевичье кладбище, это позволяло нам осматривать памятники архитектуры, посещать Алмазный фонд и Оружейную палату в удобное для нас время. В печальной тишине Национального пантеона славы мы отдавали дань уважения усопшим, оставившим заметный след в истории страны. Чтобы попасть на футбольный матч между сборными СССР и Бразилией с участием Пеле, мы стояли в очереди за билетами до глубокой ночи. Время было насыщенное, беспокойное, период «оттепели» заканчивался, публикации, прочитанные в «Юности», «Нашем современнике», «Новом мире», «Молодой гвардии», «Иностранной литературе» обсуждались в неформальной обстановке, нередко за кружкой пива или бокалом вина.

Вся жизнь еще впереди. Город Каунас, Лайсвес аллея, ноябрь, 1969 год

Светлана на фотографии выглядит так, словно ей хорошо известна сила ее очарования, и она старательно направляет его лучи на окружающих. Мягкие длинные локоны ниспадают на модную шубку. У нее красивое, веселое лицо, полуулыбка витает на ее губах. Ноги обуты в замшевые сапожки. Левая рука жены, затянутая шерстяной перчаткой, держит ремешок фотоаппарата «Киев», правая удерживает мою. На мне мохеровый шарф, темное пальто, финские туфли Topman. В кадр случайно попала прохожая женщина, наше присутствие улучшило ее настроение.

С «Юностью» прошла наша юность. Мы читали его от корки

до корки. «Бабий Яр» Анатолия Кузнецова был опубликован в 1966 году, спустя тридцать лет я шел в Киеве по тем же улицам, которыми вели людей на расстрел. Рядом с нашим посольством располагался тот самый стадион, где футболисты киевского «Динамо» выиграли матч у немецкой команды и были расстреляны в Бабьем Яру.

Не могу представить жизнь нашего поколения без песен Булата Окуджавы, Владимира Высоцкого, Юрия Визбора, Александра Галича, Юрия Кукина, Юлия Кима и многих других. Они были честны, искренни, отличались острым чувством гражданской ответственности, человечностью. Власть их терпела скрепя сердце.

В нашей студенческой среде широкой известностью пользовались исполнители самодеятельных хитов, один из авторов наш однокурсник Владимир Куманев, ему бы в консерватории получать образование, а не в инженерном институте. Он знал бесчисленное множество песен, пел их, будь то общежитие, целина, Сибирь или Дальний Восток.

Ушли годы студенчества, чувства, которые родились тогда, живы, волнуют и сегодня. В те годы закладывался фундамент не только профессиональных знаний, но и расширялся кругозор, формировался культурный и художественный вкус. Позже эти навыки приобрели системный характер, трансформировались в постоянный поиск и желание познать неизведанное, много читать, срывая там и сям какую-нибудь цитату или заметки на полях.

После нашей свадьбы мы арендовали квартиру вблизи от мет ро «Щелковская», у нас родился сын, назвали его Владимиром, в память об отце жены. Как быстротечно время. Выдающийся мыслитель Блез Паскаль описал это жуткое, это страшное ощущение уходящего времени: «Течет время, капля за каплей убегают твои минуты и часы, неостановимо уходит жизнь и не вернется снова – так что беги, мой милый, и будь осторожен, чтобы не споткнуться на бегу». Только недавно мои друзья-однокурсники поздравляли с рождением моего первенца. С тех пор миновало пятьдесят лет. А когда он стал ходить, я воспользовался приездом моего отца в Москву, и мы всей семьей отправились в общежитие. Малыш в мутоновой шубке леопардовой окраски семенил по комнатам, атмосфера шуток, смеха, игр его завораживала. В тот день его чон ата (дедушка) произнес пророческие слова: «Вырастешь, будешь учиться в Бауманском училище». Так и произошло через шестнадцать лет. Володя продолжил семейную традицию, поступил в училище и проживал в корпусе конструкторско-механического факультета

(теперь он носит название Робототехника и комплексная автоматизация).

Много позже он стал выпускником и обладателем красного диплома Российской финансовой академии. Степень доктора экономических наук, публикация нескольких десятков монографий и научных статей он совмещал с работой менеджера девелоперской компании. Поспевая за стремительным темпом современного мира, он сохранил традицию предков, бережного отношения к семье, жене Галине, дочерям Евгении и Диане. Старшая приобрела профессию инженера-строителя, младшая готовится стать математиком-программистом, свободное время посвящает созданию видео- и фотосюжетов. Дочь Ирина родилась во Фрунзе, период получения ею специальности юриста высшей квалификации совпал с распадом Советского Союза и моим назначением руководителем дипломатической миссии Кыргызстана на Украину. После успешного окончания Киевского национального университета и защиты кандидатской степени продолжила учебу в Оксфордском университете. Своего будущего мужа Манолиса встретила на Кипре, родила очаровательную Габриэлу, нашу любимую младшую внучку, которая читает мне книги на греческом, английском и русском языках. Главное, чтобы я сидел рядом и слушал. Может ли быть что-то прелестней, чем концерт более 200 младших школьников – участников рождественского праздника, в канун 2019 года в муниципальном театре Строволос столицы Кипра. Габриэла – участница хора и танцевального ансамбля, волновалась перед своим дебютом, бесконечно повторяла плавные движения в такт воображаемой музыке.

Я нарушил хронологическое повествование и забежал в завершающую часть соей жизни, она разнообразна, временами интересна, но приключениями не богата. Позволю себе вернуться к началу трудовой жизни. Дипломированным специалистом я прибыл на завод сельскохозяйственного машиностроения в город Фрунзе. Вскоре меня пригласили в ЦК ЛКСМ Киргизии и предложили стать комиссаром республиканского студенческого строительного отряда. Жить мы стали в рабочем общежитии обувной фабрики «Чолпон». Так началась работа среди моих сверстников и энтузиастов молодежного патриотического движения.

В 1976 году меня избрали первым секретарем Фрунзенского горкома комсомола. Опыта публичных встреч с молодежью не было, все приходилось осваивать с азов. Это и называется «текущая работа», которая складывается из незаметной повседневной практики. Спортивная, культурно-массовая, военно-

патриотическая, трудовая жизнь и многое другое – все, чем должна была жить молодежь. Я был первым секретарем горкома комсомола более пяти лет, избирался кандидатом в члены бюро горкома партии и депутатом городского совета народных депутатов. Уставы политических организаций предполагали регулярные пленумы и сессии с обсуждением важных вопросов жизнедеятельности столицы и перспектив ее развития.

Прошло без малого сорок лет. Каждый раз, когда я прихожу со своими внучками в парк, я вспоминаю о своей юности и времени, когда среди других важных дел был заложен парк Победы. В годы, о которых речь, руководители комсомола искали и пытались найти методы влияния на юношей и девушек. Это удавалось далеко не всегда, ведь юношество особенно нетерпимо к казенщине, начетничеству.

Наиболее удачные инициативы получали распространение. Комсомол привлекал молодежь к своей практике, в том числе туристическими поездками по стране и за рубежом. Моя первая туристическая поездка была в Германскую Демократическую Республику. Берлин впечатлил историческими музеями, Бранденбургскими воротами, велосипедными дорожками. Дрезденская картинная галерея заворожила гениальной старинной европейской живописью – полотнами Рафаэля, «Сикстинская Мадонна», Антонио Корреджо «Святой ночью», произведениями Рубенса и многих других. В нашей программе поездки был и мемориальный комплекс Бухенвальд, бывший нацистский концлагерь. Это место боли, смерти, ужасных нечеловеческих медицинских экспериментов. Когда мы стояли там, глядя на крематорий, в котором сгорело десятки тысяч узников, нас поражали не только палачи-исполнители, но и те, кто стоял у кульмана и тщательно, со знанием дела, проектировал печи, рассчитывал высоту дымоходов и прочее. Те, кто выполнял заказ, рассуждали по-своему – они его выполнили наилучшим образом, какие могут быть к ним претензии? Для чего должно использоваться то, что им заказали, – не их дело и не их ответственность, разве не так? Впоследствии мне пришлось убедиться в том, что многие из нас, получая и выполняя указания, таким образом уходят от ответственности. Мы полагаем, что, коль скоро не будем задумываться о последствиях своей деятельности, они минуют нас. Это заблуждение. Они непременно найдут нас, не отстанут и будут преследовать. Подтверждение этому мы получили, посещая дворец Цецилиенхоф, где состоялась Потсдамская конференция глав трех крупнейших держав антигитлеровской коалиции.

После окончания Второй мировой войны самыми сильными в

политическом и экономическом отношении оказались две страны: Советский Союз и США. Каждая из них имела большое влияние в мире и стремилась всеми возможными способами укрепить лидерские позиции. В глазах мировой общественности СССР терял привычный образ врага. Социализм начал привлекать миллионы людей как средство преодоления разрухи. Кроме того, его влияние заметно расширилось на страны Азии и Восточной Европы, где к власти пришли коммунисты.

В 1946 году в Фултоне экс-премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль обвинил Советский Союз в агрессивной экспансии и призвал весь англосаксонский мир дать ему решительный отпор. Фултонская речь Черчилля и доктрина Трумэна были восприняты правительством СССР как угроза и своеобразное объявление холодной войны. Одним из самых напряженных ее моментов считается Берлинский кризис. США война принесла неслыханные дивиденды. Впервые в истории Америки полностью исчезла проблема безработицы. И у нее не вызывало затруднений завалить товарами Западный Берлин, – это стало существенной причиной миграции населения из Восточного в Западный Берлин. Властям ГДР пришлось выстроить живое оцепление, которое удерживало желающих уйти до того момента, пока не была построена бетонная стена. Ее строительство стало прямым нарушением положений Потсдамского соглашения. Это породило проблемы куда более серьезные и глубокие. Стена повлияла на взгляды восточных немцев. Грозное оружие получили в руки антикоммунисты во всем мире. Пример потери ответственности за последствия своих действий в худшем виде.

Потерю ответственности я отношу и к инспекторской проверке инструктором ЦК ВЛКСМ после моего прибытия с туристической поездки. С первых минут нашего знакомства, он повел себя беспардонно, с оттенком национального пренебрежения. Получив соответствующую отповедь, он пригрозил последствиями. Инспекция происходила в канун XVIII съезда ВЛКСМ, и в отчетном докладе прозвучала критика в адрес нашей первичной комсомольской организации. Этим не закончилось. В начале следующего года нас, столичных секретарей республик и областных центров России, собрали на курсы. В проект выступления первого секретаря ЦК комсомола Бориса Пастухова предполагалось вновь разместить ложную информацию о том, что позитивные изменения не коснулись комсомольцев нашего автосборочного завода, а, кроме того, игнорируется прежняя критика. Я потребовал встречи с руководителем комсомола страны. На беседу со мной собралось чуть ли не пол-отдела пропаганды ЦК комсомола, состоялся

острый нелицеприятный диалог с теми, кого я не считал своими коллегами, ложную информацию признали, приказали убрать из текста выступления. Однако проверяющего-интригана увели от ответственности. Это мелкий случай, и я бы не стал уделять ему внимание, если бы он был единственным. В последующем мне приходилось много раз встречать ничтожных проныр. Сегодня государственная власть признает, что молодежная организация необходима. Ведь молодость – время поиска своей идентичности, развития самосознания, выработки ценностных ориентаций, гражданских качеств личности.

XI

Мне исполнилось 34 года, возраст для руководства молодежной организации предельный. На одной из встреч с руководством республики первый секретарь ЦК комсомола Киргизии Таштемир Айтбаев рекомендовал меня на более ответственный пост, к тому же за пятилетний срок работы мне вручили орден «Знак Почета». Я был назначен инспектором ЦК компартии Киргизии. Молодой инспекторский состав, как правило, долго не задерживался и после 2–3 лет работы направлялся на должности глав местных органов. Адаптация в новом коллективе у меня проходила без особых осложнений благодаря доброжелательному окружению и начальнику Владимиру Долматову, который, позже, занимал высокую должность, был назначен председателем Комитета народного контроля республики. После двух лет службы в центральном аппарате меня рекомендовали первым секретарем Рыбачинского горкома партии. Скажу откровенно: никаких родственных или иных связей у меня не было. Читатель может меня упрекнуть за то, что я тоскую о прошлом, делаю вид будто в те времена вовсе не было зла, источником которого являются ненависть, человеческая слабость, насилие и власть. Конечно, все это было. Но я хотел бы заметить, что соперничество и свободная конкуренция, возможность заявить о своих амбициях и реализовать их реально существовали в общественной жизни республики. Мне могут возразить, но какая конкуренция могла быть в условиях политического монополизма «организующей и направляющей», при отсутствии политического плюрализма, все было сведено до уровня примитивного политического манипулирования, основанного на карьеризме. Жизнь гораздо многообразнее и шире и не укладывается в определенные схемы и штампы.

Классики далекого прошлого имели свое суровое суждение о том, что практика – критерий истины и что ею опровергается – ложно. А истина такова, что за период с 1961 по 1985 год, в Кыргызстане было введено в строй более 150 крупных промышленных предприятий, в 6 раз увеличилось производство электроэнергии. Доходы госбюджета возросли с 410,5 млн до 2,234 млн рублей, или в 5,4 раза. По темпам роста национального дохода на душу населения мы опережали Казахстан, Узбекистан, Таджикистан и Туркменистан, а по темпам роста производительности труда все названные республики, кроме Узбекистана.

Большую половину своей жизни я жил в советское время. Я очень хорошо помню, как постепенно люди теряли веру. Я был среди студентов, которые ездили на целину, Приморье, Подмосковье, и помню искреннюю, восторженную веру. Мне памятен полет Юрия Гагарина в космос, никто еще до конца не осознавал, что это такое – космический полет. У всех было необъяснимое чувство чего-то необыкновенного, оно как-то соотносилось с теми музыкальными произведениями, вскоре появившимися после полета Юрия. В таких, как четырнадцать минут до старта, и на Марсе будут яблони цвести. Хотя мы проживали в глубинке, но чувство заброшенности с нами не соседствовало, была гордость и сопричастность и единение со страной. Таких больших слов, возможно, мы не знали, но спокойствие и уверенность взрослых в завтрашнем дне передавались нам, детям, без объяснений. Казалось, все будет замечательно. Затем пошли годы оттепели, постепенно, незаметно стала жизнь ухудшаться. Больше идеологически. Запрет на постановку пьес, цензура на публикацию произведений. Награды Брежнева и его окружения, смерть одного за другим генеральных секретарей. Масса анекдотов по этим поводам. И постепенная потеря веры. Наиболее циничные, беспринципные приспособленцы, вчерашние идеологи марксистских идей в одночасье превратились в яростных сторонников дикого капитализма. Я задавал себе вопрос: неужели они забыли свою биографию так основательно, как это явствует из их слов? И у меня возникало желание, чтобы у таких ораторов рядом с букетом цветов лежала пачка туалетной бумаги. Это напоминало бы им, что они, такие же люди, как все. Набирал силу культ денег, разгул взяточничества, как реакция на потерю веры. У нас нет какой-либо прогрессивной цели, которая могла бы объединить нас. Бесчисленное количество раз наши идеологи осуществляли попытки сформулировать национальную идею, сплотить людей вокруг нее. Эти усилия оказались тщетны потому, что были оторваны от реалий. Куда ни глянь, отсутствие рабочих мест, и как следствие, миграция, бедность, преступность, коррупция…

В стране все стало обсуждаться, взвешиваться и оспариваться устно и письменно, все становилось словесностью. Однако, невзирая на программы, докладные записки, дела не улучшались, страна предпочитала рассуждать, а не действовать. Канцелярские дела, папки, бесконечные сопроводительные документы разрастались и приумножались с каждым днем. В годы независимости мы видим много примеров среди чиновников нашей страны, понимающих, что его благополучие зависит не от

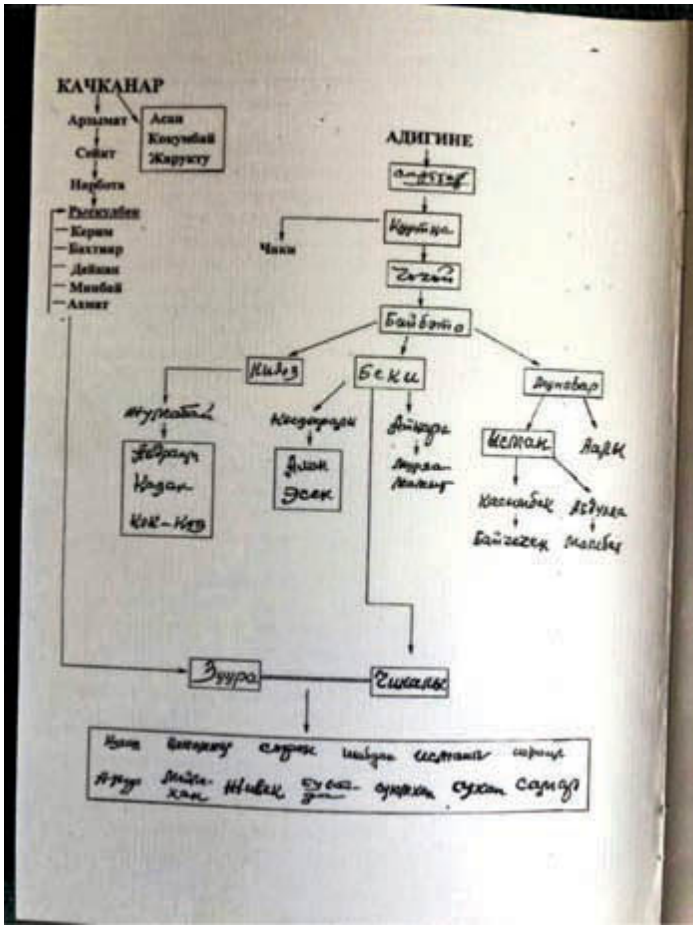
результатов работы, а от степени лояльности и «системности» своих поступков. Способный администратор вынужден с трудом пробираться между извилистыми изгородями, гнуть спину, ползти, нырять в грязь вертепов, где появление умного человека вызывало всеобщий испуг. Удерживались на местах и зачислялись на службу нередко лентяи, бездарности и дети влиятельных родственников. Так постепенно административная власть переходила в руки посредственностей. И бюрократия, состоявшая из никчемных специалистов, обращалась в препятствие к процветанию страны; четверть века обсуждается золоторудный комбинат «Кумтор», другие месторождения, отданные в руки махинаторов и дельцов; власть всегда пугалась, поддерживала всякую волокиту; она душила талантливых людей, осмелившихся действовать самостоятельно или указывать ей на ее глупость. Я наблюдал бесчисленные интриги, дипломатические хитрости, мелочные свары и все это ради собственной выгоды. Карманы этих дельцов наполнены проектами, их языки трещат смелыми обещаниями; они любыми путями пробиваются к властным кабинетам, предлагая свои услуги в качестве знатоков и реформаторов. Суеверных они ловят гороскопами, легковерных – проектами, наивных – светской элегантностью. Эта свора предпочитает наполнять свои счета одним махом, пренебрегая всеми опасностями. Отчего в президенты во время выборной кампании выдвигаются десятки кандидатов? У нас такое множество неудачных руководителей лишь оттого, что способность управлять – призвание, проистекающее из чувства, весьма возвышенного, весьма чистого. В данном случае способность порождается душевным складом и не всегда познаниями. Никому не оценить ни действия, ни мыслей правителя – истинные судьи находятся вдали от него, а плоды деяний еще дальше. И всякий без опасений может выдать себя за правителя. Наш народ легко подпадает под обаяние человеческого ума и проникается большим почтением к людям, богатым идеями, но идеи мало значат там, где нужнее всего воля. Вместе с тем я видел, как люди, действительно полезные, труженики, становились жертвами этих интриганов; как люди, преданные своему отечеству, резко выделявшиеся в толпе бездарностей, терпели поражение от гнусных происков. До тех пор, пока истинные заслуги пренебрегаются в угоду чьим-либо пристрастиям или прихотям и людей назначают на должности, не обращая внимания на их способности и бескорыстие, положение дел в таком государстве всегда будет плачевным. Это ли не краеугольный камень национальной идеи? Для ее продвижения при желании можно привлечь сотни прогрессивно мыслящих

людей, призванных содействовать духу соревнования и вызывать у них стремление добиваться превосходства в каком-нибудь искусстве, науке или ремесле. Помимо моей собственной воли, я нарушил порядок, в котором стремлюсь изложить страницы своей жизни, часть из которых пришлась на годы советской власти, а часть на период независимости.

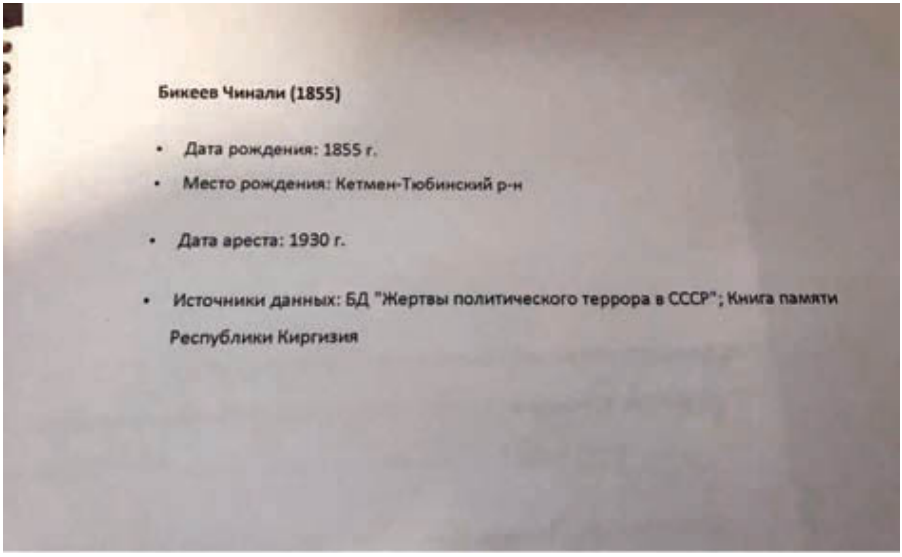
В середине марта 1983 года я приехал в Пржевальск (ныне Каракол). Состоялся разговор с первым секретарем обкома компартии Абсаматом Масалиевым. Для руководства области решение о моем назначении было неожиданным. Я был человеком из молодежной организации, к тому же без соответствующего опыта для такой должности. Портовый город Рыбачье (ныне Балыкчи) выполнял материально-техническое обеспечение населения двух областей – Иссык-Кульской и Нарынской, крупный логистический центр, конечную станцию железной дороги. По всей видимости, эти мысли одолевали многоопытного главу области. Масалиев был человеком справедливым и неприхотливым в быту, в этом я убедился в процессе совместной работы. Такие люди проявляют себя как энергичные, умеющие отстаивать свои позиции, хорошие полемисты. Проблемы области он понимал лучше других и брал на себя все связанное с ответственностью за многоаспектную жизнь области.

19 марта 1983 года глава области представил меня на пленуме горкома партии. Свою озабоченность Масалиев не скрывал, он явно не рассчитывал на мои возможности. «Наследство» доставалось мне не из лучших, город считался одним из проблемных. Разместился я в гостинице, на берегу озера, место живописное, в погожие дни на противоположном берегу озера, на фоне облаков вырисовывались белоснежные вершины. Я любил смотреть, как за скалистым высокогорьем встает солнце и темные таинственные воды Иссык-Куля, подернутые рябью, меняют цвет, становятся светлее.

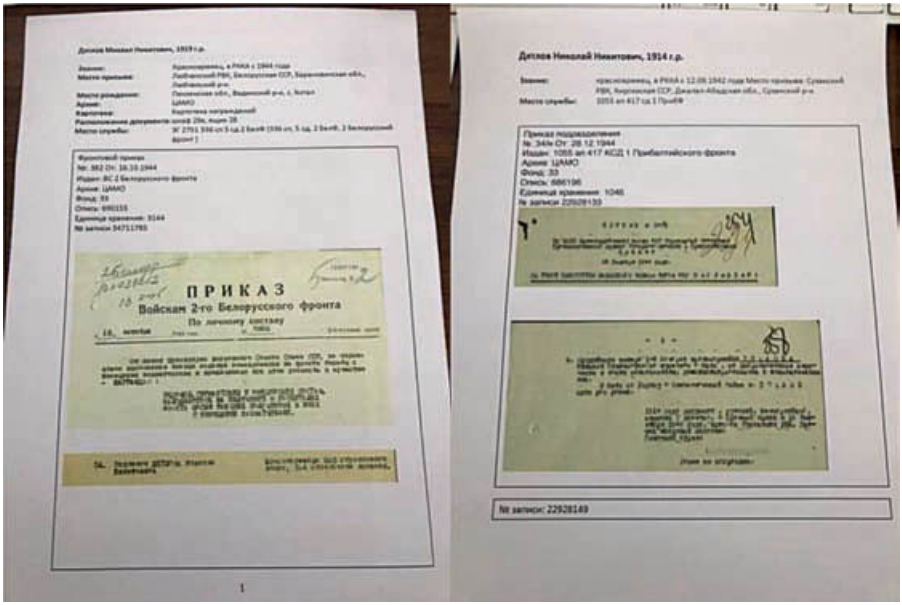
Мама с младшим братомСергеем, Олег сидит рядом с отцом. Стоят (слева направо): я, Тариэл, Автандил. *Токтогул, 1959 год.*



Родословное древо (санжыра), составленное отцом.


Бикеев Чинали (1855)
• Дата рождения: 1855 г.
• Место рождения: Кетмен-Тюбинский р-н
• Дата ареста: 1930 г.
• Источники данных: БД "Жертвы политического террора в СССР"; Книга памяти Республики Киргизия

Весточка из прошлого



Петр и Николай не вернулись с фронта

Мама еще живая.

и Отец на излечении. *Город Ессентуки, 1954 год.*

Ученики кыргызской школы села Чалбасы (Виноградово) во время школьной олимпиады. *Город Скадовск, 1937 год.*

Учащиеся на сборе хлопка.

Средняя школа № 4. *Город Джалал-Абад.*

Первый ряд (слева направо): Светлана с дочерью Ириной и сыном Владимиром, отец рядом с мамой, Светлана, жена Тариэла, с сыном Маратом Второй ряд: я, Автандил, Тариэл, Сергей. *Город Джалал-Абад, 1973 год.*

С младшим братом Олегом

Со старшим братом Автандилом.

Родители Светланы. *Город Каунас, 1958 год.*

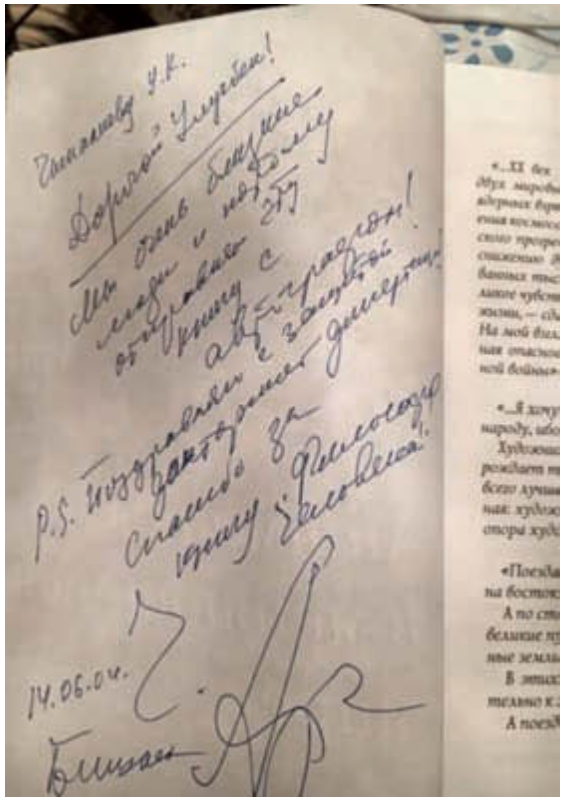
С женой Светланой. *Город Киев, 2014 год.*

С родными и близкими людьми.

С Президентом Украины Леонидом Кучмой, *1997 год.*

Слева направо: Посол Узбекистана Алишер Агзамходжаев, моя жена Светлана, я, жена Алишера Мутабар, посол Австрии Георг Вайс, Людмила жена посла Молдовы и сам Ион Руссо. *Город Киев, 1996 год.*

У обелиска жертвам репрессий. *Село Виноградово, сентябрь 2013 года.*



От Посла к послу.

С известным писателем Чингизом Айтматовым, но еще не послом.

Вершина Раздельная, 6100 м. Андрей доволен, а мне грустно.

С Рустамом мы встречались неоднократно, вплоть до его отъезда в Америку. Теперь мы общаемся через паутину Интернета

С послом Италии Анжело Персиане (крайний слева).

Единственная и неповторимая женщина Президент Роза Отунбаева.

Справа от меня губернатор Херсонской области Николай Костяк, слева председатель областного совета Виктор Пелых. *Город Скадовск, май 2013 года.*

Моя семья. Слева направо (первый ряд): внучки Евгения, Диана, Габриэла, сын Владимир, жена Светлана и я. Второй ряд: жена сына Галина, дочь Ирина и её муж Манолис. *Москва, шюнь 2018 года.*

Почти никаких изменений в кадровом составе аппарата горкома партии не произошло, на вакантную должность председателя народного контроля города я пригласил своего коллегу по комсомолу из Фрунз Юрия Сергеева. Постепенно, с помощью единомышленников, вник в проблемы городского хозяйства. У меня сложились доверительные отношения с председателем горисполкома Сыйной Абыкеевой, вторым секретарем горкома Владимиром Гориным и многими другими. Особняком держались руководители крупных республиканских баз, Госснаба, Киргизпотребсоюза, сельхозхимии, сельхозтехники, нефтебазы, топбазы и другие. По всей видимости, городской актив, все те, кто ежедневно общался, почувствовали мое желание изменить жизнь горожан к лучшему.

Обстоятельства заставляли меня вникать в суть технологических процессов перерабатывающих предприятий и не только их, понять истоки проблем, принимать решения не на основе чьих-либо суждений, а на собственных знаниях и опыте, с учетом экспертных оценок. Проработав чуть более года, вникнув в детали жизни горожан, я убедился, что у людей отсутствуют элементарные условия для оказания услуг быта, здравоохранения, годами не велось жилищное строительство, наших усилий для решения накопившихся социальных и экономических забот населения было явно недостаточно. Городская поликлиника размещалась в щитовом одноэтажном домике, продуваемом ветрами и оснащенном медицинским оборудованием двадцатилетней давности. Отсутствовала общественная баня и горячее водоснабжение. Не соблюдались нормы обеспечения населения торговыми, бытовым и почтовыми помещениями. В нарушение установленной субординации, не согласовав свои действия с главой области, я обратился с просьбой о встрече с Первым секретарем ЦК Компартии Киргизии Турдакуном Усубалиевым. Вскоре аудиенция состоялась. Мне приходилось ранее беседовать с главой республики; руководивший ею четверть века, обладая феноменальной памятью, работоспособностью, лучше, чем кто-либо, зная о проблемах региона, отстаивал его интересы в московских кабинетах и на партийных форумах. Я был случайным свидетелем того, как они вместе с руководителем Ошской области Султаном Ибраимовым летом 1972 года в Чаткальском районе беседовали с местными жителями, специалистами, изучали вопрос, чтобы доказать союзному начальству о нецелесообразности поворота русла реки Чаткал в интересах соседней республики. Тем более мне печально, что в период его обструкции я был в составе руководящего органа ЦК, но его судьба в тот период решалась в

кабинете Михаила Горбачева.

В республике сложилась практика уходящего лидера развенчивать, сводить на нет его достижения. Это, к сожалению, продолжилось и в постсоветский период. Все то, о чем я сказал, произойдет через несколько лет, а пока я на приеме у Турдакуна Усубалиева. Беседа оказалась конструктивной и результативной, длилась более получаса. Мы обсудили основные направления устранения социальной напряженности. Усубалиев позвонил председателю Совета министров Арстанбеку Дуйшееву и рекомендовал оказать содействие горожанам. На составленной мною записке наложил резолюцию «Внести на рассмотрение ЦК», созыв – секретарь ЦК, далее перечислялись министры. Встреча с главой республики привела к улучшению социального самочувствия горожан.

Итогом моей встречи с Усубалиевым стали конкретные дела. Запомнилось строительство стоквартирного жилого дома (восемь лет простоял его фундамент, панели изготовлялись во Фрунзе), он не значился в титульном списке комбината.

Я понимал, моим оппонентам необходимы весомые аргументы, и я их представил, заявив, что отделку квартир и благоустройство дома город готов взять на себя. Это оказалось решающим аргументом. Около двухсот семей улучшили бытовые условия, его заселение совершалось гласно. Я почувствовал, что горожане поверили в искренность всего, что могло бы облегчить их быт. Завершать строительство дома пришлось зимой, и мне показалось, что декабрьские ветры дули в том году сильнее, чем когда-либо. С трудом можно было передвигаться по терзаемым ветрами и снегопадами до рассвета улицам.

Многие проблемы создавала железнодорожная станция Рыбачье. Однажды, ближе к зимним холодам, мне позвонил глава республики. После сдержанного приветствия он мне сказал, «Товарищ Чиналиев, мы вас направили в Рабачье, чтобы вы в городе порядок навели, а у вас происходят недопустимые простои вагонов на железнодорожной станции. Примите меры и доложите, отметил Усубалиев, завершая разговор». Как же их не допустить, если пласты смерзшегося карагандинского угля в вагонах откалывали отбойными молотками. Топливная база находилась на балансе министерства автотранспорта и шоссейных дорог, а доставку основного груза осуществляло фрунзенское отделение Алма-атинской железной дороги, мое предложение о строительстве повышенного пути у руководителей отраслей возражений не вызывало. Заодно городские власти стремились подальше от озера передвинуть склад угля, пыль от которого во время ветра Улан наносила двойной урон,

загрязнялось водное пространство и терялся физический объем топлива. Договоренность реализовалась, и в предстоящем сезоне разгрузка угля производилась механизмом под управлением одного оператора. Другую более сложную проблему удалось обсудить во время приезда начальника Алма-атинской железной дороги, Кудайбергена Кобжасарова. Посетив железнодорожную станцию, представлявшую из себя сарай с двумя комнатами, гость был глубоко разочарован увиденным. Вероятно, его затронула безысходность, обреченность и печаль, которую он почувствовал при виде убогого помещения или, возможно, что-то иное, но в предстоящем 1984 году строительство здания железнодорожной станции началось.

Внешний облик Рыбачье в 1980-х годах характеризовался круглосуточной работой перерабатывающих производств и автотранспортных предприятий. В нем было три оживленных центра у вокзалов: водного, железнодорожного и автовокзала, выходящих на центральную магистраль. Вблизи станций размещались торговые и заготовительные организации, нефтехранилище, большой и малый элеваторы и крупные автобазы. Сюда прибывали сельхозтовары, отсюда развозились по горным аилам и поселкам топливо, мука, минеральные удобрения и пр. Приезжая в Балыкчы сегодня, я все больше ощущаю поражения и утраты: постепенно проникающие в город последние четверть века бедность и обветшалость всего, на чем останавливается взгляд. Единственно, что вселяет оптимизм, это Иссык-Куль. Он неразрывно связан с волей к жизни, чувствами радости.

XII

В ноябре 1985 года состоялся пленум ЦК Компартии Киргизии, первым секретарем был избран Абсамат Масалиев. В середине ноября меня вызвали во Фрунзе и предупредили о предстоящей встрече с ним. Он рекомендовал меня на должность первого секретаря Фрунзенского горкома партии. Аппарат горкома партии состоял из дельных людей. Секретарем горкома партии по идеологии работала Роза Отунбаева, вскоре по инициативе руководства республики она была назначена заместителем председателя Совета министров республики, Министром иностранных дел, а в январе 1986 года была избрана в состав бюро ЦК Компартии Киргизии. В те годы она вплотную приступила к анализу социальных проблем республики, установила партнерские отношения с научной, образовательной и творческой общественностью. Социальные, гуманитарные вопросы в столице республики находили понимание и решение в пределах ее компетенции и при ее поддержке.

Мой предшественник Карыбек Молдобаев, тринадцать лет возглавлявший столичную партийную организацию, был избран секретарем ЦК по идеологическим вопросам. Он обладал высоким организаторским потенциалом и пониманием человеческой психологии. Экономика при нем приобрела устойчивое развитие, что существенным образом влияло на социально-политическое самочувствие республики. Мои надежные помощники обладали не только профессиональными навыками, но и убеждениями, что придавало им энергию успешного решения разнообразных задач. Сагын Исмаилова, координируя идеологический сектор, сочетала мягкость характера с настойчивостью и целеустремленностью, преодолевала затруднения, а в необходимых случаях прибегала к обращению к общественности. Мы придавали значительное внимание творческой интеллигенции, с многими из них установились многолетние дружеские отношения. С Айсулуу Токомбаевой и Чолпонбеком Базарбаевым, солистами балета, уникальным оперным певцом Булатом Минжилкиевым. Ни один праздничный концерт не обходился без Асанкана Джумахматова. Все они видели главное свое предназначение в том, чтобы представить красоту Кыргызстана. С Булатом Минжилкиевым встретился непредвиденно, в 1977 году. Ко мне в гости из Москвы прибыл однокашник Владимир Кунченко, выпускник Московской консерватории. Беседа наша, как водится, прерывалась исполнением песен из репертуара Владимира (его баритон пользовался популярностью еще в школьные годы). Мне было

досадно, что слушателями являемся только мы с женой и детьми, и я пригласил своего друга по службе Давлета Хамзаева. Он заинтересовался талантом моего школьного товарища и, чтобы разнообразить репертуар, вдруг заявил, что намерен пригласить Булата Минжилкиева. Мое сомнение разделили присутствующие. Как всемирно известный исполнитель примет приглашение, если у него все расписано наперед и вообще, чего ради, он пожалует на квартиру «распашонку» в седьмой микрорайон. Мой коллега набрал номер телефона и пригласил лучшего баса не только Центральной Азии на встречу. Вскоре Булат приехал на только что купленной, редкой по тем временам машине ГАЗ-24. Тут уж мы засуетились, гость именитый, а стол скудный, на меню он не обратил внимания, ему было важно общение. Сидя в гостиной, окнами выходящими на балкон, с которого мы поглядывали за сохранностью автомашины, обменивались впечатлениями, его рассказами и планами на будущее. Рокот его голоса наполнял пространство комнаты, будь это сейчас, можно было создать увлекательный видеофильм, передать образ в кругу его почитателей в неформальной обстановке. Приезд его к нам свидетельствовал о том, что он был натурой подлинно широкой, великодушной, чуждой всякой расчетливости. Булата не надо было уговаривать и просить исполнить чарующие произведения. У него отсутствовало звездное величие. В зрительном зале мы наслаждались его талантом, но, чтобы так, запросто, без музыкального сопровождения, слушать его приходилось впервые. Необычная творческая встреча затянулась за полночь, И все-таки без легкой досады не обошлось: снято было боковое зеркало. Владелец автомашины отнесся к происшествию с иронией, а утрату восполнили на следующий день. Булату в ту пору было тридцать семь, нам лет на пять меньше, и он уже прошел стажировку в Миланском театре «Ла Скала» и принимал участие в многочисленных гастролях и конкурсах. Исполнение партии Бориса Годунова сам Булат назвал важнейшим событием своей жизни. Он был первым из национальных оперных артистов Союза, выступивший на сцене Большого театра в главной роли оперы Мусоргского – почти символической для советского оперного репертуара. Голос бархатного тембра, с органными низами и мощными верхами наполнял партию почти физическим ощущением масштабности, скульптурной красоты. Критики писали об актерской проницательности певца, создавшего сложную психологическую партитуру образа.

Вспоминает ученик Минжилкиева и его коллега по фрунзенскому, а позднее и Мариинскому театру Вячеслав Луханин: «В то время театр во Фрунзе находился на очень

высоком уровне. И Булат был в нем центральной фигурой. Тогда он пел Мефистофеля, Бориса, Мельника, Филиппа. И конечно, очаровывал своим голосом. Равных ему не было. Вокальная свобода сочеталась со свободой сценической. Особенно вспоминается его Мефистофель, – он действовал завораживающе, такова была способность организовать на себе внимание зрителя. Во Фрунзе он был, без сомнения, национальным героем». Мефистофель остался в репертуаре Булата одной из легендарных партий: благодаря могучему голосу в исполнении певца философ зла становился могущественным дьяволом-волшебником.

Годы спустя, работая послом Кыргызстана в Узбекистане, в содружестве с коллегами Булата, солистами Государственного академического Большого театра оперы и балета им. А. Навои с участием общественности Ташкента, дипломатов иностранных держав, известной и блестящей балерины Рейны Чокоевой в театре провели вечер памяти Булата Минжилкиева, его роскошный портрет украшал сцену. Выступающие отмечали не только его творческий потенциал, но и выдержку и стойкость, с какой он добивался поставленной цели. Мы говорили, что певцом можно родиться и можно им стать. Разумеется, и во втором случае какие-то голосовые данные необходимы, но основные здесь – выучка; вкус и музыкальность могут возместить такому певцу недостаток голоса, и пение его будет доставлять большое удовольствие. Но никогда он не взволнует вас так, как волнует чистый, сильный голос певца-самородка, он был самородком. У него была любопытная черта характера – привлекать к себе товарищей, коллег, создавая атмосферу доверия и уважения. Он был совершенно не злопамятен.

Многие произведения обретали в исполнении певца новую жизнь. В том числе кыргызских композиторов. Как своеобразно интерпретировал Булат Минжилкиев песню Атая Огонбаева «Эсимде» («Помню») или романсы Мукаша Абдраева, современные сочинения Калыя Молдобасанова, Насыра Давлесова, Эсенгула Джумабаева, Алтынбека Джаныбекова. Входили в его репертуар и сочинения композиторов-мелодистов Рыспая Абдыкадырова, Аксуубая Атабаева, Нуркана Турсунбаева, обработанные и оркестрованные главным дирижером оркестра Гостелерадио Киргизской ССР Асанханом Джумахматовым.

Исследовательскую работу по изучению жизни Джумахматова, его детство и пребывание вместе с репрессированными родителями на Украине проводили с академиком НАН Кыргызстана Аскаром Какеевым, который окружающих подкупает своей искренностью, интеллигентностью, складом ума и высокой культурой. О совместной работе

коллектива посольства Кыргызстана на Украине с профессором Какеевым по восстановлению исторической справедливости в отношении репрессированных киргизов появилась работа под моей редакцией «Горсть земли берут в дорогу люди, памятью о доме дорожа…», изданной в 2015 году.

Наше сотрудничество берет начало в бытность работы Аскара Чукутаевича заместителем заведующего отделом науки и учебных заведений ЦК Компартии Киргизии.

Политическая система Кыргызстана имела ряд особенностей, отличавших его от некоторых других советских республик. Прежде всего, его отдаленность от центра и заметные политические, экономические, идеологические идеи и намерения формулировались и принимались в центре. При этом мнение так называемых окраинных, а тем более небольших республик зачастую просто игнорировалось. Все это порождало чувство ущербности, неполноценности провинциальных республик и их элит, снижало их политическую активность.

Немаловажное значение имело и то, что общественно-политические движения, приобретшие заметное развитие в годы перестройки, формировались в центре, а иногда и ограничивались центром. До окраинных республик они или не доходили вовсе, или «по пути» их актуальность, общественная значимость и острота терялись. Сказывалась и неразвитость системы массовых коммуникаций, заангажированность средств массовой информации.

Для нашего населения характерен своеобразный менталитет, отличительной чертой которого было внешне уважительное отношение к власти на любом ее уровне. Советское государство в целом отрицательно относилось к национальным традициям и обычаям, культурным и духовным ценностям, усиленно насаждая новые традиции, обряды. Постоянно сужалась сфера функционирования кыргызского языка. Все это порождало у населения общественную апатию.

И наконец еще одно немаловажное обстоятельство. На общественно-политическую жизнь республики влияло (и продолжает влиять до сих пор) клановая структура традиционного кыргызского общества. Наиболее влиятельными были и остаются родовые группировки сарыбагыш, бугу, солто. Они не только защищают своих членов, оказывают им всемерную помощь, содействуют продвижению по службе, но и выступают хранителями родовых традиций, определяют нормы поведения, ценностные ориентации, политические пристрастия и др. Родовые группировки – важный фактор в жизни советского и современного Кыргызстана.

XIII

В июне 1988 года состоялась девятнадцатая Всесоюзная партийная конференция. Впервые в истории партии доклад был сделан без предварительного его обсуждения на Пленуме ЦК, но конференция одобрила его положения. Отказ правящей партии от руководства, сохранение за ней лишь идеологической, просветительской функции означал переход к коренному изменению политической системы. Конференция провозгласила задачу построения правового демократического государства. Были определены основные направления политической реформы: отказ от монополии и переход к многопартийной системе; расширение гласности и плюрализма в идеологической сфере; формирование Советов на альтернативной основе; перестройка национальных отношений на демократической основе и др.

Партийная конференция фактически приняла решение, которым правящая политическая партия впервые в своей истории сама инициировала устранение себя от власти. Мы, 5 тысяч делегатов конференции, голосовали и открыли зеленную улицу для демонтажа советской политической системы. Каждому ясно, что, не создав, не опробовав в деле новое, нельзя безоглядно крушить, ломать старое. Этот разумный подход был заменен спонтанным, неподготовленным, непродуманным, необоснованным горбачевским курсом на ускорение социально-экономического развития, на перестройку – разрушение испытанной системы экономического развития и управление ею. Одной из главных идей партконференции было перераспределение властных функций от партийных структур к советским. Предлагалось соединить посты партийных и советских руководителей разных уровней в одних руках. По задумке горбачевских стратегов, это якобы должно повысить авторитет советских органов. Как оно могло повысить, если повсеместно происходило очернительство партийных кадров, создавался их устойчивый отрицательный стереотип. В такой атмосфере происходили альтернативные выборы председателя Фрунзенского городского совета народных депутатов, моя кандидатура получила вотум недоверия. Через год весной 1989 года состоялись выборы народных депутатов СССР по новому избирательному закону. Альтернативой по моему округу был выдвинут секретарь комитета комсомола Киргизского государственного университета им. 50-летия СССР. Итоги выборов показали, что ни один из кандидатов не превысил пятидесятипроцентный барьер. Первых секретарей столичных

городов других союзных республик постигла аналогичная участь, ни один из них не был избран в высший законодательный орган страны. Как показала практика, политическая реформа действительно «включила массы», но не в экономические преобразования, а в политическую борьбу, в противостояние, привела к резкой политизации общества, отвлекла людей от решения конкретных экономических задач. Реформы, реформы, реформы, углубление, расширение, ускорение. Было от чего «схватиться за голову», тем временем дела шли все хуже и хуже.

В нашей стране продолжалось противостояние непримиримой политической оппозиции от официально консервативных до антисоветизма и национализма. В столице республики образовались ячейки неформальных объединений «Демос,» движение зеленых. Началось формирование Демократического движения Кыргызстан (ДДК). На юге республики одним из лидеров демократического движения был мой старший брат Чиналиев Автандил. Он резко критиковал Ошский обком партии. Возглавляя областное управление связи, осведомленный в политических преобразованиях, происходящих в стране и республике, он оппонировал партийным органам. Меня попросило руководство области воздействовать на брата, но к моим пожеланиям он не прислушался. Вторично этот вопрос неожиданно возник на бюро ЦК КП Киргизии при обсуждении итогов ошских событий. В заключение обсуждения первый секретарь Ошского обкома вне повестки дня заявил о недопустимости критики обкома моим братом. Мне было понятно, что заявление направлено против меня и согласовано с председательствующим. Я вынужден был вернуться к ранее обсуждаемому вопросу и потребовать рассмотреть персональную ответственность тех, кто допустил трагические события в регионе. При этом отметил, что хочу с предельной ясностью довести до сведения членов бюро, в случае потери во время кризиса хотя бы одной человеческой жизни в городе, я бы немедленно подал в отставку. Мое обращение не обсуждалось. Страсти в столице во время кризиса достигли небывалого накала: ежедневные митинги с требованиями немедленной отправки добровольцев на юг республики, отставки руководства республики перерастали в погромы. На улицах столицы появились толпы людей с металлическими прутьями, останавливающие общественный транспорт и избивающие пассажиров. Меры, предпринимаемые правоохранительными органами по обеспечению личной безопасности населения, не достигали своей цели. Сообщения из разных районов города свидетельствовали о необходимости принятия радикальных мер.

Я позвонил председателю КГБ Киргизской ССР Джумабеку Асанкулову, он подтвердил мои опасения и предложил совместно информировать главу республики.

Стихийные митинги переросли в неуправляемый процесс захвата пахотных земель на окраине столицы. Подобного самоуправства могло не произойти, если бы правительство, городские исполнительные органы не проявили слабость и неуверенность в своих действиях (порой они поощряли провокаторов). Созданные комиссии по распределению земель, не имея на то никаких полномочий, взялись бесконтрольно распределять участки. Тогда мы с бывшим председателем Ленинского райисполкома города Эмильбеком Ибраимовым выехали на пустынный участок, и он говорил о необходимости создать Свободную Экономической Зону (СЭЗ) в селе Мраморное. В 1992 году был принят Закон «О свободных экономических зонах в Республике Кыргызстан», а в 1995 году появляется постановление правительства, которым генеральной дирекции СЭЗ «Бишкек» передается в аренду сроком на 99 лет территория строительства города-спутника «Ак-Чий», село Мраморное, аэропорт Манас, а также Национальный выставочный центр общей площадью 489 га.

Главы соседних республик, к тому времени осознав неизбежность приближающего коллапса, взяли власть в свои руки. Разработанные и начатые президентами Казахстана и Узбекистана программы реформ позволили им при наличии сохраненного прежнего кадрового корпуса не потерять управление республиками, продолжить развивать сельское хозяйство, промышленность, обеспечивать население социальными гарантиями.

Вот как глава Узбекистана Ислам Каримов вспоминает тот период: «Власть не управляла событиями в республике. Политбюро рассматривало вопрос о первом секретаре ЦК Компартии Узбекистана. Тональность обсуждения была не столько критической, сколько не уважительной. Мелкие придирки, нетактичные замечания. Тогда я, стоя на трибуне, сказал, обращаясь к Горбачеву: „Михаил Сергеевич! Снимите мою кандидатуру. Я вижу, что не устраиваю кое-кого здесь. Предлагаю оставить на шесть месяцев Рафика Нишанова. Он наведет порядок, после чего можно будет вернуться к сегодняшнему вопросу. А мне разрешите уйти“. Горбачев пытался удержать меня. Я сказал: „Не надо меня уговаривать. Мне все ясно. Разрешите уйти“. Он сказал: „Если вы настаиваете, идите“. Я улетел в Ташкент и решил уйти на завод.

Однако через два дня мне позвонил домой Нишанов и сказал,

что Москва санкционировала мое выдвижение».

Каримов создал сильное государство, восстановил традиции, религиозные и исторические памятники, внедрил идеи национальной и культурной идентичности молодого государства.

Однако в Кыргызстане реформы вызвали неуправляемые процессы, некому было удержать республику у последней черты. Все чаще звучали требования гласности, переизбрания скомпрометировавших себя руководителей и привлечения их к ответственности, полной реабилитации жертв коммунистического режима, возрождения кыргызского языка, народных традиций, обычаев, национальных духовных ценностей. Так оформлялось демократическое движение.

Определенное «неповиновение» стал проявлять Верховный Совет Киргизской ССР, избранный 25 февраля 1990 года по-новому, более демократическому избирательному закону. И хотя 89,5 процента депутатов были члены КПСС, в ВС, в результате альтернативных выборов, было избрано немало демократически настроенных депутатов: ученые, деятели культуры, журналисты и др. На одном из первых заседаний парламента некоторые депутаты предложили включить в повестку дня вопросы национального суверенитета и независимости, поста Президента, комиссии по выработке новой Конституции и государственной символики, учреждении независимой парламентской газеты и др. Стало ясно: парламент перестал быть «ручным». Партийные кадры, это относится и ко мне, были воспитаны на многолетней традиции демократического централизма, строгой подчиненности сверху донизу. Это сыграло роковую роль в развале партии. Несмотря на заметное оживление в политической жизни, активизацию масс, большинство событий, связанных с переменами, воспринимались как борьба за власть, а не за интересы народа.

XIV

В апреле 1991 году состоялся официальный визит Председателя Верховный рады Украинской ССР Леонида Кравчука в Кыргызстан. В ходе визита был подписан договор о дружбе и сотрудничестве между двумя странами. Предусматривался обмен представительствами. В июне 1991 года наступил новый этап в моей жизни, предстоял длительный период дипломатической службы. Предложение о моем назначении полномочным представителем – министром Республики Кыргызстан в Украинской ССР исходило от Президента и носило формальный характер, оно не было подкреплено ни штатным расписанием, ни материальными, ни финансовыми ресурсами. Меня удалили за пределы страны в возрасте 45 лет, в период наибольшей жизненной активности. Впрочем, никаких надежд о возможной востребованности я не питал. Многие твердо и нерушимо верили, что вот-вот благодаря удачному стечению обстоятельств их наконец снова возьмут на прежнее место; эта иллюзорная вера, закрывающая глаза на неустранимые препятствия, иногда преследует человека весь остаток жизни. Так обошлись не только со мной. Эта традиция укоренилась и существует по сей день, из-за чего потеряна преемственность кадров, утрачена их непрерывная связь. Раздача должностей рассматривалась президентами в качестве компенсации за оказанные услуги, но услуги, оказанные не нации, а ему лично. Подчас проще было уехать, и я уехал, скорее всего это был протест, активное нежелание быть сопричастным сомнительным веяниям того времени. Кто-то увидел отдушину в долгих застольях с бесконечными воспоминаниями о том, что было, и упреками по поводу того, что стало. Я не большой любитель говорить и всегда готов слушать. Мне все равно, интересуются мною другие или нет. Я не жажду делиться с людьми своими знаниями и не чувствую потребности поправлять их, если они ошибаются. В моем распоряжении появилось свободное время, и я больше мог заботиться о родителях. Они до 1981 года жили в Джалал-Абаде. Мама мне сказала, что у отца скачет давление, а в поликлинике его не хотят лечить из-за 75 летнего возраста. Мы с братьями решили перевезти родителей во Фрунзе. Во время переезда, по нашему непростительному легкомыслию, он сопровождал груз по дороге Фрунзе-Ош с домашней утварью, перенес перегрузки и на следующий день после приезда его парализовало. Отец занимался огородом и упал на моих глазах, мама была в доме, поднялся он самостоятельно,

прилег, вновь вышел и намеревался продолжить обустройство придомового участка. Падая вторично, он потерял сознание, лицо его стало пепельного цвета, мы с мамой перенесли его в дом, врачебной помощи в селе ждать дело ненадежное. Моя служебная машина была рядом, а до столицы десять километров, на свой страх и риск отца мы доставили в городскую больницу. Врачебная помощь была оказана своевременно, более тридцати суток большей частью мама выхаживала отца. В последующие одиннадцать лет она выполняла рекомендации врачей, тем самым продлила отцу жизнь. Полного восстановления не произошло, и в сентябре 1991 года его не стало. Вместе с его смертью умерла душа нашего дома.

Между тем в стране произошли революционные изменения, все надо было начинать заново. Ломались привычные устои, а с ними судьбы людей, их планы, надежды. Многие, кто не приспособился к новой обстановке, были в растерянности. Заводы и предприятия перешли на непривычный, сокращенный режим труда. А вскоре и вовсе прекратили работу. Мне в связи с назначением предстояло продолжить службу в Киеве, о котором я был наслышан.

Смутно представлялась цель моего пребывания. Мои начальники предполагали отправить меня подальше и забыть о моем существовании. Осмотревшись, пришлось искать место предположительного офиса. Гостиница годилась для места жилья. По статусу я больше относился к Министерству иностранных дел Украины. Для нашего офиса и других дипломатических учреждений стран СНГ определили бывший Институт истории партии, преобразованный в Институт национальных отношений и политологии, впоследствии в Институт политических и этно-национальных исследований им. И. Ф. Кураса НАН Украины.

После открытия в марте 1993 года нашего посольства и назначении меня послом с присвоением ранга Чрезвычайного и Полномочного Посла мы продолжали арендовать офис в Институте.

Представьте себе посольство, особенно маленькое, оторванное от родины, с небольшим коллективом. В работе маленького коллектива после восьми часов напряженной работы каждому хотелось избавиться от надоевших лиц, не слышать повторяющихся шуток, историй, не сочувствовать тем же недомоганиям.

Вообще в коллективе посольства не было ничего хуже, чем попасть в окружение пессимистов, поскольку среди них очень трудно поддерживать рабочее состояние. Угнетающе действовали коллеги, которые постоянно жаловались на мелочи, совершенно

не понимая, что они находятся вне пределов своей страны. Мне это приходилось наблюдать на примере других посольств.

У поэтов и дипломатов один и тот же строительный материал: слово. У поэтов – еще чувства, у дипломатов – мысль. У меня ясный и логический ум, не очень тонкий и не очень мощный. Я долго был им недоволен. Я выходил из себя, когда он отказывался меня слушаться. Так чувствовал бы себя математик, умеющий только складывать и вычитать и знающий, что заняться более сложными вычислениями он при всем желании не способен. Прошло много времени, пока я примирился с мыслью, что надо наилучшим образом использовать, что имеешь. Себе я поставил задачу познакомиться с государственными, культурными, научными, общественными учреждениями, правоохранительными органами, вполне возможно, что это пригодится при реформировании нашей страны.

С директором Института Иваном Курасом, впоследствии он занял пост вице-премьер-министра, у меня сложились не только служебные, но и хорошие товарищеские отношения, это способствовало укреплению двусторонних связей. По рекомендации научных сотрудников, профессора Феликса Рудича был проведен сравнительный анализ политических систем Кыргызстана и Украины, выявлено то общее и особенное на этапе переходного периода. Книга опубликована мною в 1997 году (https://www.litres.ru/ulukbek-chinaliev/kyrgyzstan-i-ukraina-obschee-i-osobennoe-v-razvitii-poli/). Научные выводы легли в основу разработанных межправительственных, межведомственных договоров в торгово-экономической, научно-технической и культурно-гуманитарных сферах. Научный совет Института по присвоению ученых степеней посчитал возможным присудить мне степень кандидата политических наук. Знакомство с главами дипломатических миссий происходило в процессе трудовой деятельности, все мы не карьерные дипломаты, ранее трудились на партийной и советской работе. Посол Республики Беларусь Виталий Курашик в 1991–1993 годах возглавлял правительство Крыма, хорошо зная реалии страны пребывания, много сделал для развития двусторонних отношений. Ион Руссо представлял президента Молдовы Мирча Снегура в Киеве, ранее возглавлял один из сельских райкомов партии. Грач Силванян прошел школу партийной и научной деятельности Армении, располагал к себе простотой и благожелательностью, обладая острым умом и чувством тонкого юмора. И это далеко не все. В те дни среди послов, при всех незначительных расхождениях в методах работы, мы владели навыками и практикой труда с людьми, среди нас царил дух глубокого взаимного уважения. В

основе своей все мы, образно говоря, были слеплены из одного теста.

В первые годы после распада Советского Союза на Украине шли процессы, характерные для всех бывших союзных республик. Прерванные экономические связи породили массовую безработицу, обнищание основной части населения. Хотя все объективные причины, наличие мощного экономического, военно-технического, научно-образовательного, культурного, кадрового потенциала не вызывали у меня сомнения в том, что Украина в ближайшие пять-семь лет займет лидирующее положение в социально-экономическом развитии на постсоветском пространстве.

Это убеждение основывалось на тех традициях, укоренившихся за годы советской власти, достижениях в сельском хозяйстве, наличием богатых черноземом земель, трудолюбием и предприимчивостью крестьян, их способностью выращивать богатый урожай, хорошо налаженными связями с Российской Федерацией. Географическое положение страны предполагало к установлению взаимовыгодных экономических связей со странами Европы. Бывая в те годы по роду службы в Польше, я наблюдал более удручающую картину: разруха и потеря управления властью той местностью, где мне приходилось быть, соседней с Луцкой областью. Посещение Польши в 2015 году произвело на меня самое благоприятное впечатление во всех сферах жизни. Изменения в положительную сторону произошли разительные, при том что на Украине противоречия еще более обострились.

В начале 1990-х годов мне пришлось побывать на многих промышленных предприятиях Киева, различных регионов страны, прекративших свою производственную жизнь, вникать в причины происходящих процессов, поскольку они напоминали то, что происходило в нашей стране, отличие заключалось в масштабе, а схожесть в методах и формах управления. Разнузданная демократия, митинги протеста против всех и вся, образование общественных объединений и партий, обсуждение проектов конституций, отсутствие денежных государственных единиц, суррогат денег в виде купонов вносили дополнительную сумятицу и неуверенность в сознание населения. Дефицит продовольствия, скудность промышленных товаров дополняли и вселяли тревогу в завтрашнее будущее. В октябре 1992 года после очередной парламентской сессии и встречи с президентом Аскаром Акаевым мною было подготовлено послание в адрес глав Республики Белоруссии и Балтийских государств. В нем говорилось об установлении более тесных дружественных

отношений и возможном открытии торговых представительств в столицах бывших союзных республик. Предлагалось на основе взаимности приобрести в собственность республики офисные помещения для сотрудников представительств. Аналогичные предложения неоднократно обсуждались в кабинетах правительства. В те годы встречи с главами государств были доступней, и мне удалось в течение десяти дней встретиться и получить одобрение руководителей стран Прибалтики и Белоруссии. Когда дело дошло до практической реализации договоренностей, не оказалось средств. За истекшие 27 лет расходы на аренду офиса посольства и жилых помещений в Киеве составили около 2 млн долларов США. Мои письменные обращения оставались без внимания. Не в пример нашей расточительности, соседние страны решали проблемы радикально. Успешно приобретали недвижимость, по ценам куда предпочтительней, чем ныне.

То, что зависело от коллектива посольства, исполнялось прилежно, за годы моей работы послом до 1998 года состоялись два официальных визита Аскара Акаева, официальные визиты спикера законодательного собрания Алмамбета Матубраимова, обращение которого к парламенту стоя приветствовали депутаты Верховной рады, министра иностранных дел Розы Отунбаевой. Украинская сторона осуществила официальные визиты президента Леонида Кучмы, премьер-министра Павла Лазоренко. Регулярно проводились политические консультации между министерствами иностранных дел двух стран. Основа договорной базы бала создана в те годы и насчитывала свыше 80 документов. Первый опыт дипломатической службы явился для меня хорошей школой. Мне импонировал министр иностранных дел Геннадий Удовенко. Он исповедовал три «П», профессионализм, патриотизм, порядочность и говорил о том, что для Украины нет больших или малых стран, все в одинаковой степени важны и уважаемы. Вне зависимости от военного или экономического потенциала, размеров территории или населения. На практике я неоднократно убеждался в этом. Мои просьбы о встречах с министром всегда находили положительный отклик. Как-то после посещения одного из приемов, министр в беседе со мной посетовал на необходимость возвращения к документам, с которыми предстоит работа долгие часы.

Он шутил, что дипломатия научила его есть стоя и работать после бокала вина, а свою работоспособность объяснял десятиборьем, которым увлекался в молодости. В те годы еще не устоялся твердый протокольный регламент и неожиданное прибытие вице-премьера Кыргызстана с требованием встречи с

главой страны пребывания заставило меня, обходя общепринятые нормы, добиться переговоров с руководителем Администрации президента. Помощь в этом мне оказал министр. Пришлось использовать правительственную связь, которая была в наличии у моего друга, посла Туркменистана Недермамеда Алолова. Запомнилось мне мое пятидесятилетие с участием детей и особенно внучки, которой едва исполнилось четыре годика позже она признавала празднование дня рождения, только если это происходило в ресторане. На праздничной встрече присутствовали и поздравили меня послы стран членов СНГ, прислал приветствие вице-премьер Украины Иван Курас, прибыл лично Геннадий Удовенко и в своей речи выразил глубокую симпатию и уважение моей стране. Самым ярким событием пребывания Удовенко в должности министра стало подписание так называемого «Большого договора» между Украиной и Россией о статусе Черноморского флота в мае 1997 году, и договор с Соединенными Штатами о «режиме нераспространения ракетных технологий».

Дружеские отношения у меня сложились с руководителем протокола МИДа. Ростом без малого два метра, Юрий Лазуто отличался тонким юмором и душевной щедростью. Знакомство с регионами, традициями, культурой страны пребывания организовывал протокол внешнеполитического ведомства. В одной из поездок нам продемонстрировали умение пастушьим бичом сбивать шапку с головы стоящего в нескольких метрах. При этом темной материей закрывали глаза двум участникам захватывающего спектакля. Запорожские казаки владеют этой страшной щелкающей штукой, способной лишить глаза или нанести болезненную рану. Организаторы представления обратились к зрителям, желающим принять участие, дипломаты затаились, времени для согласования с Центром не предусматривалось. Напряжение разрядил посол Норвегии Ойвинд Нордслеттен, хлыст со свистом рассек воздух на безопасном расстоянии от шапки, ассистент, стоящий позади отважного норвежца, сбил ее рукой. Но кто же мог предполагать, что сценарий предусматривает цирковые элементы. Ойвинд отличался дружелюбием, простотой и оригинальностью. К примеру, на приглашение МИДа прибыть на собрание послов приезжал на спортивном велосипеде, прислонив его рядом с автомобилями представительского класса глав миссий иностранных держав. Впоследствии он занимал пост посла Норвегии в Российской Федерации. В первые годы после распада Советского Союза, дипломатический корпус был немногочислен, дружен, особенно между странами содружества. Мы еще не

остыли от добросердечных отношений потерянной страны. Среди моих коллег, послов первого призыва, были одаренные личности, некоторых я уже упомянул, такие, как: Австрии – Георг Вайс, Азербайджана – Назим Ибрагимов, России – Леонид Смоляков, Казахстана – Юрий Клочков, Туркменистана – Недермамед Алолов, Узбекистана – Алишер Агзамходжаев и многие другие, которым я благодарен за ту душевную щедрость, с которой они делились своим опытом, талантом. Со многими из них я продолжаю общаться и сегодня.

Временным Поверенным в делах Чехословакии на Украине служил Роберт Горенчар, впоследствии назначенный послом Словакии. Соратник Александра Дубчека, первого секретаря ЦК Компартии Чехословакии, главного инициатора демократических реформ, известных как «Пражская весна». Горенчар занимал пост первого секретаря ЦК комсомола Чехословакии, был освобожден, как и Дубчек, и 20 лет работал токарем на одном из заводов Праги.

Мы с Робертом готовили визит Александра Дубчека в Кыргызстан, который в детские годы учился во Фрунзе. Его родители в составе «Интергельпо» («Взаимопомощь») работали в Киргизии. Но нашим планам не суждено было осуществиться: 7 ноября 1992 года Дубчек погиб в автомобильной катастрофе.

«Интергельпо» было организовано по инициативе рабочих-коммунистов Чехословакии в городе Жилине в ответ на обращение В. И. Ленина к международному пролетариату. Члены кооператива приехали в Пишпек 24 апреля 1925 года. Уже в сентябре начали работать центральные мастерские, лесопильня, кожевенный завод, сельхозартель. С 1925 по 1932 год в Киргизию прибыло 1317 человек с семьями. Они привезли с собой оборудование, машины, инвентарь, приобретенный на паевые взносы членов кооператива. В память о чехословацких друзьях один из парков города Фрунзе носит имя Юлиуса Фучика, а одна из улиц – «Интергильпо».

XV

В апреле 1998 года завершилась моя дипломатическая миссия, и я неожиданно был приглашен на аудиенцию к Президенту Украины Леониду Кучме. Оценкой моего труда стал орден «За заслуги» II степени. Расставание с Украиной я воспринял с двойственными чувствами: радовало возвращение на родину, встреча с матерью, братьями, друзьями. Но и на Украине оставались друзья, что не могло не вызвать печаль, мне вспомнились слова Бальзака: «…это царство хлебов, это прерии Купера с их безмолвием. Тут начинается украинский чернозем, слой черной и тучной почвы толщиной в пятьдесят футов, а зачастую и больше, ее никогда не удобряют…» Я полюбил эту страну, ее радушный народ, высокую культуру и искусство. Никто не мог знать, что через четырнадцать лет я вновь окажусь послом Кыргызстана на Украине.

Возвращению в Бишкек предшествовал телефонный разговор с министром национальной безопасности республики Феликсом Куловым. Он предложил мне занять пост его заместителя, я ответил, что предложение неожиданное и необходимо подумать. Через месяц вновь последовал звонок, и я дал согласие, при этом отметил, что мне незнакома специфика предстоящей работы, на что он ответил: «Ленин говорил, что хороший коммунист в то же время есть и хороший чекист». В сферу моей ответственности входили вопросы общественной безопасности.

Позже я стал куратором кадрового управления и антитеррористического подразделения «Калкан». В конце июня 1999 года в Кыргызстан проникло несколько сот боевиков «Исламского движения Узбекистана» (ИДУ), которые базировались в Афганистане. Они стремились дестабилизировать обстановку в Ферганской долине, создать Халифат первоначально в долине, а затем в Центрально-Азиатском регионе. ИДУ было создано в 1996 году бывшими запрещенными в Узбекистане политическими партиями и движениями: «Адолат уюшмаси» (Общество справедливости), «Исламская партия Возрождения», «Исламская партия Туркестана», «Ислом Лашкорлари» (Воины Ислама) и др.

Вскоре после баткенских событий произошла очередная реорганизация спецслуб, сокращены заместители, в число которых попал и я. Министром иностранных дел Муратбеком Иманалиевым мне было предложено возглавить посольство Кыргызстана в Узбекистане. Возражений у меня не было. На мое решение во многом повлияло то, что возглавлял

внешнеполитическое ведомство Иманалиев, опытный, компетентный, авторитетный руководитель. Мне он был известен по совместной дипломатической работе.

Деятельность посольства в соседнем государстве отличается особым напряжением. Практически ежедневно возникают различные неотложные политические, экономические, а порой бытовые вопросы, требующие пристального внимания. Тем более что приграничные территории после баткенских событий оставались заминированными, а сама граница не урегулирована, протяженность которой 1378 километров. Межправительственная комиссия по делимитации и демаркации границы, созданная в 2000 году, заседала регулярно, но каких-либо заметных сдвигов не происходило. Затруднений не вызывало описание границ там, где не проживало население. Приступил я к своим обязанностям в мае 2001 года, вскоре состоялось вручение верительных грамот Президенту Узбекистана Исламу Каримову. После моего краткого приветствия нас с советником посольства пригласили в зал переговоров. Помимо главы государства, в беседе принимал участие министр иностранных дел Абдулазис Камилов. Во время встречи Каримов выразил неудовольствие в связи с той неразберихой, которая творится в политической и экономической жизни нашей страны. О том, что за определенную мзду выдаются паспорта гражданам Узбекистана, скрывающимся от правосудия. Передал свою озабоченность руководству нашей страны. Во время переговоров Ислам Каримов в течение 30–40 минут излагает свою точку зрения аргументированно, убедительно и логично, зная, чего он хочет добиться, активно продвигает двухсторонние отношения. Весьма скептически относился к многосторонним связям, считая, что их решения аморфны и не жизнеспособны. Узбекистан вышел из состава ЕврАзЭС, приостановил членство в Организации договора коллективной безопасности (ОДКБ), инициировал упразднение Организации Центрально-Азиатского сотрудничества. Наряду с тем что руководитель Узбекистана был жестким переговорщиком, он выслушивал доводы собеседника и соглашался с ними, если они были аргументированны, об этом со мной делился посол ОБСЕ в Ташкенте. Достигнутые договоренности не подлежали изменениям.

В феврале 2003 года пришло неожиданное сообщение от имени министра Аскара Айтматова о завершении моей службы и отбытии в Бишкек, вопросов о причине досрочного отзыва я не задавал. Прошло более двух месяцев, в мае в Ташкенте намечалось открытие ежегодного собрания Европейского банка реконструкции и развития (ЕБРР), на которое намечалось пригласить президентов соседних государств. В связи с

предстоящим годичным собранием прошу Аскара Акаева о встрече, после основного доклада, в завершение беседы спрашиваю: «Какова причина моего досрочного освобождения?» Он удивленно отвечает: «У нас никаких претензий нет к вам, работайте спокойно».

Позже мне рассказали, что произошла смена посла Кыргызстана в Германии, на эту должность был назначен близкий к Акаеву Аскар Сарыгулов. Бывшего посла необходимо было трудоустроить, и он выбрал Узбекистан. Направили агреман (запрос на согласие) в Ташкент, получив его, Ислам Каримов спросил министра Камилова: «У нас к нынешнему послу есть вопросы?» Ответ был отрицательный. «Тогда пусть работает», – сказал п рез и д е н т.

Годичное собрание ЕБРР проходило 3–5 мая 2003 года. К его открытию облик Ташкента преобразился, гостиницы, дороги, скверы были приведены в надлежащий вид. В своем докладе президент ЕБРР Жан Лемьер высказал критику в адрес главы Узбекистана за авторитарный стиль руководства. После выступления Лемьера слово было предоставлено Президенту Казахстана Нурсултану Назарбаеву. Оставив подготовленный текст, он подверг сомнению выступление главы ЕБРР, отметив, что каждая страна имеет свои особенности, традиции, стандарты и неуместно навязывать ценности западных демократий, мы не можем механически переносить их на страны Центрально-Азиатского региона. Другими выступающими тема авторитаризма не обсуждалась.

Дипломатический корпус, аккредитованный в Ташкенте, активно общался на официальных и неофициальных мероприятиях, спортивных, культурных, выставочных залах художников, концертных выступлениях мастеров искусства. Послы западных стран, стран Персидского залива часто обращались за консультациями и разъяснениями по поводу тех или иных событий, не было препятствий общения и с их стороны. В апреле 2005 года посол Израиля Эммануэль Мель позвонил мне и пригласил на обед, сказав, что с ним будет его мама, приехавшая из Израиля. Встретились мы в уютном кафе «Караван», в ту пору ей было 77 лет. Она хорошо владела русским языком, приехала проведать сына и посетить Джалал-Абад, в котором жила со своими родителями во время Второй мировой войны. С каким интересом, теплотой и ностальгической грустью почтенная женщина рассказывала, что они жили близ железнодорожного вокзала, как дружно они жили с соседями, она ходила в женскую школу. Вспоминала, как убегала на школьный вечер, где хотела потанцевать с мальчиком, который ей нравился.

И когда ей удавалось скрытно убежать, то по возвращению был строгий разговор с родителями. Мне довелось услышать даже не рассказ, а скорее исповедь, многое ей вспомнилось в том разговоре, она называла по именам своих школьных сверстников, проживавших по соседству. Вспоминала классы, окна которых выходили на спортивную площадку, учителей школы. Я поддерживал беседу, называл улицы, переулки в районе вокзала, мне было это нетрудно, потому что детство и юность прошли в этом городе. Я рассказывал об изменениях, произошедших за истекшие 60 с лишним лет. Какие пахучие лепешки пекли наши узбекские соседи, вторила она мне. Сын сидел рядом, с удивлением слушал нашу беседу, он зачарованно смотрел на свою помолодевшую маму. Разговору нашему конца-края не было, во время беседы в зал, кажется, входили посетители, присаживались, вставали и уходили, но мы не обращали на них никакого внимания. Обсуждалась возможность поездки в город ее юности, я вызвался ее сопровождать, но мартовская революция 2005 года изменила планы. А жаль.

Удивительно, как быстро вошли в мою жизнь узбекские друзья. Я думаю прежде всего об Алишере и Мутабар Агзамходжаевых. Познакомился я с ними в Киеве. Алишер был назначен послом Узбекистана в Украине, его я знал по рекомендации Шухрата Нусратова, в 1970-е годы возглавлявшего молодежную организацию Ташкента, позже Мирзо-Улугбекский район столицы. Впоследствии многие годы подвергался официальной властью необоснованным притеснениям и с уходом старого режима реабилитированный высшей судебной инстанцией. Из-за родственных отношений с Шухратом Агзамходжаев был отозван из Киева и назначен главой управления МИД Узбекистана. Ко времени моего прибытия в Ташкент Алишер покинул внешнеполитическое ведомство страны. И только с приходом новой власти он был востребован и вновь вернулся к активной дипломатической службе, был назначен послом Узбекистана в Турции. Мы видимся редко, больше пользуемся Интернетом, говорим о вещах, нам равно близких и дорогих.

Немалый интерес к нашей республике проявляли послы стран Европы, их интересовала политическая, социально-экономическая жизнь страны, культура, быт, природа, традиции древнего народа. Мы дружили с послом Болгарии Стояной Русиновой. Ее забавная дочь училась во втором классе и на вопрос: «Кто лучший в классе?» Она отвечала: «Я вторая». – «А кто же первый?» – «Учительница». Впоследствии Стояна успешно трудилась в Астане, а ныне в Киеве. Она – страстный фотохудожник – с

Ташкента увезла 20 кг фотографий и рассказала притчу про одного из болгарских послов, вернувшегося из Германии. Тот часто вспоминал, что вернулся тогда из командировки с новой машиной, множеством альбомов с фотографиями и хорошим счетом в банке. Спустя некоторое время машину он поменял, те деньги иссякли, а фотографии остались, – как самые приятные воспоминания о проведенных в Германии времени. Фотографии со Стояной у меня сохранились, ими я дорожу так же, как и дружбой, которую мы поддерживаем через социальные сети.

XVI

Посол Италии Анжело Персиане проявил достаточную настойчивость и желание посетить нашу страну, ознакомиться с сельским бытом кыргызов, особенностями природы, Иссык-Кулем, о котором он был наслышан. Такая возможность представилась в ноябре 2003 года. Неоценимую помощь в обеспечении программы пребывания высокого гостя оказал мой друг Айдар Чубаров. Любитель природы и знаток достопримечательностей, он рекомендовал посетить ущелье южного берега озера, далее углубиться в отроги Тянь-Шаня. Туда, где обстановка вызывает сложные чувства, в котором перед красотой и величием горной мощи смешиваются со страхом от возможности упасть и разбиться в пропасти.

Как-то местный скульптор В. Д. Борсков увидел большой камень на поляне у дороги ущелья Барскаун. Ему рассказали, что в тени камня отдыхал Гагарин. Вскоре на камне появилась надпись: «Здесь отдыхал Гагарин». Второй памятник первому космонавту стоит в двухстах метрах от камня Гагарина. Нашелся энергичный человек, Догдурбай Атагельдиев, он собрал деньги на его изготовление и установку.

Проезжая по ущелью, мы достигли каскада водопада, самый большой – Барскаун, или «слезы барса» – 100 метров высоты. В народе бытует печальная легенда: барсиха родила трех барсят и, оставив их в логове, ушла на охоту. А когда вернулась, то увидела, что неразумные котята вылезли из дома и разбились о горные утесы. Горестные слезы превратились в водопад с тремя уступами. И в самом деле, все эти горы, озера и речки как нельзя лучше подходили для легенд. Даже находясь совсем рядом, они казались не совсем реальными, каждый раз видоизменялись, по-новому смотрелись в зависимости от сезонных, погодных условий и времени суток. Они могли подвергаться ничтожному воздействию со стороны человека, например, когда камень падал в реку или над тропой поднималась пыль, оседая на снежную кайму. Этот путь проходило немало людей, но голая земля не хранит память их следов, они исчезают вслед за коварным ненастьем.

Вверх ведет нас лента серпантина, перевал Сары-Мойнок (Верблюжья шея), поворот, спуск, подъем… Один за другим повороты остаются внизу. В отличие от равнинной дороги, здесь, в горах, можно близко увидеть и то место, где был уже давно, и то, куда предстоит совсем еще не скоро добраться. Впечатление такое, как будто находишься на верхнем ярусе в очень большом

театре. Впрочем, ярус этот далеко не самый последний. Мы взбираемся на Сары-Мойнок-перевал, через первую каменную стену Терскей-Ала-Тоо, лежащую на высоте 3600 метров.

В звуки мотора вплетается жалобный стон. Нелегко брать крутой подъем перед перевалом. Где-то, кажется совсем рядом, но намного выше, за тремя поворотами дороги, застрял какой-то грузовик, его мотор задохнулся в разреженном воздухе. Несколько парней в телогрейках и ушанках столпились вокруг водителя, голова которого исчезла под капотом машины.

– Далеко сырты?

– Да, порядком. Засветло вряд ли добраться. Два перевала.

Мгновенно темнеет в горах. Особенно в такой теснине, как ущелье Барскаун.

Описывая жителей Бадахшана, итальянец Марко Поло отмечает: «В этом царстве узких проходов неприступных мест много, и вражеских нападений народ не боится. Города их и крепости на высоких горах, в неприступных местах. Люди здешние – отличные стрелки и охотники, одеваются все больше в звериные кожи, потому что сукна дороги».

Прошло 115 лет с тех пор, как итальянский князь Сципионе Боргезе (потомок графа Александра Христофоровича Бенкендорфа) – одно перечисление дворянских титулов которого заняло бы полстраницы текста – со своим соотечественником Жюлем Брошерелем и швейцарцем Маттиасом Цурбриггеном, путешествуя по Тянь-Шаню, пересекли север нынешнего Кыргызстана, оставив богатейшее наследие уникальных фотодокументов и дневников. Вот как князь описывает озеро Иссык-Куль в одном из писем домой: «Перед нами предстало большое озеро с огромной цепью снежных гор за ним. Я редко видел зрелище прекраснее! Представьте, что сначала шли зеленые степи, затем божественно лазурное озеро, снова зеленая полоса предгорий, черные леса гор и все это увенчано сплошной белой полосой снежных вершин и ледников!» Они стали одними из первых европейских путешественников, которые тщательно задокументировали жизнь в неведомом для большинства жителей Земли крае.

Наша экспедиция с послом Италии Анжело Персиане частично пересекала пути его славного предшественника, но полное совпадение произошло в том, какое впечатление произвели на них жители горного края и озеро Иссык-Куль. Кыргызстан покорил посла гостеприимством людей, с кем ему приходилось встречаться, их традициями и культурой, красотой природы. Он стал основным союзником среди европейских дипломатов в поддержке и продвижении интересов нашей

страны.

В Ташкенте, например, многие наши инициативы, приемы, концертные выступления, художественные выставки, спортивные состязания, научно-практические конференции пользовались вниманием послов иностранных государств. Так произошло при чествовании Чингиза Айтматова в 2003 году в честь 75-летия. Я написал письмо писателю и коллеге, работавшему послом Кыргызстана в Бельгии, с просьбой прислать приветствие участникам конференции.

Вместе с приветствием конференции я получил письмо с такими словами: «Улукбек-ука…», сожалея, что мало осталось тех людей, кто старше меня по возрасту, которые могли обратиться ко мне, «ука». Размышления писателей Узбекистана, кыргызов, проживающих здесь, с моим вступительным словом, опубликованы в книге «Философия жизни Чингиза Айтматова», а позже узбекскими писателями, друзьями и поклонниками таланта Айтматова была издана редкая книга «Ковчег Чингиза Айтматова». Она до сих пор греет меня автографом: «Чиналиеву У. К. Дорогой Улугбек! Мы очень близкие люди и поэтому отправляю эту книгу „Белый пароход“ с автографом! P. S. Поздравляю с защитой докторской диссертации! Спасибо за книгу „Философия человека“. Ч. Айтматов, 14.06.04».

Через десять лет, уже на Украине, к 85-летию, в ноябре 2013 года, в выставочном зале Национального союза художников Украины открылась экспозиция по мотивам произведений писателя. Художники стремились передать движение и порыв литературного слова средствами искусства, по природе своей статичной. Работы Андрея Чебыкина, народного художника, президента академии изобразительных искусств и архитектуры, Василия Перевальского, народного художника, Николая Кочубея, заслуженного художника, Остапа Ковальчука, проректора Национальной академии изобразительного искусства и архитектуры. Полотна кыргызских мастеров кисти Адылбека Байтерекова, Рахата Осмонкулова, Кайыргуль Казабековой, Турата Тентимишева рассказывали об истории кыргызов Ч. Айтматовым. Интерес посетителей вернисажа не могли не вызвать работы воспитанников Киевской детской академии искусств. Более сотни были представлены не только в столице Украины, но и в Чернигове, Херсоне, Днепродзержинске.

12 декабря, в день рождения писателя, в Национальном музее литературы Украины открылась литературно-художественная выставка «Вселенная Ч. Айтматова». Директор музея Галина Сорока, замечательный организатор, почитатель творчества кыргызского писателя, отдала много сил в создании экспозиции.

Профессиональная сфера Галины Алексеевны – слово, и оно было ей подвластно. Признание и известность автора за пределами его страны, отметила она, у иноязычного читателя, это высшая оценка писательского творчества, созданные образы близки и понятны народу Украины. Высокопрофессиональный, энергичный, посол Узбекистана Алишер Абдуалиев, мой друг и единомышленник, в своем выступлении обратился к интервью писателя, опубликованному в последнем декабрьском номере газеты «Ташкентская правда» более 15 лет назад публицистом Аъло Ходжаевым. На один из его вопросов, нет ли каких проблем у моего дорогого старшего друга, нет ли нужды в чем-либо, он отвечал?

«Что вы, – воскликнул отнюдь не эмоциональный человек, – в Ташкенте у меня не бывает проблем. Я здесь как в родном доме, – мне здесь всегда очень удобно и уютно. Узбекистан – чудесный уголок в безбрежном океане, где я отдыхаю душой. Слава Аллаху – теперь я надеюсь бывать здесь чаще» – подчеркнул он важность своей деятельности в качестве президента Ассамблеи культур народов Центральной Азии.

На выставке было представлено более сотни экспонатов из фондов музея и нашего посольства, звучала музыка кыргызских композиторов, проникновенно читала отрывки из повести «Джамиля» актриса Галина Стефанова.

Накануне в Киевской мечети состоялась молитва, после которой прочитали дуа в память умершего Ч. Айтматова, а также в знак укрепления дружбы между народами двух стран.

Открывая торжественный вечер, герой Украины, поэт Борис Олейник отметил: «С писателем планетарного масштаба, каким был Чингиз Айтматов, я дружил не один десяток лет. Он прошел трудный жизненный путь, не склонялся перед ударами судьбы. Айтматов оказал честь кыргызскому народу, вывел его на орбиту мировой культуры, кыргызы – замечательный народ». На торжестве присутствовала творческая элита Украины. Я поделился размышлениями о том, что на Украине особо ценят гений кыргызского писателя. Это было видно в проведении многочисленных культурологических мероприятий, посвященных Ч. Айтматову. В завершение юбилейного вечера народный артист Анатолий Паламаренко прочитал отрывок из повести «Прощай, Гульсары».

Здесь воспроизведены наиболее заметные воспоминания о роли творческой личности и влиянии ее на развитие культурного пространства. Писатель продолжает свою дипломатическую миссию, несмотря на то что близоруким руководством страны он был отозван с должности посла. Талант лишить воздействия на

окружающих невозможно, и даже смерть не подвластна его умалить.

Все то, что я написал об Айтматове, относится к дипломатической службе, даже когда он официально не был представлен дипломатом. Он сделал для своего народа больше, чем любой государственный деятель, имеющий отношение к внешней политике. Суть не в том, чтобы исполнять протокольные мероприятия, осуществлять визиты, заключать договоры, а в том, какова ценность достигнутых договоренностей и их выполнение. Во время моей посольской службы в Москве, в 2011 году, глава государства совершил девятнадцать рабочих визитов в Российскую Федерацию. Представьте себе затраты материальные, мобилизацию людских ресурсов, авиаборт заполнялся десятками сопровождающих, журналистов и охранников. Посольство трудилось, не зная отдыха. Что мы получили в итоге? Денонсировали соглашение с Россией в области энергетики, к тому же с долгом в $37 млн.

Чингиз Айтматов же отстаивал интересы своей страны даже своим присутствием. То, что он инициировал «Иссык-Кульский форум» в 1986 году, Айтматов явил образец дипломата-мыслителя. Пригласил интеллектуалов с мировыми именами, среди которых были колумбийский писатель Габриэль Гарсия Маркес, американские драматурги Артур Миллер и Джеймс Болдуин, английский писатель и актер Питер Устинов, футурологи Элвин и Хейди Тоффлер, эфиопский художник Афеворк Текле, председатель Римского клуба Артур Кинг, французский писатель Клод Симон, будущий генсек ЮНЕСКО Федерико Майор, итальянский ученый Аугусто Форти и другие, чтобы обсудить с ними серьезные проблемы развития общества, выдвинутые реалиями XX и уже близящегося XXI века.

XVII

После пребывания главы дипломатической миссии Италии ко мне обратились послы Республики Беларусь и Казахстана Николай Демчук и Умарзак Узбеков с просьбой посетить приграничные районы Баткенской области. Визит дипломатов начался с размещения гостей в профилактории Кадамжайского сурьмяного комбината, к тому времени он едва работал (2004). Впервые я на комбинате был в конце 1970-х годов, когда он был лучшим среди предприятий цветной металлургии Советского Союза.

Ближе к двум часам ночи нам предстояло продолжить путь в анклав Шахимардан, который был передан Узбекистану в 1930 году, будучи до этого частью Киргизии. Мы побывали у местных жителей аила Ердан, познакомились с бытом, условиями труда и верхом на лошадях последовали вглубь высокогорья. Часть нашей экспедиции предпочла остаться в живописной долине с красочным ландшафтом. Путь к вершине не был труден, снежный покров в несколько сантиметров не вызывал беспокойства, спуск начался с неожиданного знака впереди идущего егеря. Он увидел свежий след копыт горного козла. Мы затаились. Животное появилось на взгорке. Заметило нас раньше, чем мы успели что-то сделать. Оно исчезло и возникло вновь у отвесной горной тропы. Стрелки не промахнулись.

Туша была расчленена на две части, начался марафон в десяток километров, две трети составляющих нехоженые тропы. Когда начало смеркаться, мы приблизились к самому опасному переходу. Мало того что тропа очень крутая, но еще она шла над обрывом. В самый ответственный момент один из егерей взял дополнительный груз и решил продолжить путь по мергенчи-тропе (тропа охотника), которая в два раза опасней и короче. Когда мы поднялись на вершину перевала, он уже поджидал нас.

Завершив экспедицию, мои коллеги убедились в том, что террористов, пришедших с сопредельной страны во время баткенских событий, ждало поражение.

24 марта 2005 года в Кыргызстане произошла неконституционная смена власти, формальной причиной этому послужили очередные выборы в парламент, прошедшие накануне. Президент Аскар Акаев, не сумев пресечь попытки узурпации власти, покинул страну вместе со всей семьей и получил временное убежище в России, где проживает и поныне. В результате миф о Кыргызстане – «островке демократии» в Центральной Азии – развеялся как дым. Нельзя сказать, что

смена власти произошла случайно, ее сторонники шли к этому все 15 последних лет. Моей целью не является всесторонний анализ причин и следствий произошедшей «революции», поскольку тогда я выйду за пределы своих воспоминаний событий, участником которых я был. Проще обратиться к моей монографии «Кыргызстан на пути к демократии: трансформация политической системы в переходный период» (https://www.litres.ru/ulukbek-chinaliev/kyrgyzstan-na-puti-k-demokratii-transformaciya-politiche/).

Узбекистан один из первых признал новую власть. Мне сообщил об этом министр иностранных дел Эльер Ганиев. Я выразил признательность и попросил о помощи в обеспечении семенами хлопчатника, строительными и горюче-смазочными материалами. 12 апреля на железнодорожной станции Андижана состоялся митинг по поводу отправки 60 вагонов гуманитарной помощи.

Ничего не предвещало той трагедии, которая произошла в Андижане через месяц, в ночь с 13-го на 14 мая 2005 года. Боевики, сторонники осужденных бизнесменов, «акрамисты» двумя группами до 40 человек напали на патрульно-постовую службу УВД Андижанского вилоята (области). Другая группа из 40 боевиков штурмовала войсковую часть министерства обороны. Нападавшие похитили 64 автомата, 2 винтовки, 15 штык-ножей, более 4 тысяч патронов и автомашину ЗИЛ-130.

Около часа ночи две группы объединились и ворвались в тюрьму УЯ-64/Т- 1, протаранив ее ворота военным грузовиком. В тюрьме содержалось 737 заключенных, из них 527 были незаконно освобождены. Часть заключенных, вооружившись захваченным «акрамистами» оружием, приняла активное участие в захвате здания областной администрации, заложников, убийствах и уничтожении имущества. Тринадцатого мая все вооруженные группы по заранее намеченному плану выдвинулись к администрации области и захватили практически неохраняемое здание, убили сотрудника милиции. Мятежники начали связываться по телефону и вызывать к зданию хокимията своих родственников и близких, стягивать жителей близлежащих махаллей, случайных прохожих.

Ночью министр внутренних дел Закир Алматов проинформировал президента о случившемся в Андижане. В 7:30 Ислам Каримов был в областном центре, в штабе, для нейтрализации возникшей кризисной ситуации и освобождения заложников.

Вскоре после трагических событий послов иностранных держав, корреспондентов, аккредитованных в Узбекистане,

пригласили в актовый зал здания Генеральной прокуратуры. Перед собравшимися начал выступать глава прокуратуры Рашитжон Кодиров. Неожиданно для аудитории и сотрудников прокуратуры в зал вошел президент Ислам Каримов. Послушав некоторое время выступление Кодирова, взял ведение встречи в свои руки. Он выступил перед прессой и дипломатами: «… Переговоры с нашей стороны вел министр внутренних дел Закир Алматов и руководитель областной администрации Сайдулло Бегалиев. Подключались и другие, но в основном- эти лица. В первую очередь мы выявили, кто формально, я подчеркиваю это слово – формально, является руководителем всей этой группировки. У них было достаточно мобильных телефонов, и мы установили номера их, затем с этим формальным лидером стали вести переговоры по телефону. Мы им задали простой вопрос: „Что вы хотите?“ И поставили им наше условие: освободите заложников, покиньте здание, никто вас пальцем не тронет, мы готовы подогнать автобусы, и вы сможете сесть в них даже со своим оружием.

Первоначально руководитель, который вел переговоры с их стороны, согласился, но только поставил условия: „Вы там задержали шесть человек из наших людей, привезите их и отдайте нам, после этого мы сядем в автобусы и поедем“. Мы согласились. Но после того как мы согласились и настало время исполнять достигнутое соглашение, раздался очередной телефонный звонок, который показал, что их первое требование было лишь пробным шаром.

Вас, журналистов, наверняка интересует вопрос: какие же цели они преследовали на самом деле, каковы были их главные требования? Отвечаю: они потребовали, чтобы из мест заключения освободили не только тех шестерых, но и всех их идеологов и подельников, которые находятся в заключении и в Ташкентской, и Навоийской областях, и в других местах. Разумеется, мы с такими наглыми требованиями не могли согласиться. Хотя вначале среди членов штаба были и колеблющиеся: почему бы их не привезти и не отдать? Были даже распоряжения по телефону о том, чтобы подготовили самолет для этого. Но потом, здраво рассудив, решили, что если мы сейчас согласимся, то этот инцидент может привести к тому, что завтра будут десятки таких захватов по всей территории Узбекистана.

Пойти на такие требования означало, что мы создаем большой прецедент. Прецедент, на который ни одна страна в мире не пойдет, и вы прекрасно знаете это. Политические условия, которые ставились той стороной, для нас не были и никогда не будут приемлемыми.

К 13 часам мы сообщили им о категорическом отказе в выполнении предъявленных наглых требований. Наши службы, мобилизованные военнослужащие, еще не подходили к зданию. Мы им сказали: „Даем вам время, подумайте, даем гарантию того, что никого, ни одного из вас не тронут. Вот вам автобусы. Они уже стоят. Хотите – садитесь и уезжайте, хотите – сдавайте оружие и возвращайтесь в свои дома“. Да, и такое условие тоже было поставлено: сдавайте оружие и возвращайтесь в свои дома. Скажите, какие еще условия мы должны были им поставить? Мы будем, конечно, расследовать это дело, выявлять причины: кто и где допустил нарушение закона и т. д. И если у вас какие-то требования вполне законные, если вы, допустим, недовольны тем, что в городе Андижане судят нескольких фанатиков, которые проповедовали лозунги „Хизб-ут-Тахрир“, мы готовы разбираться во всем этом. Если где-то был нарушен закон, если где-то кого-то арестовали незаконно, то мы будем рассматривать эти вопросы.

До шести часов вечера никто близко к зданию не подходил. Но когда стала приближаться ночь, мы приняли решение поближе подойти к зданию и блокировать его более плотно. Примерно в 19 часов 30 минут они поняли, что к зданию подходят серьезные силы. Сверху барражировал вертолет, чтобы дать знать снайперам: мы сумеем их достать. И они приняли решение действовать на опережение – прорываться из здания хокимията. Тремя группами они прорвались через основные выходы и ушли по трем направлениям за пределы города. Естественно, было организованно преследование. Какое количество жертв было в результате всего этого – я сейчас достоверно вам сказать не могу. По нашим расчетам, со стороны правоохранительных органов погибло более десяти человек, с их стороны, конечно, намного больше. Было ранено около ста человек и с той, и с той стороны».

14 мая границу Кыргызстана пересекли свыше 700 человек, впоследствии численность их снизилась до 400 человек, лагерь для беженцев разместился недалеко от города Джалал-Абада, после получения официального статуса беженцев они были вывезены в третьи страны.

В начале июня Управление Верховного комиссара ООН по правам человека (УВКПЧ) направило миссию из четырех человек в Кыргызстан для расследования массовых беспорядков в Андижане. Сотрудники УВКПЧ намеревались опросить свидетелей событий и представить соответствующий доклад Верховному комиссару ООН по правам человека Луизе Арбур.

Ранее Арбур призвала к проведению независимого расследования причин и обстоятельств беспорядков в Андижане, к ее призыву присоединились США и Европейский союз.

Между Кыргызстаном и Узбекистаном шли интенсивные переговоры о судьбе беженцев, правительство соседней страны настаивало на передаче беженцев по месту их постоянного жительства, международное сообщество выражало протест.

После всестороннего расследования событий в Андижане состоялось в несколько этапов судебное заседание. С 20 сентября по 12 декабря 2005 года. Судебное заседание было открытым, один из дипломатов нашего посольства был наблюдателем в судебном процессе.

XVIII

Коллектив посольства напряженно трудился, стремился выполнять задачи, определенные Центром. Молодые дипломаты Чингиз Айдарбеков, впоследствии ставший послом в Японии, затем министром иностранных дел Кыргызстана, Нурлан Алымбеков, Айдай Омуркулова, Бакыт Кадыров и другие проявляли творческий подход к своим обязанностям. Своими наблюдениями об этом поделилась бывшая тогда министр иностранных дел Роза Отунбаева. С ее приходом оживилась внешнеполитическая деятельность страны, стали происходить положительные изменения в отношениях с соседними странами. Ее переговоры, встреча с премьер-министром Узбекистана Шавкатом Мирзиевым были прагматичными и эффективными. К сожалению, после избрания президентом Курманбека Бакиева произошла очередная смена главы министерства, профессиональные качества которого заметно уступали предшественнице. Отношения с новым руководством осложнились. К тому же срок моего пребывания подходил к завершению, и я был освобожден от служебных обязанностей.

Установленный визовый режим между Кыргызстаном и Узбекистаном затруднял поездки граждан, особенно летом, в том числе и тем, кто увлекался экстремальным туризмом. Мне приходилось знакомиться с ними. После государственной службы, с появлением свободного времени, я восстановил связи с альпинистами Узбекистана. Не прерываю их и поныне. Бываю в базовом лагере Южного Энильчека, с которого хорошо просматривается вершина Победы, а вечерний свет вызолачивает снежный пик Хан-Тенгри. С ледника Москвина открывается панорама окрашенного масляной краской пика Коммунизма и угадывается направление вершины Корженевской, до высот которых я так и не добрался. От лагеря Ачик-Таш начинается старт восхождения на пик Ленина. Вплоть до Луковой поляны, где ранее размещалась базовая стоянка альпинистов. Живописное разнотравье, плоскогорье, шум реки, усиливающийся к полудню из-за таяния снегов, создавали иллюзию легкой прогулки. Тропа поднималась у символического мемориала, посвященного гибели нескольких десятков альпинистов в июле 1990 года. По обрыву зигзагом переходя в привлекательное ущелье, освоенное любопытными, рыжей масти сурками, издающими пронзительный свист и красующимися перед странствующими романтиками. Сурок, который первым заметил что-то опасное, поднимается на задние лапки и громко свистит, а потом быстро убегает в

ближайшую нору. Альпинисты, сделав привал, любуясь забавными зверьками, готовятся к штурму перевала Путешественников высотой в 4200 метров. Здесь открывается широкая панорама горных хребтов, одетых в вечные снега, над заветной вершиной клубится белое облако. Через несколько десятков метров тропа плавно переходит в дорожку, на которой встречным не разминуться, представляя собой узкий, как лента, уступ, извивавшийся по горному склону на десяток километров. На северной стороне находится ледник. Снег там никогда до конца не тает. Он лежит твердыми корками, образуя острые льдинки. Поверхность их бурая, зернистая, как окружающая земля. Когда на них наступаешь, они обламываются и создают напряжение при ходьбе. Опытные предшественники отказались от сомнительного пути и предпочли использовать южный склон. Бурный приток реки Кызыл-Суу предстояло пересечь перед крутым взлетом, выбегающим на горизонтальный каменистый путь. Вершина семитысячника была единственной достопримечательностью унылого пейзажа. Ее контур, подсвеченный гаснущим вечерним заревом, рельефно вырисовывался на фоне голубого неба. Там, где широко раскинувшиеся вправо и влево склоны морены сбегали к реке, стоял хорошо оборудованный первый лагерь. Многие годы моим верным спутником был Андрей Федоров, покоритель вершины Эверест, бескорыстный и надежный альпинист. В 2008 году мы с Андреем вторично пытались взойти на пик Хан-Тенгри и попали в снежный ураган, не дойдя до вершины 200 метров, вынуждены были вернуться и остановиться в промежуточном лагере на высоте 5900 метров. Ураганный ветер не утихал и на следующий день. На массивы снега падал новый снег. При морозе в пятнадцать градусов, свирепом ветре нас пробирало до костей. Очертания вершин расплывались, таяли, застилались туманом. Самое ответственное место маршрута – прохождение под отвесной вершиной Василия Чапаева. При подходе к опасному отрезку пути альпинисты устраивают привал и около трех часов утра собираются в дорогу, чтобы пройти тревожный участок до восхода солнца (под воздействием лучей снег оттаивает и сходят лавины).

Из-за ухудшающейся погоды мы пошли на сознательный риск, стали проходить напряженную зону трассы. На нас обрушилась лавина рассыпчатого снега. Это было 27 июля 2008 года. Снег выше пояса, впереди Андрей, за ним я и приблудившийся китайский альпинист. Он создал нам истекшей ночью проблемы, неожиданно появившись у палатки, рассчитанной на двоих, на высоте 6400 метров. Установить

палатку на крошечном уступе, при штормовом ветре и стуже, стоило большого труда и сноровке Андрея, к тому же те, кто были до нас, оставили порванную парусину. Она смерзлась и по прочности не уступала бетону. Полулежа пришлось провести бессонную ночь втроем, и теперь приходилось его постоянно торопить. Вешек, указывающих направление движения, нет. Спрашиваю Андрея, каковы наши действия? Он, молча, понимая больше, чем я, повторения схода лавин, крепит себя веревкой. В двадцатиметровой связке, вслепую движемся по пояс в снегу, сознавая, что в любой момент можем провалиться в ледниковую пропасть. Надежда только на крепость наших рук. Опасный участок миновали, но до базового лагеря более 10 километров. Я даже не ожидал, что такое сильное и глубокое впечатление произведет на меня этот путь, где на каждом шагу видишь природу в ее непостижимом могуществе. Вокруг нависающие скалы, пропасти, потоки, наполняющие глухим рокотом, безлюдная земля, пределом которой служат высокие горы и которой все же нет предела, убежище, куда человека приводит последнее оставшееся чувство бесплодного любопытства. Мои силы на исходе. Напарник полон энергии, не поддается уговорам сделать привал. В получасе ходьбы до лагеря нас встречает врач Аваз с лучшим лекарством – арбузом. Он с начальником Южного Эныльчека, Димой Грековым, более десяти лет несет службу, оказывает поддержку нуждающимся. Мои наставники, Дима, его жена Лена Калашникова, руководитель образцовой туристической компании Ak-Sai Travel и Андрей, дали мне хороший практический совет, учитывая прошедшую акклиматизацию осуществить, третью попытку восхождения на пик Ленина.

Через два дня, преодолев расстояние около 600 километров, с женой Светланой и внучкой Женей мы разместились в гостинице курорта Джалал-Абад. Мои спутницы остались принимать лечебные процедуры и посещать минеральные источники, а я на следующий день прибыл в базовый лагерь Ачик-Таш. Начальник первого лагеря, Рустам Раджапов, покоритель Эвереста, уже с раннего утра сопровождал меня по пути к лагерю, размещенному на высоте 5300 метров. Спустя какое-то время могло показаться, что первую часть пути мы с Рустамом преодолели легко. В ногах очень скоро возникла тяжесть от ботинок и снега, забившегося в кошки. Мне не хватало воздуха. Что происходит в нашем теле на высоте? Всмотримся более пристально в процесс обмена кислорода между легкими и окружающей средой на примере двух жидкостей, находящихся по разные стороны мембраны. Очевидно, что если давление одинаково с двух сторон, то процесс обмена молекулами идет равномерно. Но если давление снижается хоть с

одной из сторон, то эффективность данного физиологического процесса снижается в разы. Получается, при выдохе мы теряем все больше, а при вдохе получаем все меньше кислорода. Поэтому мне приходилось то и дело останавливаться, чтобы отдышаться. Вскоре я уже чувствовал себя совершенно выдохшимся. Мое тело продолжало защищаться и справляться с экстремальными условиями. Вглядываясь вперед, я видел перед собой гида, бодро преодолевавшего препятствия. Иногда я чувствовал себя настолько измученным, что не мог без остановки сделать и дюжину шагов, но решил ни в коем случае не садиться. Стоял, раскачиваясь, ловя ртом воздух, но надышаться едва удавалось. Погода благоприятствовала. Палящего солнца не было, ветер умеренный, мы с Рустамом идем по графику. Мое самочувствие позволяло через день продолжить маршрут и заночевать в третьем лагере. Озабоченность вызывало только то, что я не мог спать и организм не принимал пищу. В день штурма, задолго до рассвета, Рустам приготовил завтрак. Но утро не принесло облегчения. Любую еду организм отторгал. Гид стоял печальный, озадаченный и озабоченный. Мимо по тропе прошествовали с налобными фонариками два энтузиаста. Я вопросительно смотрел на моего успешного коллегу, который для аппетита и хорошего сна накануне выпил сто граммов коньяку. Рустам испытывает мой моральный дух и склоняет к тому, чтобы отложить восхождение. Я настойчив. Тогда он предлагает компромиссный вариант. Мы продолжим восхождение до той поры, пока сможем идти, но есть одно условие: на вершину надо взойти не позднее 16.00, иначе засветло не успеем вернуться. Бывалые альпинисты ведут себя с горой как с живым существом. Они просят гору не сердиться и называют три варианта поведения горы: она не принимает гостей. Таких случаев в моей практике было три. Гора принимает и отпускает. Гора принимает и не отпускает.

Рустам блестяще проработал тактику восхождения, учел мое физическое состояние, акклиматизацию, возраст, мне было 62 года. И нам покорилась высота 7134 метра. Это было 2 августа 2008 года. Все предыдущие ощущения были ничтожны по сравнению с тем, что пришлось испытать при штурме пика Ленина (не случайно говорят «штурм»), царства вечного снега, место арктических красок. Как ни странно, Рустам оптимистично оценивал мой темп движения. Его уверенности хватило на нас двоих. Мы догнали впереди идущих, присели на отдых рядом с ними. Обстановка не располагала к обмену впечатлениями. На слова, сказанные моим коллегой о затратах физической и моральной энергии, у меня запершило в горле. Происходят

изменения в организме, он пытается опьянить себя, мне становится легче, веселее. Но затем за фазой возбуждения следует торможение. Это является причиной резкого перепада настроения в горах, от безумной радости до глубокой печали. Оставалось до вершины не более 80 метров. На скальной глыбе увековечены имена погибших альпинистов. Мои шаги были едва заметны, и вдруг Рустам объявляет, что необходимо возвращаться, хотя времени было 14.00. Меня это потрясло, и я, насколько мог, прибавил шаг. Впоследствии он мне объяснил необходимость психологической встряски для преодоления непосильных метров, оставшихся до цели. С трудом верится, что ты ее достиг. В самом деле вершины нет, есть плоскогорье, из-за тумана окрестностей не видно. Сфотографировались на фоне государственного флага. Дышится тяжело, движения как в замедленной съемке, пора возвращаться. Возвращение было довольно плачевным, то и дело приходилось останавливаться, чтобы передохнуть, ибо я чувствовал, что кислорода не хватает, на лбу выступает холодный пот, а от беспорядочного сердцебиения задыхаешься, жажда терзает беспощадно. После возвращения в третий лагерь я впервые спал двенадцать часов подряд. К концу следующего дня в первом лагере, где накал приключенческого духа ощущался гораздо сильнее, я принимал поздравления коллег-альпинистов, и от друзей, которые переживали за меня на расстоянии 2000 километров на Южном Эныльчеке. Люди, находящиеся в некотором отдалении от этих увлечений, часто задают вопросы то с иронией, то с открытым непониманием: «Что вы хотите этим доказать? Зачем это вам надо?» Эти вопросы из серии «Зачем люди прыгают со скал в море? Поднимаются в небо? Опускаются на глубины океана?». Они это делают, чтобы победить себя, действуют за гранью возможного. Тесты и функциональные пробы, проведенные с альпинистами после восхождения, показали, что наше тело, основываясь на генетической памяти, адаптируется, открывает новые резервы и чувствует себя даже лучше, чем до восхождения.

Мне припоминаются встречи с удивительными молодыми людьми. Один из них – Слава Шейко. Первая встреча произошла впервые на подходе к вершине Хан-Тенгри, когда он выполнял роль портера и нес груз двух испанских альпинистов.

С Рустамом мы встречались неоднократно, вплоть до его отъезда в Америку. Теперь мы общаемся через паутину Интернета.

Затем я его встретил в первом лагере пика Ленина. Родом он из Ак-Суйского района Иссык-Кульской области, родители в советское время молодыми специалистами приехали в колхоз.

Более 300 дней в году Слава в горах, он оказывает услуги любителям зимнего активного отдыха, а летом работает портером в альпинистских лагерях. Необычные физические данные внешне никак не проявляются: невысокий, приветливое загорелое и обветренное лицо, возраст чуть более 35 лет. В 2011 году мы с ним поднялись на пик Раздельный. Я остался на ночевку, для акклиматизации, а он отправился на пик Ленина. Стало темнеть. При очередной связи с первым лагерем мы не могли рассказать о местонахождении Славы, нас охватила тревога, но через два часа нам сообщили о его благополучном прибытии.

После возвращения, а это заняло у меня световой день, я поинтересовался, как, минуя нас, он оказался в первом лагере. Он пояснил, что, имея при себе лыжи, ботинки, приспособленные для кошек и лыж, применяя особую технику и виртуозное владение лыжами, почти по отвесным скалам спустился до места назначения всего за полчаса. Его феноменальная выносливость подтверждается передвижением груза весом 56 килограммов с высоты 4200 до 5300 метров.

Горный ландшафт нашей страны с точки зрения развития приключенческого туризма, экотуризма уникален.

XIX

После возвращения из Узбекистана я возглавил совет директоров Токмакского камнеобрабатывающего завода «Кыргыз Тоо-Таш». Предприятие образовано 50 лет назад. Со своими традициями, оснащено современным технологическим оборудованием, имеет железнодорожный путь протяженностью 3,9 километров. Завод обрабатывал природный камень и нерудные материалы, поставлял продукцию на внутренний рынок и экспортировал в соседние страны.

Возвращение в Бишкек после длительного пребывания в заграничной командировки, позволило больше времени проводить с мамой друзьями и братьями. Старший брат, Автандил, с юношеского возраста любил читать и был в этом смысле ненасытен, а его прекрасная память могла удерживать огромное множество фактов. Он мог связывать между собой почерпнутые из чтения и удерживаемые памятью факты и включать их в разговор. Это впечатляло и свидетельствовало о его всесторонней образованности. У него было обостренное чутье на все то, что свежо и ново.

В одну из моих поездок в Ошскую область, где он возглавлял областное управление связи, брат знакомил меня с социальными преобразованиями, облегчающими труд. Его внимание привлекало строительство детского садика, организация комнат восстановления физического и психологического здоровья. Не вдаваясь в рассуждения, он увлекался новизной. Не хочу сказать, что ему не хватало рассудительности, напротив, у него было много здравого смысла, и, если он нередко ошибался и даже совершал безрассудства, это означало, что он действовал под влиянием страсти и темперамента, двух сил, которые брали верх над всем остальным.

В то же время он был натурой широкой, великодушной, чуждой всякой расчетливости. Его предпринимательская деятельность по выращиванию фасоли закончилась неудачей, так как партнеры воспользовались его доверчивостью, с которой он относился к тем, кто его явно обманывал. Это стало одной из причин, когда братья настояли о прекращении им выращивания фасоли, к тому же он стал заметно недомогать. Сергей, младший брат, доктор медицины, очень старался спасти старшего брата. Каждый день жизни он стремился отвоевать для брата у смерти. И это становилось маленькой победой. Консилиум врачей высказывался, что прогноз плохой. Размещение больного в палату интенсивной терапии кардиологического центра облегчения не

принесло. Его сын, Рыскулбек, поместил отца в московскую специализированную клинику им. Н. А. Семашко. Московские врачи оказались бессильны. Первоначально у него отказали ноги, болезнь не удавалось обуздать, а так как он с женой Тамарой и дочерью Марией жили на четвертом этаже, без лифта, вся наша семья решила построить им дом. Старший брат с нетерпением ждал новоселья. Наши уговоры потерпеть хотя бы день, отведенный для расстановки мебели, были отвергнуты. Терзаемый безжалостным недугом, он сумел сохранить в полной мере память и ясность ума. В канун Нового, 2010 года на инвалидной коляске он осматривал дом. Это стало счастьем. Болезнь не отступала. 4 апреля 2010 года, в возрасте 67 лет, его не стало.

Страна бурлила. Апрельские 2010 года революционные преобразования вынудили президента Курманбека Бакиева с семьей бежать. Власть перешла к Временному правительству.

Для Отунбаевой момент истины наступил в период апрельских событий, когда консолидированное мнение Временного правительства возложила всю ответственность за судьбу народа на Розу Исаковну. Трудно передать сложность того периода… Многое еще предстоит осмыслить тем, кто был в самом пекле событий, в том числе и главе государства переходного периода. Буквально все протестные события проходили на моих глазах. И это дает мне право высказать свою точку зрения, особенно на фоне глубокого кризиса на Украине. В сферу деятельности посла иностранного государства входит обязанность анализировать процессы, происходящие в стране пребывания. Это позволяет мне провести параллели между двумя странами – Кыргызстаном и Украиной.

В нашей стране смена режима произошла с меньшими потерями, но даже утрата одной человеческой жизни вызывает печаль и страдание. То, что Временное правительство не допустило разгула стихии – это его достоинство. В самых трудных обстоятельствах Роза Исаковна действовала решительно, осознанно и последовательно. Например, когда решался вопрос о проведении референдума 27 июня, в период межэтнического противостояния на юге республики. Ею заложена была традиция цивилизованной передачи власти от одного президента к другому, что и произошло 1 декабря 2011 года.

В мировой истории женщины не раз оказывались у руля государства. В современной большой политике это скорее исключение, чем правило. На политическом поле Отунбаева сумела выработать в себе привлекательность. Ее не смущали телекамеры, она умело превращала свою женственность в

искусство. Как-то в беседе со своим коллегой-дипломатом я назвал ее последним романтиком в плеяде руководителей ушедшей советской эпохи. В политике ей приходилось постоянно балансировать, стремясь оставаться обаятельной женщиной и авторитетным, уверенным в себе руководителем.

Розу Исаковну всегда отличали неуемное желание познания нового. Каждый ее приезд в Москву, в бытность моей работы послом, программой пребывания предусматривалось посещение книжных магазинов. Среди других книг обязательно были зарубежные издания в оригинале. Что говорило о безукоризненном знании английского языка. Оставаясь ее сторонником, у нас были и разногласия, но мы всегда находили общую территорию, где продолжали отстаивать то, что нам казалось справедливым.

В дипломатической, международной практике укоренились нормы, когда на торжество или печальное событие в масштабах страны приглашаются экс-главы государства, дипломатический корпус, другие лица, внесшие заметный вклад в становление страны, независимо от симпатий или антипатий.

Мне пришлось быть свидетелем официального визита президента США Билла Клинтона на Украину. Во время его выступления перед многотысячной аудиторией, взойдя на трибуну, он увидел экс-президента Леонида Кравчука. Покинув кафедру, Клинтон поприветствовал его рукопожатием со словами: «Рад вас видеть господин президент!»

В нашей стране субъективизм укоренился со времен Ака ева. Отвергалось признание заслуг Абсамата Масалиева; это повторилось при Атамбаеве в отношении экс-президента, члена планетарной комиссии советников высокого уровня по посредничеству Розы Отунбаевой. Вызывает уважение, что ныне избранный президент Сооронбай Жээнбеков отверг эту практику.

Назначение Временным поверенным в делах Кыргызстана в Российской Федерации я получил в конце июня 2010 года. Россия, одна из первых, оказала нам существенную гуманитарную помощь: были направлены десятки тысяч тонн ГСМ, пшеницы, палатки, строительные материалы. Решения, принятые в правительственных кабинетах, воплощали в жизнь наши дипломаты: Болот Мукашев, Айджигит Буранов, Бакыт Юсупов, Эркин Мукаев, Нурбек Ильязов, Батыркан Сыргыбаев, Айымкан Кулукеева и другие.

В 2003 году, по соглашению об обмене зданиями и территориями посольств в Бишкеке и Москве, передали здание по проспекту Манаса в собственность России. В течение года три здания в Москве были переданы в собственность Кыргызстана. Мы

реконструировали основное здание, консульское помещение, кафе. Заслуга в модернизации офиса посольства главного инженера Калыса Мураталиева, которого я знал с юношеских лет. Мои предшественники развернули активную предпринимательскую деятельность на территории посольства. Помещение, собранное из металлических контейнеров, служило центром различных сделок и махинаций. Покровителями были некоторые депутаты Жогорку Кенеша. Это я понял, когда начал войну с мошенниками. Мною был издан приказ, по которому в недельный срок должны были быть уничтожены строения, не имеющие отношения к дипломатической службе.

После вступления в должность президента Алмазбека Атамбаева нападки депутатов Жогорку Кенеш на посольство усилились. Брань по моему личному адресу в газетах была тяжким испытанием моих нервов. От нападок, вранья, глупостей устаешь, как от тяжелой работы. Замечу, что во всех утверждениях не было и крупицы истины. Например, комитет по международным вопросам представительного органа заслушал гражданина России на своем заседании, сведения которого являлись недостоверными. Мною публично было опровергнута откровенная ложь, к тому же я подверг сомнению профессионализм председателя комитета. Можно ли представить, чтобы заслушивали гражданина Кыргызстана на заседании комитета Госдумы? Или другой пример: концепция внешней политики Кыргызстана, принятая в 2007 году, безликая, позаимствованная из Интернет-источника. Поменялся ландшафт международных отношений, а она словно бетон. Кому, как не комитету парламента проявить настойчивость, компетентность и инициировать принятие концепции с учетом новых реалий? Тем не менее прибывшая парламентская комиссия была пристрастна и заинтересована в оценке моей работы как служебного несоответствия. Конечно, факты могут быть одни и те же, но побудительные причины, обстановка и следствия настолько различны, что, когда кто-нибудь сам рассказывает свою историю и когда ее рассказывает недоброжелатель, мы едва соглашаемся признать, что в обоих случаях речь идет об одном и том же. Еще до ее прибытия в бытность президента переходного периода я удостоился медали «Данк» («Слава»), которая по неизвестной причине так и не была вручена своевременно. А из рук пришедшей власти получать награду было сомнительным удовольствием. Престиж государственной оценки девальвировался. Возмутительно, когда среди достойных рукоплескали откровенным казнокрадам или тем, кто оказал услугу лично президенту, а не стране.

Встречи с руководством МИДа РФ, коллегами стран СНГ, других государств проводились регулярно, об одной из них расскажу подробней. Посол Бразилии Карлоса Аугусто Рего Сантос – Невиса попросил, чтобы Кыргызстан поддержал при голосовании на пост президента продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО) кандидатуры Бразилии. Их протеже занимал пост вице-президента и присутствовал при нашей встрече. После консультации с Бишкеком и моим предложением о поддержке бразильской стороны вдруг оказалось, что наша страна много лет не платила взносы и лишена права решающего голоса. Присутствие делегации в Риме, где проводилось пленарное заседание, поэтому невозможно. Отсутствовало представительство ФАО в Бишкеке. Логика событий складывалась так, что мы не можем помочь бразильским коллегам. Но они поступили иначе (не в пример нашей власти, когда экс-президенту Отунбаевой было предложено участвовать в конкурсе на пост комиссара ОБСЕ, наша власть приложила усилия, чтобы не допустить этого): восстановили право голоса, расходы по пребыванию делегации взяли на себя. Впоследствии, открыли представительство ФАО в Кыргызской Республике. И что немаловажно, голос нашей страны был чуть ли не решающим в достижении цели Бразилией. Дополнительно мною была озвучена встречная просьба о поддержке Кыргызстана при голосовании в состав непостоянного члена Совета Безопасности ООН – на период 2012–2013 годов. Бразилия свой голос ранее обязалась отдать, на условиях взаимности, другой стране, но учитывая ее высокий авторитет в странах Карибского бассейна, аккредитованных в Москве, посол заверил и выразил свое мнение при очередной встрече с коллегами о поддержке нашей страны. Посол Сирии Риад Хаддад знал о годах учебы президента Хафеза Асада во Фрунзенском военном авиационном училище. Это стало центральной темой беседы нашей встречи. Итогом ее явилось заверение о положительном голосовании. С послом Республики Куба Хуаном Вальдес Фигероа мне легко было говорить по нескольким причинам. Окна посольства Кубы смотрели на территорию нашего посольства. Беседовали мы на русском языке без переводчика. Я рассказал о своей поездке в Гавану, незабываемых днях одиннадцатого Всемирного фестиваля молодежи и студентов, участником которого я был. Тогда я не мог знать, как о Фиделе Кастро будет вспоминать его друг Габриэль Гарсия Маркес: «Человек аскетических привычек и неиссякаемых надежд, с солидным образованием в старых традициях, осторожный в словах, с изящными манерами и неспособный замыслить идею,

которая не была бы колоссальной». Видя, как его давит тяжесть стольких чужих судеб, я спросил его, что бы он хотел сделать больше всего на свете, и он мне немедленно ответил: «Остановиться на углу улицы». В посольстве Кубы я нашел понимание.

Нашим главным конкурентом на членство в Совбезе от стран Азии был Пакистан. Каковы шансы победить в голосовании? С каждым днем настроение наше не улучшалось. Все расчеты показывали, что нас наверняка ждет жестокое поражение: – арабские и мусульманские страны, разумеется, будут голосовать против нас. Франция не осмелится восстановить против себя миллионы мусульман, входящих в международную организацию сотрудничества франкоязычных стран мира. А сама Америка? Продвинутые аналитики были убеждены в том, что США поощряет действия Кыргызстана, если не напрямую им покровительствует, цитировала газета The Times of India Мунира Акрама экс-представителя Пакистана в ООН. Отношения Пакистана с Америкой ухудшились в связи с обвинениями в сотрудничестве пакистанской разведки с боевиками Афганистана. Напротив, Кыргызстан – надежный партнер США, которые используют авиабазу «Манас», расположенную вблизи Бишкека. Один из основных транспортных узлов для снабжения своих войск в Афганистане. Важным критерием членства в СБ ООН является участие страны в деле сохранения мира и безопасности на планете. У Пакистана есть огромное преимущество в августе 2011 года число пакистанских миротворцев достигло более 9000 человек. В преддверии голосования Роза Отунбаева провела более 40 встреч с главами государств и делегациями африканских и латиноамериканских стран, малых островных государств Карибского бассейна, Океании.

Вновь и вновь подсчитывали мы соотношение сил при голосовании. Каждый день получая график с раскладом предполагаемого голосования, пытались составить какую-то хитроумную коалицию из стран, обычно идущих в фарватере российской и американской политики, и у стран, у которых, возможно, имеются свои расчеты на взаимность в перспективе. Неужели и наши соперники тоже сидят, склонившись над листом бумаги, и ведут те же расчеты, только основываясь на противоположных предположениях? Они тоже учитывают, что в нашей стране размещены две авиабазы, российская и американская, женщина-президент, единственная в регионе. По мнению пакистанской газеты Dawn, наилучшим решением было бы убедить Кыргызстан отступиться и снять свою кандидатуру. С этой целью в Бишкек прибыла министр иностранных дел

Пакистана Хина Раббани Кхар. Ее встреча с президентом Розой Отунбаевой не изменила позицию Кыргызстана. Чтобы победить, нам надо было набрать две трети голосов, то есть необходимо, чтобы из 193 стран-членов ООН за кандидатуру Кыргызстана проголосовало 129. В первом туре голосования ни одна из двух стран не прошла, во втором – первенствовал Пакистан.

Делюсь подробностями дипломатических переговоров потому, что представительство государства в международных организациях – это успех внешней политики, признание ее авторитета и состоятельности.

XX

Истоки массовых перемещений кыргызских граждан берут начало в середине 1990-х годов, когда пришедшие к власти национальные политики, неплохо освоив представления о западной демократии и вооружившись необходимым набором демагогических штампов, оказались неспособны осуществить неизбежные социально-экономические перемены. На вооружение были взяты два способа решения занятости молодежи и оба выдавались как образец нового мышления. Один из них – повсеместное открытие университетов, другой – поиск куска хлеба на чужбине. Оба процесса были пущены на самотек. Специалисты выпускались слабые. Образование девальвировалось. Политическое, правовое, экономическое, социальное, культурное пространство страны деформировалось. Часть молодежи испытала и продолжает испытывать драму отторжения, при массовой миграции. Стараясь придать смысл своей жизни, они заимствуют образцы чужой социокультурной среды и привыкают жить подставной, вторичной, ненастоящей жизнью, которая не дает им реализовать свои возможности.

В ноябре 2010 года состоялся рабочий визит делегации посольства в Сибирский регион для активизации торгово-экономического, гуманитарного сотрудничества и участия в этом кыргызских мигрантов. Предполагалось посетить Екатеринбург, Новосибирск и Красноярск, согласовав с руководителями регионов день и время встречи, обсуждаемые вопросы, беседы с соотечественниками, проживающими и работающими в городах Сибири. Искренность, желание как можно больше знать о деталях и намерениях новой власти, о надеждах подчеркивалась во всех диалогах и встречах с соотечественниками и местной властью. К примеру, в Свердловской области гражданам России, выходцам из Кыргызстана, не предоставляли кредиты. Об этом шел разговор с губернатором области Александром Мишариным. Его же я попросил о выделении земельного участка под строительство здания генерального консульства. По итогам визита был подписан договор между посольством и ассоциацией «Сибирское соглашение». В нем планировалось поэтапное вовлечение тех, кто волей судьбы оказался за пределами своей страны. Я встречался с молодежью, не только занятой в реальном секторе экономики, но и студентами высших учебных заведений. В Новосибирском государственном университете слушатели хотели знать о тех изменениях на родине, которые ждут их после апрельских событий. Давали наставления о государственной политике в

отношении юношества. Они говорили о возможном трудоустройстве и, зная повседневные реалии от своих близких, проявляли сдержанный оптимизм. Некоторым утешением было то, что нашему большому коллективу предоставили возможность посетить краеведческий музей. Мы стали редкими экскурсантами, увидевшими Алтайскую принцессу. Она лежала на боку со слегка подтянутыми ногами. На руках и предплечье у нее красовались многочисленные татуировки, выполненные с большим мастерством. На ней была белая шелковая рубашку, бордовая шерстяная юбка, войлочные носки, шуба. Даже не верилось, как такую нежную ткань можно было изготовить две с половиной тысячи лет назад, не менее удивительно, что одеяние не было тронуто временем.

Один из вечеров, по предложению главы кыргызско-культурной автономии Назгуль Батаевой, мы встретили в ресторане Красноярска. Среди нас были состоявшиеся предприниматели, уверено стоявшие на ногах, экономически независимые, прочно сохранявшие связи с родственниками в Кыргызстане. Так или иначе мои собеседники имели отношение к отрасли лесной промышленности, и я напомнил им, что были времена, когда Кыргызстан имел три леспромхоза в Красноярском крае. Атмосфера располагала к откровенному обмену впечатлениями, в том числе к шутке, увлечениям, организации досуга. Зашел разговор об охоте, моя просьба держать в секрете оригинальный способ охоты на медведя был воспринят сидящими за столом прекращением обмена репликами. Промысел на крупного зверя, сказал я, надо начинать с заготовки фанеры и молотка. Выследив жертву, следует приблизиться к ней как можно ближе, шуметь, дразнить – в общем, добиваться того, чтобы медведь встал на дыбы и в таком виде пошел на охотника. Передними лапами он устремляется на подставленную фанеру и пробивает ее острыми когтями, вот тут пригодится молоток, чтобы загнуть ему когти. Серьезный тон рассказчика подкупил слушателей, за столом грянул дружный смех, они не ожидали от гостя розыгрыша. После встречи с такими людьми куда яснее понимаешь, что, покидая край родных и близких, человек оказывается на ничейной земле. И ищущий лучшей доли в чужих краях должен быть готов к разочарованиям, которые уже не смягчит тепло соплеменников: отчуждая себя от них, он также лишается и их утешений.

Переезд в другую страну подвергает испытанию, но если человек не дал себя погубить, то он станет благодаря ему многократно сильнее. На чужбине все зависит от резервов, которые у каждого из нас есть, и о них мы слишком мало знаем.

Только приняв свои неудачи и научившись жить в потоке неудач, человек может найти в себе мужество принять реальность такой, какая она есть, не разрушаясь, не закрываясь и не подчиняясь ей. Мои наблюдения и встречи с соотечественниками за рубежом, теми, кто успешно ведет предпринимательскую деятельность и готов вложить свой капитал в экономику Кыргызстана, но их сдерживает отсутствие гарантий защиты бизнеса. При написании книги мне попалась на глаза поучительная история о жителе Египта Салах Атыя; на его похоронах присутствовали от 500 тысяч до 1 миллиона человек.

Однажды Салах и его друзья, выпускники факультета сельского хозяйства, испытавшие крайнюю нужду и полные желания начать новую жизнь, задумали открыть птицефермы. Единомышленников собралось 9 человек однако для запуска проекта и сбора первоначального капитала им нужен был 10-й инвестор. Поиски не увенчались успехом. Тогда Салах предложил друзьям: «Пусть десятым вкладчиком будет Всевышний Аллах. Десятую часть прибыли мы будем расходовать на его пути и попросим в ответ успеха и благодать в нашем начинании». Все согласились и приступили к работе. После реализации первой партии продукции, вопреки всем ожиданиям, они получили большую прибыль, и это воодушевило их увеличить долю десятого компаньона до 20 процентов.

На что же были потрачены средства десятого компаньона? Для начала они построили в родной деревне начальную школу для мальчиков, а затем и для девочек. Позже были построены средние школы, вскоре средства позволили им заявить о возведении университета. Впервые в истории Египта в маленькой деревушке был построен университет, который продолжал расти и вскоре обзавелся четырьмя-пятью факультетами и студенческими общежитиями.

Вместе с этими преобразованиями, при поддержке местных властей, были запущены другие благотворительные социальные проекты. В первую очередь была оказана материальная помощь неимущим, и в деревне не осталось ни одного бедняка. К сожалению, история этого удивительного человека стала известна только после его смерти.

В каждом случае надо принимать во внимание дух края, его местоположение, его возможности, надобно изучить людей и то, чем они живут. Закон единообразен, а нравы, земельные угодья и умы – нет, и управление районом, городом, областью – это искусство применять законы, не нанося ущерба людским интересам и помня о местных условиях. Реальные инвесторы – это состоявшиеся предприниматели, готовые вложить свои

средства в регионы в ответ на гарантии сохранения их ресурсов. Недостаточно иметь благие намерения; чтобы внести изменения в самый заброшенный уголок республики, надобно быть деятельным, но даже образование, честность и любовь к отечеству не помогут нам, если нет твердой воли, которой мы обязаны вооружиться, чтобы отречься от корыстных интересов, посвящая себя выполнению задач, полезных обществу.

XXI

В начале 2012 года руководитель отдела международных отношений аппарата президента Кыргызстана известил меня о моей ротации, и мне предложили должность посла Кыргызстана на Украине.

Так началось мое второе пребывание после четырнадцатилетнего перерыва в этой дружественной державе. Прежде всего, я ознакомился со штатным расписанием, которое состояло из двух дипломатических сотрудников, включая посла. Мною при встрече с министром иностранных дел было предложено рассмотреть введение дополнительной единицы в пределах штатного расписания ведомства. Получив согласие, я подготовил обоснование, прошел длительную процедуру его согласования во всех министерствах и управлениях правительства, добился, чтобы документ попал на подпись к премьер-министру. Решение аналогичного вопроса, например в Чехии, находится в компетенции директора департамента МИДа, курирующего посольства определенных стран. Он несет ответственность за назначение дипломатов и их освобождение, всех, кроме посла. Другими словами, министр и его заместители полностью освобождены от текущих, повседневных организационно-технических забот. Они сосредоточены на процессе выработки политических вопросов текущего и перспективного характера. Мы подолгу беседовали с ним на политические темы, он не испытывал симпатии к коммунистам, в школьные годы не состоял в рядах пионерии и комсомола. Приводил немало фактов, которые свидетельствовали не в пользу коммунистов. Мой собеседник не относился к тем, кто видит мир в черно-белых расцветках, но мои аргументы он воспринимал весьма сдержанно, а иногда из деликатности. В одной из бесед я сказал ему, что в советские годы я возглавлял столичную партийную организацию, он не удержался и воскликнул: «Такие коммунисты не бывают!» Сложившийся стереотип сложно изменить, но можно, если человек не ортодокс и уважает точку зрения, не отражающую его собственную. Он не принадлежал к тем типам людей, которые одобряют чужое мнение, лишь если оно совпадает с его собственным. Наши отношения оставались дружескими, характер непримиримости они приобретали только на теннисном корте. Я задал вопрос своему коллеге: бывают ли у вас случаи, когда родственники или приятели выражают просьбы о назначении дипломатом близкой им персоны на ту или иную должность? Мой коллега ответил утвердительно, но подчеркнул,

что при ненадлежащем исполнении служебных обязанностей ответственный за его назначение понесет наказание. Мною приведен пример того, чтобы показать, какие большие права предоставлены внешнеполитическому ведомству и соответствующий спрос за выработку стратегического курса страны, его дальновидность и перспективность.

Месяц, потраченный на бестолковое хождение, длительное просиживание в приемных министров – все оказалось пустой тратой времени. После согласия главы правительства предоставить право главе ведомства рассмотреть перемещение штатной единицы министр отказал мне в дополнительной должности дипломата. Подробно излагаю бюрократическую неразбериху не к тому, чтобы обвинить ведомство и их кураторов в правительстве и в аппарате президента, а обратиться с настоятельным пожеланием повысить личную ответственность, компетентность, отказаться от перестраховки создания видимости активной деятельности, ее имитации и взяться реально за дело, которое поручено. В канун своего отъезда в Киев мною была подготовлена Записка, о мерах оживления двусторонних отношений на имя президента, которая благополучно осталась под сукном руководителя отдела внешней политики аппарата президента. Приведенные примеры характеризуют недальновидный взгляд руководства страны, ведомства, ведающие внешней политикой. В дальнейшем это подтвердилось отсутствием визитов ни на высшем уровне, ни на правительственном, хотя официальное приглашение посетить Украину направлялось в адрес премьер-министра и неоднократно переносилось. Впоследствии МИД Кыргызстана снизил оценку деятельности посольства по причине отсутствия визитов между странами. Что тут скажешь? Как в таких случаях говорят: «Ни убавить, ни прибавить».

С того времени, о котором я пишу, миновало семь лет, за этот период произошли положительные изменения. Мой оптимизм вызван в связи с назначением главой внешнеполитического ведомства страны Чингиза Айдарбекова. По роду службы мне пришлось с ним трудиться или быть коллегами по работе без малого два десятка лет. Эти годы я был свидетелем приобретения им дипломатического и житейского опыта. В полной мере его эффективная работа раскрылась в бытность руководителя дипломатической миссии Кыргызстана в Японии. Возглавив кыргызскую дипломатию, он заметно оживил сектор международных отношений. За неполный год работы на ответственном посту он посетил Россию, Китай, Индию, в преддверии государственных и официальных визитов глав

названных государств, а также очередного саммита глав государств – членов ШОС в Бишкеке. Его визиты в соседние государства, страны Востока и Запада проходили в атмосфере дружбы, сотрудничества и взаимной поддержки, отвечающие коренным интересам нашего государства. С его приходом на пост министра была принята обновленная концепция внешней политики Кыргызстана, он заставляет других членов правительства выходить из зоны комфорта. Вслед за его назначением последовали не менее удачные политические решения о назначении послами в Россию, Китай, США и Южную Корею. Остается им пожелать успеха, а мне продолжить повествование о своей работе посла на Украине.

Законом о дипломатической службе предусматривается круг забот, входящих в компетенцию сотрудников. Предстояло изобрести схему распределения обязанностей, при которой посольству, при наличии штата из двух человек, соответствовать принятым требованиям. Мне вспомнилось недавнее прошлое, когда под моим началом в Москве было пятнадцать дипломатов, и, зная, что в первую мою каденцию было три сотрудника, я подумал, что выполнять возросший объем работы, при соблюдении профессиональных стандартов, будет возможно только за счет внеурочного времени.

Пришлось продумать и распределить функциональные нагрузки с учетом консульских обязанностей в соответствии с положениями Венской конвенции о консульских сношениях и нормативно-правовых актов Кыргызстана. Граждане и кыргызские юридические лица, находящиеся в стране пребывания, обязаны быть защищены и не испытывать затруднений в государственной регистрации актов гражданского состояния, осуществлении паспортно-визового обслуживания, содействие развитию торговых, экономических, культурных, образовательных и научных связей. Исполнение вышеперечисленных работ возлагалось на первого секретаря посольства Батыра Кадыркулова. Это была его первая заграничная командировка. Мне легко работалось с ним благодаря его трудолюбию, организованности и желанию восполнить недостающие навыки. Помощником его являлась Тамара Добривская, почти двадцать лет проработавшая в посольстве, безупречная в исполнении бухгалтерских обязанностей, знаток литературного украинского языка. По опыту предшествующих лет мне было досконально известно, как важно распределить должностные обязанности между сотрудниками, с учетом их профессиональных, личностных качеств и организаторского потенциала. Кто сочтет, сколько раздоров, недоразумений, необоснованной оценки и

загубленных в самом начале карьер следует отнести на счет небрежности руководителей при составлении функциональных обязанностей. Качества дипломата имеют обширное измерение. Одно из них – находить взаимопонимание и проявлять искреннее дружелюбие с теми людьми, с которыми приходится общаться. У Батыра это получалось. Мы установили устойчивые связи с интеллектуалами Украины в образовательной, научной, писательской сферах, среде художников. В апреле 2013 года состоялась моя встреча с ректором Национальной академии изобразительного искусства и архитектуры Андреем Чебыкиным. Мы подписали совместные протоколы с Национальным союзом художников, академией и посольством о подготовке Всеукраинской художественной выставки по мотивам произведений Чингиза Айтматова, к его 85-летию. Андрей Владимирович активно поддержал предложение посольства, отметив: «Искусство – более выразительный язык для общения, чем язык, которым мы обычно пользуемся». Подписанный протокол, по существу, явился программным документом в работе дипломатической миссии в продвижении культуры кыргызов, национальных традиций, истории, служил укреплению и развитию дружественных отношений между нашими странами. Удалось провести заседание межправительственной комиссии по торгово-экономическому, научно-техническому и гуманитарному сотрудничеству. Наладился диалог между аграриями Кыргызстана и Национальной академией аграрных наук Украины. Благодаря предпринимателю, страстному патриоту Азамату Исмаилову, состоялись семинары по производству сельскохозяйственной продукции с участием квалифицированных украинских специалистов в Кыргызстане. Делегация кыргызских бизнесменов встретилась с президентом Торгово-промышленной палаты, Геннадием Чижиковым, менеджерами Киева, что дало импульс к оживлению двух секторов экономики. Сотрудничество в энергетической отрасли воплотилось в том, что гидротурбины Ташкумырской и Курпсайской гидроэлектростанций были изготовлены в Харькове. Мы с моими помощниками вновь направились на переговоры с руководством акционерного общества «Турбоатом». Украинская сторона проявила намерение принять участие в развитии малой энергетики, поставке оборудования и ремонте ГЭС. Итоги переговоров, направленные в Центр, не нашли своего развития.

В один из дней мне позвонил из Праги корреспондент редакции «Азаттык» (Свобода) Амирбек Усманов. Он поделился впечатлениями о своей поездке в Херсонскую область и посещении захоронений ссыльных кыргызов, раскулаченных в

1930-е годы прошлого века и направленных в Одесскую область Скадовского и Чаплынского районов. Вскоре после нашего разговора с Амирбеком состоялся круглый стол, посвященный 20-летию установления дипломатических отношений между Кыргызстаном и Украиной. Придавая значимость этому событию, прибыла из Бишкека представительная делегация в составе академиков НАН Кыргызстана Владимира Нифадьева, Аскара Какеева, Владимира Плоских и доктора юридических наук Лейлы Сыдыковой. Доклады касались научных исследований античных памятников на Великом шелковом пути, вклада украинской интеллигенции в развитие науки и культуры нашей страны. Академик Какеев в докладе о репрессиях тоталитарного режима и ссылках кыргызов в Украину, как гордо писал о них Асанкан Джумахматов, «украинцев»: Бакаса Чормонова, будущего профессора географии Кыргызского национального университета им. Ю. Баласагына, Кадырбека Акылбекове, доценте кафедры гистологии мединститута, его сыне Искандере, докторе медицинских наук, профессоре, ректоре медицинского учебного центра, Эркине Исаеве, авторитетном враче, общественном деятеле.

В своей книге «Моей судьбы оркестр» Джумахматов писал: «Отца арестовали в 1928 году, а в 1930 году моя мать со мной и старшим братом была выслана на Украину, везли нас в товарных вагонах-„теплушках“. Потом Сталин использует их для транспортировки целых народов, репрессированных в годы войны… Весь состав был загружен „под завязку“ членами семей врагов народа (официальное название нам было ЧСИР, то есть „члены семьи изменника родины“, в основном из Фрунзе и западных районов республики)… Мы были в пути почти месяц. И вдруг – неоглядный простор. Если в нашем краю горизонт ограничен горным отрогом, то Украина встретила нас невероятной, прямо-таки пугающей ширью. Привезли нас на юг, на знаменитое Гуляй-поле где был расположен заповедник, разместили в бараках.

Другая партия арестантов из Киргизии размещалась на станции Каховка. Там оказались будущий профессор географии Бакас Чормонов, Сатаркул Джангарачев… В 1937 году Сатаркула и еще около трех десятков человек, якобы как ячейку „Туранской партии“ арестовали и уничтожили в Херсонской тюрьме. Мы с его сыном Кемелем попали не только в один детский дом, но и в судьбу нашего поколения. Кемель окончил школу в Украине, поступил там же в пединститут, прошел войну, был ранен, снова оказался на фронте. После войны, уже на родине, работал в сфере образования.

В 1932 году первая, почти мирная стадия жизни закончилась: нас, кыргызов, объединили и разместили в большом селе Чалбасы Скадовского района Одесской области».

Имея в руках обширный материал воспоминаний участников и свидетелей тех скорбных событий, мы стремились увековечить память о репрессированных. Не предполагая, какие преграды нам предстоит преодолеть, организационные, технические, финансовые и сколько на своем пути нам придется встретить добрых и сердечных людей, проникнутых нашими заботами, которые воспримут их как собственные. В мае 2013 года меня пригласили в Скадовск Херсонской области принять участие в третьем Международном туристическом форуме. После моего выступления состоялась встреча с губернатором области Николаем Костяком, я изложил намерение посольства осуществить изыскательские работы, установить обелиски в местах захоронения, обустроить кладбище в селе Виноградово (бывшее Чалбасы), установить личности расстрелянных в Херсоне. Губернатор выразил понимание и полную поддержку, сказав в заключение нашей встречи: «Можете рассчитывать на меня!»

В сентябре 2013 года мы вплотную приступили к изготовлению памятников на Киевском заводе «Гранит», наш заказ получил право приоритетного и особого значения. Архитектором обелисков явился одаренный, большой друг посольства, страстный почитатель творчества Чингиза Айтматова, проректор Национальной академии изобразительного искусства и архитектуры Остап Ковальчук. Орнамент, шрифт, размещение государственных гербов, надписей, окраска Остапом Викторовичем были исполнены профессионально, органично вписываясь, они придавали монументам печальную торжественность. Подготовительные работы для установки памятных монументов, согласование места их размещения с сельскими советами, доставка были выполнены к времени участия посольства в инвестиционном форуме.

27-28 сентября город Новая Каховка Херсонской области принимал гостей симпозиума, обсудивших инвестиционные проекты, общение дипломатов посольства, бизнесменов с деловыми кругами области принесло взаимную пользу. В дни работы форума в селах Виноградово и Крестовка, при активном участии местных жителей, были открыты обелиски жертвам репрессий. Скорбное и торжественное молчание собравшихся, взрослых, детей и тех, кто помнил своих школьных сверстников, объединяло чувство печали, утраты и выполненного долга перед усопшими. На лицевой стороне, украшенные, орнаментом,

высечены на граните слова на кыргызском и украинском языках: «20 кылымдын 30-жылдарындагы тоталитардык репрессияда айдалып келген куноосуз кыргыздардын бейити». «Тут поховані безневинні жертви репресій тоталітарного режиму 30-х років 20 сторіччя-депортовані киргизи».

Наступила минута молчания, привезенная земля из Кыргызстана участниками траурных торжеств была рассыпана на местах установления памятников, земля, взятая с мест захоронения, была передана на историческую родину.

Имам мусульман Херсонской области шейх Казим прочитал молитву, завершая словами, помнить об ушедших и заботиться о живущих в мире и согласии.

Люди не расходились, многие подходили к нашей делегации и делились своими воспоминаниями, на глазах были слезы. Одна из местных жительниц подошла ко мне и передала скромную сумочку со словами: «Я передаю вам небольшие подарки, варенье, мед, хлеб и письмо, буду ждать вашего ответа». Письмо повествовало: «Уважаемый Посол! Дарю Вам фотографии киргизских детей из детдома, я как краевед собираю материал о пребывании киргизов в нашем селе. И поэтому прошу Вас сделать так, чтобы эти фотографии были напечатаны в киргизской газете. Возможно, кто-то узнает себя или своих родных. Я бы хотела получить адреса и списаться с ними, узнать об их жизни в нашем селе. Хочу написать книгу о киргизском колхозе, где работал и мой отец, дружил с киргизским инженером. Собирался с ним у себя во дворе поставить колодец (мы называли ветряк).

Издам книгу на свою пенсию. Если сможете проспонсировать издание, напишу книгу на русском языке. Кравченко Александра Васильевна. Херсонская область, Цюрупинский район, с. Виноградово, ул. Шевченко, 15». Александру Васильевну мы посетили в апреле 2014 года, вручили материальную поддержку, через год посольство издало иллюстрированную книгу: «Горсть земли берут в дорогу люди, памятью о доме дорожа…» (https://www.litres.ru/ulukbek-chinaliev/gorst-zemli-berut-v-dorogu-ludi-pamyatu-o-dome-dorozha/).

Политический кризис, вызванный в ноябре 2013 года решением украинского правительства приостановить процесс подписания Соглашения об ассоциации с Евросоюзом, привел к массовой акции протеста в центре Киева, в других городах Украины, получивших в социальных сетях и СМИ название «Евромайдан». В качестве базовых причин, обусловивших размах протестов, называли высокий уровень социальной несправедливости, огромную поляризацию доходов и уровня жизни населения Украины и разгул коррупции, пронизывающей

исполнительную и судебную власть, правоохранительные органы. В январские дни 2014 года в центре Киева происходила чуть ли не гражданская война. Битва шла за доступ граждан в оцепленный милицией, внутренними войсками и спецподразделениями «Беркут», квартал, где располагались Верховная рада и правительство. Главное, конечно, вовсе не отказ властей от подписания соглашения Украины с Евросоюзом о ее интеграции в евроструктуры. Это был лишь повод, последняя капля. Не многим тогда было понятно, что вовсе не мирный Майдан, куда вечером и в выходные дни приходили граждане, зачастую, чтобы развлечься, являлись основной движущей силой украинской революции. Ею являлась группа радикальной, в основном западно-украинской молодежи из движения «Правый сектор», собирателем которого стала украинская политическая организация «Тризуб» имени Степана Бандеры.

В апреле 2014 года мне пришло сообщение от младшего брата Сергея о том, что мама в тяжелом состоянии, накануне моего приезда она скончалась в возрасте 92 лет. Более трех десятков лет она с отцом, а после его ухода продолжала жить в доме, который для нас, братьев, был центром притяжения. Мы всегда были желанными, хотя каждый из нас был окружен своими заботами, общение с родителями приносило успокоение и единение. Когда разговор заходил о прожитых годах, рассматривали фотографии, такие же старые и забытые, как тот забор и ворота в Джалал-Абаде; и мы снова ощущали, как сдвигаются все понятия времени и места.

Цену потери осознаешь после ее невосполнимой утраты, время в таких случаях не лучший лекарь. Мама ушла тихо и незаметно, словно не хотела нам, детям, доставлять лишние хлопоты, горечь и печаль, до последнего вздоха проявляя свою материнскую любовь. Особенно к своему младшему сыну, которому и по сыновнему и по врачебному долгу было не в тягость заботиться о ней, и это продлило ей счастливые годы жизни.

Через три года, в январе 2016 года я завершил дипломатическую миссию на Украине. В своей речи на приеме по этому поводу сказал: «Я благодарен Украине, его народу, всем, с кем я работал в течение двух каденций, одиннадцать лет, за то, что имел честь и ответственность жить и трудиться в таком дружелюбном окружении людей. В течение последних двадцати пяти лет восемнадцать я служил послом. В Кыргызстан я возвращаюсь в приподнятом настроении и чувством честно исполненного долга перед своей страной и страной пребывания. У меня сохраняется надежда еще не раз посетить Северный Рим с

тремястами церквей, с богатствами лавры и Святой Софией».

Наша страна толерантна в общении с другими государствами. В Бишкеке улицы Московская и Киевская простираются параллельно друг другу, нигде не пересекаясь. Это ли не символично?! Шучу.

Моя семья. Слева направо (первый ряд): внучки Евгения, Диана, Габриэла, сын Владимир, жена Светлана и я. Второй ряд: жена сына Галина, дочь Ирина и ее муж Манолис. *Москва, шюнь 2018 года.*

На фотографии запечатлен счастливый момент в жизни нашей семьи, когда все в сборе. Старшие внучки прибыли с Лондона, прервав учебный процесс, дочь с зятем и младшей внучкой приехали с Кипра, мы со Светланой прилетели из Бишкека, все разодеты и собрались идти на праздничный бал-свадьбу старшего внука моего брата Олега. Радостное оживление на наших лицах от того, что мы вместе, внучки одна краше другой, Женечка с маленькой прямоугольной сумочкой в руке. Диана бережно опирается на зонтик, как долго еще после того, как был сделан снимок, сохранила она свою улыбку, эта красавица? Сын стоит раскованно, свободно, уверенно, на нем держится вся семья, ее благополучие и процветание. Его открытое лицо, очертание лба, глаза, стройный, высокий рост свидетельствуют о незаурядных способностях и высокой культуре мышления, которым одарили его родители. Дети достойно

приняли нашу эстафету, обогатили семейную традицию знаниями и опытом современности, они являются воспитательным примером для своих детей.

В связи с возрастом в нашем организме происходят изменения, проявляются недуги, весной 2019 года сын позаботился о моем посещении клиники F. M. MAYR ZENTRUM, расположенной на берегу живописного озера Bodensee. Близ его раскинулись прогулочные дорожки, берущие начало или проходящие через деревню Hodingen. Дома здесь одинаково ухоженные, как правило не выше двух уровней, один не похожий на рядом стоящий. Минуя одну из усадеб, почему-то меня заинтриговал хозяин этого зеленого участка или скорее надела, он круто спускался к дороге и весь состоял из многоярусных террас, готовых весело сползти одна на другую при первом же грозовом ливне. Из входной группы этого дома вышел стройный мужчина, возрастом ближе к 80-ти. Одет он был с иголочки, манжеты белой рубашки выглядывали из-под темного пиджака, отутюженные брюки серого цвета прикрывали черные туфли, начищенные до блеска. Через минуту вслед за ним вышла его спутница, худенькая фигура легко ступала по тротуару лакированными туфлями, на едва заметных каблуках. Волос пепельного цвета кучерявился, их слегка тревожил ветерок. Поравнявшись с мужем, они взялись за руки. Вскоре седовласая чета свернула с главной дороги, возможно им предстояла встреча с детьми и внуками, живущими вблизи.